

ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИЙ

Владимир
Антонов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Документальный рассказ о выдающемся советском разведчике-профессионале, имя которого в 1920—1930-е годы было окружено легендами в чекистской среде. В разведке прошел путь от нелегального оперативного сотрудника и резидента за кордоном до создателя и руководителя самостоятельного специального нелегального подразделения, активно действовавшего практически по всему миру. Его деятельность всегда сопровождалась повышенным уровнем секретности. Достаточно сказать, что впервые материалы о проведенных им уникальных разведывательных операциях появились в отечественной и зарубежной литературе лишь в начале 1990-х годов, то есть спустя почти 50 лет после его смерти.

[Адаптировано для AIReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Владимир Антонов](#)
 -
 -
 - [РАЗВЕДЧИК СЕРЕБРЯНСКИЙ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Город детства](#)
 - [Юный революционер](#)
 - [Первая мировая война](#)
 - [Баку](#)
 - [Гилянская Советская Республика](#)
 - [Первый чекистский опыт. Переезд в Москву](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Зарождение советской внешней разведки](#)
 - [Советско-польская война 1920 года](#)

- [Разведка начинает действовать](#)
- [Глава третья](#)
 - [Палестина](#)
 - [Жена, соратница](#)
 - [Бельгия и Франция](#)
- [Глава четвертая](#)
 - [Работа с позиций Центра](#)
 - [Провокация против АРКОСа](#)
 - [Нейтрализация руководителя РОВС](#)
 - [Преемник Кутепова](#)
 - [Нейтрализация генерала Миллера](#)
- [Глава пятая](#)
 - [Командировки, командировки...](#)
 - [Специальная группа особого назначения](#)
 - [Знакомство с Судоплатовым](#)
 - [Троцкисты](#)
 - [Операция «Сынок»](#)
 - [Спецоперации СГОН](#)
- [Глава шестая](#)
 - [Невозвращенец Орлов](#)
 - [Арест и следствие](#)
 - [Приговор](#)
- [Глава седьмая](#)
 - [Первые месяцы войны](#)
 - [Из камеры смертников — на войну](#)
 - [Битва за Москву](#)
 - [Новые горизонты борьбы](#)
 - [Оперативная радиоигра «Монастырь»](#)
 - [Венгерские мотивы в Карпатах](#)
 - [Оперативная радиоигра «Березино»](#)
 - [Гроссадмирал Эрих Редер](#)
- [Глава восьмая](#)
 - [Пенсионер Серебрянский](#)
 - [Роковой 1953 год](#)
 - [Долгая дорога к реабилитации](#)
- [Глава девятая](#)
- [ПОСТСКРИПТУМ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)

- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [INFO](#)
- [СЕРИЯ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1995

(1795)

Владимир Антонов

ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Антонов В. С., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

*100-летию Службы внешней разведки Российской
Федерации, а также ее сотрудникам
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

РАЗВЕДЧИК СЕРЕБРЯНСКИЙ

Нелегальная разведка — это, прежде всего, разведчики-нелегалы, люди героической судьбы, безмерной отваги, профессионалы самого высокого класса и, конечно, настоящие патриоты России.

Сергей Нарышкин, директор Службы внешней разведки Российской Федерации

Яков Исаакович Серебрянский останется в истории России не только как выдающийся разведчик-профессионал, имя которого в 1920—1930-е годы было окружено легендами в чекистской среде, но и как один из основателей нелегальной разведки нашей страны.

В разведке Серебрянский прошел путь от оперативного работника и резидента за кордоном до создателя и руководителя самостоятельного специального подразделения нелегальной разведки, иногда именуемого в современной художественной и специальной литературе «группой Яши» или «группой Я».

Его работа всегда сопровождалась повышенным уровнем секретности. Достаточно сказать, что впервые материалы о проведенных им уникальных операциях появились в отечественной и зарубежной литературе по разведке лишь в начале 1990-х годов, то есть спустя почти 50 лет после его смерти. Многие из операций, проведенных членами «группы Яши», еще долгие годы будут закрыты для широкой общественности. В то же время в «Очерках истории российской внешней разведки», изданных в начале 1990-х годов и являющихся официальным изданием Службы внешней разведки Российской Федерации, в ряде материалов фигурируют отдельные эпизоды из его оперативной биографии. Ведь один из лучших разведчиков-нелегалов Яков Серебрянский длительное время возглавлял специальное, совершенно секретное подразделение разведки, в задачи которого входило глубокое внедрение агентуры в зарубежные объекты военно-стратегического характера, а также проведение диверсионных и террористических акций в случае войны.

За время своей оперативной карьеры Серебрянский создал 20 специальных нелегальных резидентур в различных странах, которые привлекли к сотрудничеству с советской внешней разведкой на особый

период около двухсот агентов. Эти резидентуры дислоцировались главным образом в фашистской Германии, Франции, Норвегии, Голландии и на оккупированной японцами территории Северо-Восточного Китая. Одновременно Яков Исаакович разработал специальную методику подготовки руководителей этих резидентур.

«Группа Яши», а также образованная впоследствии и руководимая Серебрянским Специальная группа особого назначения (СГОН) подчинялись непосредственно руководителю ОГПУ и наркому НКВД и, по выражению легендарного разведчика Павла Судоплатова, являлись фактически «разведкой в разведке».

Из состава Особой группы, из СГОН и из организованной Серебрянским специальной разведывательно-диверсионной школы вышло немало выдающихся разведчиков. Так, учеником Серебрянского называл себя разведчик-нелегал полковник Вильям Генрихович Фишер (знаменитый полковник Рудольф Абель).

Другой видный советский разведчик и российский писатель, бывший сотрудник Особой группы, а затем — разведывательно-диверсионного управления генерала Судоплатова Герой Российской Федерации Юрий Колесников, также считавший себя учеником Якова Исааковича, в своих воспоминаниях подчеркивал:

«Подобранные Серебрянским и его сотрудниками в разных странах для борьбы с потенциальным агрессором надежные люди представляли собой серьезное оружие Советского Союза за его пределами. Это были немногочисленные, мобильные группы, наносившие своими действиями весьма чувствительный урон нацистам.

С помощью таких групп удавалось причинить немалый ущерб нацистской агентуре; ее эмиссары время от времени бесследно исчезали в разных точках земного шара. Аналогичная участь постигала и иностранных агентов, проходивших соответствующую подготовку в Германии.

По своевременной информации разведчиков-нелегалов Особой группы фашистская агентура, заброшенная в СССР, как правило, сразу же обезвреживалась. Адреса и «почтовые ящики», куда по прибытии обращались связные или новые лазутчики, неизменно находились под зорким наблюдением оперативников центрального контрразведывательного аппарата НКВД».

Имя Якова Серебрянского стоит в одном ряду с такими виртуозами разведки, как Павел Судоплатов, Дмитрий Быстролётов, Наум Эйтингон, Арнольд Дейч, супруги Зарубины и Коэн, Конон Молодой. И сегодня

совершенно справедливо фамилия Серебрянский значится среди семидесяти шести фамилий лучших сотрудников внешней разведки нашей страны за всю ее историю, занесенных на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации, которой уже совсем скоро, в декабре 2020 года, исполнится 100 лет.

Выступая в июне 2017 года перед сотрудниками нелегального подразделения Службы внешней разведки нашей страны, президент Российской Федерации Владимир Путин подчеркивал:

«Разведчики-нелегалы — люди особого склада, особой нравственной закалки и твердости духа. Всю свою жизнь они посвящают Родине, многим жертвуют, от многого отказываются, но отказываются во имя главного — служения Отечеству; ведут повседневную, напряженную, кропотливую работу, в которой нет выходных и праздников. Это скромные люди, они не любят, когда их называют героями. Они говорят, что просто делают свое дело «как учили», и добиваются результата».

Именно таким человеком был активный и талантливый разведчик Яков Серебрянский. Он прожил полную тревог и опасностей героическую и в то же время трагическую жизнь. Об этом и пойдет рассказ в предлагаемой читателю книге.

Автор заранее приносит свои извинения за большое количество цитирований в книге. Но дело заключается в том, что практически вся жизнь Якова Серебрянского прошла под грифом «секретно» и большинство сведений о нем пришлось собирать буквально по крупичкам из различных источников.

Автор выражает искреннюю благодарность сыну Якова Исааковича — Анатолию Яковлевичу Серебрянскому за действенную помощь, оказанную при написании этой книги.

Глава первая

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕКИСТА

Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!

Н. В. Гоголь

Город детства

9 декабря (по новому стилю) 1891 года в Минске в семье Исаака (Ицки) Серебрянского (погиб в 1941 году в минском гетто) и его жены Гени родился очередной ребенок — сын, которому родители дали имя Яков. В семье уже были старшие дети: сын Израиль и дочь Мирра.

Детство Якова прошло в Минске, где постоянно проживали родители и где его отец трудился подмастерьем у часовых дел мастера.

Это сегодня Минск — столица Республики Беларусь, ее политический, экономический и культурный центр, двухмиллионный мегаполис с монументальными сталинскими ансамблями в центре и бесконечными спальными районами на окраине.

А сто с небольшим лет назад, в годы детства и юности нашего героя, Минск был пусть и губернским, но провинциальным городом с населением около ста тысяч человек, где наследие ушедшей в конце XVIII века Речи Посполитой^[1] соседствовало с типичной эклектикой Российской империи.

В январе 1793 года Минск вместе с Беларусью был присоединен к Российской империи в результате второго раздела Речи Посполитой, а 3 апреля того же года стал центром вновь образованной Минской губернии.

В ходе Отечественной войны 1812 года город был серьезно разрушен. Когда русские войска освободили его, в городе оставалось около 3500 жителей, большая часть инфраструктуры и жилых домов лежала в руинах.

На протяжении XIX века город постепенно рос: в 1830-х годах все его главные улицы и площади были вымощены булыжником, в 1837 году появилась первая пожарная каланча, в 1844-м открылся первый театр. Уже к 1860 году в городе насчитывалось 27 тысяч жителей (примерно 55 процентов мещан, 13 процентов цеховиков, около 13 процентов военнослужащих, более 10 процентов дворян, около 2,5 процента купцов).

В 1871 году через Минск была проложена железная дорога Варшава — Москва, что явилось важнейшим условием для дальнейшего развития города. В 1890 году в городе появился телефон, а в 1894-м — первая электростанция. В мае 1892 года началось регулярное движение первого общественного транспорта — минской конно-железной дороги — конки.

Белорусский историк Владимир Воложинский в одной из своих работ, посвященных Минску, писал: «Уже к середине XIX века более половины городских улиц были вымощены камнем, четвертую часть строений составляли каменные дома, в том числе двух-трехэтажные (после пожара

1881 года, в результате которого была практически уничтожена центральная часть города, в центре было вообще запрещено строить деревянные дома. — В. А.).

В 1900 году в Минске было 58 промышленных предприятий и мануфактур.

В конце XIX века в Минске работало восемь больниц. Шесть из них принадлежали различным учреждениям и ведомствам — лечиться там могли только «свои». Лишь две больницы были доступны для всех горожан: бесплатная еврейская и государственная, принадлежавшая Департаменту общественной безопасности.

Неблагополучно было и с образованием. В 1893 году в Минске работало всего 13 начальных школ. Попасты в них было непросто, а обучение стоило довольно дорого».

В 1835 году Минск был включен в так называемую черту еврейской оседлости, действовавшую в Российской империи до февраля 1917 года, за границами которой запрещалось постоянное проживание иудеям. Поэтому не случайно по переписи 1897 года из 91 494 жителей, насчитывавшихся в городе, более половины (47 561 человек) являлись евреями.

В начале XX века экономический подъем в России сменился глубоким кризисом. Увеличилось обнищание крестьян, составлявших до 75 процентов населения, ухудшилось положение нарождающегося рабочего класса, разорялись мелкие предприниматели. Все это, а также неспособность царского правительства справиться с ситуацией способствовали росту недовольства в стране, усилению левых настроений.

Одновременно в Российской империи набирали силу революционные настроения, возникали политические партии, которые видели развитие и процветание России в свержении монархии и переходе к демократической форме коллективного управления.

Не оказалась в стороне от таких настроений и Беларусь. Конец XIX — начало XX века можно с уверенностью назвать временем создания и становления на ее территории целого ряда политических партий. Причем здесь возникали и действовали как отделения общероссийских партий, так и «местные» национальные партийные организации, преследующие узкие националистические интересы.

К началу XX века Минск становится одним из главных центров политического движения. С ростом промышленности в городе возникает и крепнет рабочий класс и, соответственно, активизируются левые нелегальные политические партии, а именно: РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия), Бунд и Партия социалистов-

революционеров (СР или эсеры). При этом если РСДРП и Бунд в начале века в Минске были в стадии становления, то партия эсеров, возникшая на базе народовольческих кружков, являлась наиболее крупной и организованной силой левого толка в Беларуси и уже имела к тому времени свою историю.

Напомним, что один из первых кружков социалистов-революционеров образовался в 1894 году в Саратове. Они поддерживали связь с некоторыми группами террористической организации «Народная воля». Когда народовольцев разогнали, саратовский кружок социалистов-революционеров начал действовать самостоятельно, выработав свою программу, она была опубликована в 1896 году. Одновременно в других городах Российской империи существовали народовольческие, социалистические кружки, которые постепенно объединялись между собой. Основными участниками этих кружков являлись учащиеся гимназий, интеллигенция и представители рабочего класса, который в связи с развитием капитализма вышел на арену политической борьбы.

В Беларуси народнические организации вели пропагандистскую работу среди рабочих, интеллигенции, учащихся гимназий путем распространения нелегальной литературы, создания кружков, проведения собраний. Эсеры руководили стачечным движением. Так, в 1895–1897 годах в Беларуси было зарегистрировано 114 групповых и отдельных стачек, в которых приняло участие свыше пяти тысяч рабочих.

В 1898–1899 годах в Минске произошло объединение групп народнического толка в Рабочую партию политического освобождения России. Своей целью партия выдвинула установление нового общественного устройства. В качестве главного средства достижения этой цели обосновывалась тактика террора против лиц, непосредственно заинтересованных в сохранении существующего деспотического строя.

В марте — апреле 1900 года минская организация была провалена, ее типография разгромлена полицией. Однако оставшиеся на свободе социалисты-революционеры продолжили работу. Программа общероссийской партии социалистов-революционеров, принятая на первом съезде в 1904 году, провозгласила конечной целью экспроприацию капиталистической собственности и реорганизацию производства и всего общественного строя на социалистических началах при полной победе рабочего класса.

В политической части программы предусматривались ликвидация самодержавия, установление демократической республики, политических и гражданских свобод: провозглашались свобода слова, печати, союзов,

сходок, самоуправление политических групп и т. д. В области нравственности — свобода совести, чувств, мысли, науки, обязательное бесплатное обучение.

В разделе, посвященном экономической платформе, построение нового общества связывалось с переходом земли и орудий труда в общую собственность всех трудящихся, в собственность социалистического государства, с заменой наемного труда индивидуальным или коллективным трудом.

Движущими силами революции эсеры признавали пролетариат, трудовое крестьянство и трудовую интеллигенцию, которых они относили к единому классу трудящихся. Основным средством достижения своих целей партия социалистов-революционеров считала стачки, крестьянские бунты, вооруженные выступления.

Эсеровские организации получили широкое распространение в Минске, Витебске, Вильно, Гомеле и Бобруйске.

В 1904 году был создан Северо-Западный областной комитет, которому подчинялись эсеровские организации на территории Беларуси и Смоленской губернии. Партия эсеров занимала одно из ведущих мест в системе российских политических партий. Наиболее привлекательными для населения были ее идеи демократического социализма и мирного перехода к нему. В своей деятельности эсеры выступали за демократическую республику и проведение социализации земли. Но в отличие от РСДРП для достижения партийных целей эсеры допускали революционный террор.

В 1906 году в составе партии эсеров выделяются эсеры-максималисты, которые, принимая общую платформу партии, считали необходимым прибегнуть к террору против «слуг самодержавия». Терроризм рассматривался ими прежде всего как средство самообороны общества от произвола властей. Другая функция революционного теракта, по мнению эсеров, заключалась в оказании агитационного воздействия на массы.

Как уже отмечалось, Российская социал-демократическая рабочая партия на территории Беларуси в начале XX века находилась в стадии становления. И не случайно именно в Минске в 1898 году в частном доме на Захарьевской улице (ныне проспект Независимости) 1–3 марта проходил Первый съезд РСДРП, который лишь провозгласил образование новой партии, однако завершился, не приняв ни устава, ни программы. Был подготовлен манифест, в нем ближайшей задачей ставилось свержение самодержавия и завоевание политической свободы для народа. Решение этой задачи рассматривалось как необходимое условие для дальнейшей

борьбы рабочего класса за социализм.

Второй съезд РСДРП (фактически учредительный съезд партии) проходил нелегально летом 1903 года в Лондоне. На съезде была принята программа партии. Она предусматривала два этапа революции: на первом этапе — свержение самодержавия, установление восьмичасового рабочего дня и демократических свобод; на втором этапе — переход к диктатуре пролетариата путем социалистической революции. Участники съезда приняли устав партии и избрали ее руководящие органы.

На съезде произошел раскол партии на большевиков — сторонников Ульянова (Ленина) и меньшевиков — сторонников Мартова. Большевики выступали за проведение буржуазно-демократической и сразу социалистической революции и установление диктатуры пролетариата. Меньшевики считали, что в России должна победить буржуазно-демократическая революция, в результате которой страна будет развиваться по буржуазному пути, а затем путем реформ перейдет к социализму.

В январе 1904 года был организован Полесский комитет РСДРП, объединивший социал-демократические группы Гомеля, Могилева, Орши, Шклова, Быхова. В марте 1904 года был создан Северо-Западный комитет, который объединил Минскую, Виленскую, Витебскую, Бобруйскую и другие группы РСДРП.

По свидетельству Владимира Воложинского, благодаря широкой агитации РСДРП в Минске «рабочие города приняли самое активное участие в революции 1905–1907 годов: в 1905 году они провели январскую политическую забастовку, демонстрацию 1 мая, конкретно поддержали октябрьскую и декабрьскую всероссийские политические стачки».

Активно вел себя в Беларуси Бунд (на идише — «союз») — полное название: Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России — еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе с 90-х годов XIX века до 40-х годов XX века. Бунд считал себя единственным представителем интересов еврейских ремесленников, а также нарождающегося рабочего класса. Его организации существовали по всей Беларуси.

Как политическая партия еврейских промышленных рабочих и ремесленников Бунд организационно оформился в сентябре 1897 года на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно; в 1901 году официально провозгласил себя единственной национальной партией еврейского пролетариата.

Бунд являлся левосоциалистической партией, выступавшей за демократию и обобществление средств производства, и следовал

традициям демократического марксизма. Он выступал за национально-культурную автономию для восточноевропейского еврейства, за создание светской системы просвещения, вел активную социалистическую пропаганду и призывал к борьбе через чисто политическую агитацию, первомайские демонстрации и забастовки в сопровождении политических требований. Бунд руководил экономической борьбой еврейских рабочих, в национальной программе придерживался лозунга национально-культурной автономии; являлся одним из инициаторов, а в некоторых местах и главным организатором самообороны во время еврейских погромов в России. В ходе борьбы за отмену исключительных законов против евреев перешел на позиции национализма.

В 1898 году на Первом съезде РСДРП Бунд вошел в партию как автономная организация, самостоятельная в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата. Будучи в составе РСДРП, Бунд придерживался позиции меньшевиков. После Октябрьской революции раскололся на две части: одна выступила против советской власти, вторая вошла в РКП(б). В 1921 году Бунд в России самоликвидировался. В Польше существовал до конца 1930-х годов.

К партиям, преследующим узконациональные цели, можно отнести образованную в 1905 году в Минске Сионистско-социалистическую рабочую партию, которая ставила целью создать «отдельное еврейское социалистическое общество».

Параллельно шел процесс формирования партии социал-сионистского направления «Паолей-Цион». Эта партия выступала за создание самостоятельного еврейского государства в Палестине.

В 1901 году в Минске при негласном содействии охранки была создана Еврейская независимая рабочая партия (ЕНРП). Она ставила своей задачей подъем экономического и культурного уровня еврейского пролетариата в условиях самодержавия. Это была попытка властей поставить под контроль еврейское рабочее движение. ЕНРП стала активным проводником сионизма. И не случайно власти в 1902 году разрешили провести в Минске Всероссийский съезд сионистов.

В начале XX века в Беларуси имела влияние Польская социалистическая партия (ПСП). Ее главной задачей было возрождение независимого польского государства. Местные группы образовали Польскую социалистическую партию в Литве (1902–1906 годы), которая требовала самостоятельности Литвы и Беларуси с Учредительным собранием в Вильно.

Уже упоминалось, что начало XX века было отмечено также подъемом

белорусского национального движения. Однако слабость белорусской буржуазии не позволила ей оказать решающее влияние на развитие общественно-политических процессов в регионе. Особенность Беларуси была в многонациональном составе городов, где белорусы составляли меньшинство населения. Поскольку подавляющую часть белорусского населения составляли крестьяне, развитие национального движения шло под флагом идей «крестьянского социализма». На первый план выдвигались культурно-просветительские идеи, которыми заинтересовалась некоторая часть белорусской молодежи.

В 1902 году в Петербурге студенты из Беларуси Антон и Иван Луцкевичи создали Кружок белорусского народного просвещения и культуры, который пропагандировал национальную культуру, вел поиск путей ее возрождения.

В конце 1902-го — начале 1903 года представители белорусских народных кружков организовали Белорусскую революционную громаду (БРГ). Братья Луцкевичи, В. Ивановский, Э. Пашкевич, К. Кастраницкий, А. Бурбис выступили с идеей создания социально-политической организации трудового народа. В 1903 году на первом съезде партия была переименована в Белорусскую социалистическую громаду (БСГ). Этот съезд принял программу партии, которая декларировала необходимость ликвидации самодержавия и капиталистического строя. БСГ выступала за переход всех основных средств производства и земли в общественную собственность, за право каждого человека на обработку земли без использования наемного труда, за восьмичасовой рабочий день, бесплатную медицинскую помощь. В политической области она требовала равноправия людей, прямого, всеобщего, равного избирательного права с тайным голосованием, свободы печати, слова, собраний. Кроме того, БСГ выступала за национальную свободу, признание прав всех народов на автономию, создание независимых демократических республик.

В 1904–1905 годах в Гродненской губернии действовала Социалистическая партия Белой Руси, которая распространяла листовки демократического содержания на белорусском языке.

Таким образом, основные политические партии в регионе находились в стадии организационного оформления, поиска и определения своих политических позиций. Однако наиболее активно о себе заявили РСДРП, Бунд и эсеры.

Юный революционер

Яков Серебрянский рос, не зная особого достатка, как и все выходцы из еврейской бедноты, проживавшие в черте оседлости.

Материальное положение семьи несколько улучшилось лишь после того, как его отцу в конце 1898 года удалось получить место приказчика на местном сахарном заводе.

Безусловно, события, связанные с первой русской революцией, способствовали радикализации настроений среди молодежи, и в первую очередь среди тех, кто с детства сталкивался с экономическим, социальным и национальным неравенством.

Так, 16 февраля 1905 года в Минске прошли политическая демонстрация и забастовка учащихся средних учебных заведений. Результатом действий учащихся явилось решение минских властей открыть в городе с 1 июля новое городское училище. Думается, что четырнадцатилетний Яков принимал участие в этих протестных действиях.

С юных лет Яков видел несправедливость существующего строя, заключающуюся в нищете и бесправии одних, богатстве и всевластии других, и сочувствовал революционному движению. Можно также предположить, что его возмущала преступная политика царизма в отношении народа, к которому он принадлежал, в частности пресловутая черта оседлости. Его не могли привлечь «малые» партии с их узконациональными целями и задачами. Не примкнул он и к Бунду. Яков сблизился с эсерами. Не исключено, что молодого человека, как и многих его сверстников, в эсерах привлекала романтика подполья, вооруженной борьбы за власть народа.

В 1907 году, будучи учащимся 1-го минского городского училища, Яков начинает посещать собрания молодежного эсеровского кружка. А спустя год, уже завершив учебу, вступает в партию социалистов-революционеров и становится членом ее наиболее радикального крыла — эсеров-максималистов.

Представители этого наиболее крайнего течения социалистов-революционеров считали необходимым стремиться к немедленному и полному (социалистическая программа «Максимум») преобразованию общества на социалистических началах. Средствами для достижения этой цели максималисты признавали террористические действия (экспроприации, нападения на представителей администрации и полиции)

— как подготовительную стадию и общее восстание — как конечную. Организованные группы максималистов появились в России с конца 1905 года и совершили несколько крупных экспроприаций и террористических актов. Так, 3 января 1906 года в Минске эсерами-максималистами был убит двумя выстрелами, произведенными с близкого расстояния, начальник 30-го артиллерийского парка полковник Белавинцев. Убийцы найдены не были. По данным следствия, полковника Белавинцева убили по ошибке, так как его, видимо, приняли за председателя Минского военно-полевого суда.

У нас нет официальной информации о том, когда и в каких конкретно акциях принимал участие Яков. Но важно то, что, занимаясь в эсеровском кружке и участвуя в работе партийной ячейки, он научился выявлять слежку и уходить от нее, находить и вербовать единомышленников, основам конспирации. Иными словами, Серебрянский уже тогда приобрел опыт профессионального революционера-подпольщика, что очень пригодилось ему в дальнейшей работе в качестве разведчика-нелегала.

1 марта 1909 года в Минске был убит начальник городской тюрьмы Славинский. Организатором убийства выступила местная группа эсеров, исполнителем — эсер-максималист Александр Ойец (приговорен к повешению). Полиция провела обыски и аресты эсеров, которые знали террориста или поддерживали с ним связь. Серебрянский никакого отношения к убийству Славинского не имел, однако был знаком с некоторыми подозреваемыми. К тому же при обыске у него была найдена запрещенная литература.

В мае 1909 года Яков, которому едва исполнилось 17 лет, был арестован полицией за «хранение литературы преступного содержания и по подозрению в соучастии в убийстве начальника минской тюрьмы». До апреля 1910 года он находился под стражей в городской тюрьме, а затем в административном порядке был приговорен к двум годам высылки под гласный надзор полиции (срок исчислялся с 13 октября 1909 года). Отбывал наказание в Витебске.

Оказавшись в Витебске, Яков устроился слесарем на местную телефонную станцию, а затем овладел престижной по тем временам специальностью электромонтера и стал работать в городском театре.

В октябре 1911 года Серебрянский возвратился в Минск. До августа 1912 года его имя регулярно фигурировало в совершенно секретных документах минского Губернского жандармского управления (ГЖУ). В архиве семьи Серебрянских имеется ряд копий подобных документов. В частности, в одном из них (исх. № 68 от 7 мая 1912 года, совершенно секретно) начальник минского Губернского жандармского управления

докладывает в Особый отдел Департамента полиции: «Уведомляю, что упомянутый в агентурных сообщениях № 343 Я. Серебрянский есть минский мещанин Яков Ицков Серебрянский, в 1909 году привлекавшийся при вверенном мне Управлении к переписке в порядке Положения о Государственной охране в качестве обвиняемого по делу о задержании соучастников в убийстве начальника минской тюрьмы Александром Ивановым Ойцом. По каковому делу, как видно из отношения минского губернатора от 26 октября 1909 года за № 1419, названный Серебрянский за принадлежность его к партии социалистов-революционеров административным порядком подчинен гласному надзору полиции в избранном им месте жительства, за исключением столиц, столичных городов и Минской губернии, на два года, считая срок с 13 октября 1909 года».

Из отношения же начальника витебского Губернского жандармского управления от 15 октября 1911 года за № 8318 видно, что Яков Серебрянский 13 октября того же года «окончил срок гласного надзора полиции и выбыл из Витебска на родину в город Минск, где в настоящее время и проживает по Ново-Московской улице в доме № 31, кв. 5».

По возвращении в Минск гласный надзор полиции сменился надзором негласным. Яков Исаакович рассказывал сыну, что, куда бы он ни шел, за ним следовал филер, причем весьма неопытный. Серебрянский очень быстро научился его распознавать и легко уходил от слежки.

В документе № 732 от 10 мая 1912 года, имевшем гриф «секретно», начальник минского ГЖУ сообщает в Особый отдел Департамента полиции:

«Хотя в городе Минске и проживают отдельные члены партии социалистов-революционеров: Яков Ицков Серебрянский, Соня Абрамова Левина, Деля Мордухова Бродская, Абрам Овсеев Вольман, Иосиф Абрамов Клапер, Давид Абелев Соломонов и Игнатий Иванов Галимский, но никакой активной деятельности они не проявляют; несмотря же на это, я в скором времени произведу обыски у этих лиц, о результатах которых донесу дополнительно».

Однако уже в ноябре фамилия Серебрянского исчезает из сводок жандармерии и полиции. Объяснялось это довольно просто: у юноши подошло время призыва на действительную военную службу.

Первая мировая война

В августе 1912 года Серебрянский был призван в армию. Вернее, как утверждают некоторые авторитетные историки, он ушел в армию добровольно, в качестве вольноопределяющегося. Службу Яков Серебрянский начал рядовым 122-го Тамбовского пехотного полка, дислоцировавшегося в Харькове.

В июле 1914 года в связи с началом Первой мировой войны рядовой Серебрянский был направлен в действующую армию на Западный фронт в составе 105-го Оренбургского пехотного полка. Однако служба в действующей армии для молодого человека длилась недолго.

Уже в начале августа 1914 года 105-й Оренбургский пехотный полк в составе 27-й пехотной дивизии 3-го армейского корпуса Первой русской армии принял участие в наступлении в Восточной Пруссии, закончившемся трагическим поражением русских войск — так называемой «Самсоновской катастрофой».

В самом начале Первой мировой войны русское военное командование, решив оказать помощь Франции, приступило к поспешному и совершенно неподготовленному наступлению в Восточной Пруссии. Предполагалось, что с востока в нее вступит Первая русская армия под командованием генерала Ренненкампа, а с юга — Вторая русская армия во главе с генералом Самсоновым.

Историк А. А. Керсновский в книге «История русской армии» так описывает эти события: «1 августа, на 14-й день мобилизации, наша Первая армия генерала Ренненкампа тронулась из районов своего сосредоточения к границе.

Справа шел не успевший закончить сосредоточения Двадцатый армейский корпус генерала Смирнова. В центре — Третий армейский корпус генерала Епанчина. Палевом фланге, уступом позади, Четвертый армейский корпус генерала Алиева. Вся конница была собрана на флангах: 2-я кавалерийская дивизия Нахичеванского — на правом, 1-я кавалерийская дивизия генерала Гурко — на левом. Три же корпуса шли вперед вслепую. Тыл армии был еще совершенно неустроен.

Совершив три усиленных перехода без дорог, Первая армия с утра 4 августа стала переходить границу. Третий армейский корпус вступил в упорный бой у Сталлупенена с 1-м германским армейским корпусом генерала Франсуа, который в итоге поспешно отступил. <...>

Между Третьим корпусом и запоздавшим Четвертым образовался разрыв в 20 верст^[2]. Генерал Епанчин не счел нужным предупредить об этом 27-ю пехотную дивизию, шедшую в обстановке полной безопасности слева. Дивизия подверглась внезапному огневому нападению и короткому удару, причем застигнутый врасплох 105-й пехотный Оренбургский полк был совершенно разгромлен».

Из 63 офицеров и 6664 нижних чинов, убитых и раненных в ходе боев 4–7 августа, половина приходилась на 105-й Оренбургский полк. Именно в одном из этих боев и был тяжело ранен в ногу рядовой Серебрянский (согласно имеющемуся в семье Серебрянских документу он был ранен 7 августа 1914 года). Война для него закончилась.

Несколько слов о том, что же произошло дальше на фронте.

Несмотря на возникшие трудности, Первая русская армия генерала Ренненкампа продолжала наступление и вскоре одержала первую победу над немцами (при Гум-бинене). Однако промедлила с преследованием противника. Немцам удалось оторваться от русских войск, провести переформирование и подготовиться к ответному удару.

К сожалению, русская разведка не смогла выявить намерение противника сосредоточить свои усилия у левого (западного) фланга Второй армии Самсонова. Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Жилинский потребовал от Самсонова перейти к активному наступлению с юга на север, чтобы взять немцев в кольцо.

13 августа немцы нанесли Второй русской армии первое чувствительное поражение на северо-восточном крае фронта, близ Гросс-Бессау. А 14 августа перешли в наступление на юго-западе фронта (у Сольдау и Уздау).

В ночь на 16 августа генерал Самсонов покончил с собой револьверным выстрелом. А 17 августа Вторая русская армия перестала существовать.

В результате «Самсоновской катастрофы» немцы захватили более 90 тысяч русских пленными, большое количество оружия и лошадей. Тысячи раненых русских солдат были просто добиты или отправлены в концлагеря.

Следует отметить, что история Первой мировой войны знает немало примеров блестящих побед и горьких поражений русской армии. Настоящий эпизод войны выбран автором только потому, что к нему имеет непосредственное отношение раненный уже на первом этапе боевых действий рядовой Яков Серебрянский.

Баку

Почти полгода Серебрянский находился на излечении в госпиталях, а в феврале 1915 года был демобилизован из армии. Возвращаться в Минск Якову не было смысла: мирная жизнь города была прервана Первой мировой войной. В 1915 году город становится фронтовым. В нем размещается штаб 10-й армии, располагаются многочисленные госпитали и различные армейские склады.

Серебрянский принял решение отправиться в Баку. Не последнюю роль в данном решении сыграли и благоприятные климатические условия в этом районе, которые могли способствовать окончательному выздоровлению. Он устроился работать по своей специальности — электромонтером на местном газовом заводе, а через некоторое время — на знаменитых Бакинских нефтепромыслах. Там Серебрянского и застала Февральская революция 1917 года.

Баку в то время был многонациональным, большим, по меркам Закавказья, городом со значительным русским населением: множество переселенцев искало здесь лучшей доли.

Следует отметить, что с началом Первой мировой войны политическая ситуация в Баку оставалась относительно спокойной. Этому способствовал ряд мер, предпринятых жандармами и военной контрразведкой в ближнем тылу Кавказской армии.

На момент прибытия в Баку Серебрянского русской Кавказской армии удалось окружить и полностью разгромить наступавшую на русское Закавказье турецкую армию. В ходе военной кампании 1915–1916 годов Кавказская армия под командованием генерала от инфантерии Николая Юденича^[3] 13–16 февраля выиграла крупное сражение под Эрзурумом, а 15 апреля овладела городом Трапезунд. К осени 1916 года русские войска контролировали большую часть Западной Армении (шесть армянских провинций Османской империи).

Однако вскоре обстановка в Баку начала меняться. Историки отечественных спецслужб Иосиф Линдер и Сергей Чуркин в одной из своих работ следующим образом оценивают политическую ситуацию, сложившуюся в городе весной и летом 1917 года:

«Политическая ситуация в Баку все более накалялась. Эсеры, большевики, меньшевики, дашнаки, мусаватисты, кадеты, социал-федералисты, анархисты представляли собой пестрый политический котел,

в котором бурлили различные мнения и выплескивались наружу буржуазные, социалистические и националистические лозунги. Старые союзы рассыпались, на смену им приходили новые коалиции...

В Закавказье в это время наибольшую силу представлял полумиллионный Кавказский фронт (так с апреля 1917 года стала называться Кавказская армия). Поскольку более 90 процентов солдат и офицеров в нем были русскими, националистические партии не имели среди них влияния. Борьба за армию шла в основном между эсерами и большевиками.

С лета 1917 года в войсках началось брожение. Фронт постепенно разлагался, солдаты дезертировали.

Появились перебои с поставками продовольствия в Баку. С мая 1917 года в городе были введены карточки на хлеб и сахар. Чтобы наладить систему снабжения, созданный в городе в марте 1917 года Временный исполнительный комитет общественных организаций постановил организовать временные продовольственные комитеты. В число их задач входили: контроль над частной торговлей, учет продовольствия и равномерное распределение продуктов, борьба со злоупотреблениями, руководство городскими столовыми, содействие охране и безопасности в городе».

Одновременно необходимо отметить, что в Баку активно действовали мусульманские проповедники в зеленых чалмах и мусаватисты — члены контрреволюционной буржуазно-националистической партии «Мусават» («Равенство»). В годы Гражданской войны 1918–1920 годов партия «Мусават» стала одной из главных контрреволюционных сил Азербайджана. Лишь в апреле 1920 года, когда в Азербайджане была окончательно установлена советская власть, партия прекратила свое существование.

Октябрьская революция в Петрограде и Москве была воспринята в Баку положительно, поскольку в городе и его окрестностях концентрировалось более трети закавказского пролетариата, а большинство бакинских рабочих симпатизировали левым эсерам и большевикам.

Что касается большевиков, то они имели серьезное влияние лишь в пролетарском Баку благодаря большому количеству рабочих, занятых на нефтепромыслах.

13 ноября 1917 года по инициативе Бакинского комитета большевиков Бакинский совет рабочих и солдатских депутатов первым в Закавказье вынес постановление о переходе власти в руки Совета и повел борьбу за ее укрепление.

В декабре 1917 года Исполком Бакинского совета принял решение о создании Красной гвардии. Как отмечали указанные выше историки И. Линдер и С. Чуркин, «первые отряды Красной гвардии были созданы в Черном городе и Балаханах. В феврале 1918 года в отрядах Красной гвардии в Баку насчитывалось уже 3500 человек».

30 марта 1918 года в Баку был поднят антисоветский мятеж мусаватистов, подавленный вооруженными силами Бакинского совета. Весной и летом 1918 года Советы взяли власть в Кубе, Шемахе, Ленкорани, Сальянах, Джевате и ряде других уездов.

25 апреля 1918 года на заседании Бакинского совета большевиками и левыми эсерами было создано советское правительство (Бакинский совет народных комиссаров, явившийся органом пролетарской диктатуры) во главе с руководителем большевиков Закавказья Степаном Шаумяном^[4] — Бакинская коммуна. Следует, однако, отметить, что она контролировала лишь часть территории Закавказья.

Бакинский СНК действовал под руководством СНК РСФСР и, сообразуясь с местными условиями, проводил в жизнь его декреты и распоряжения (национализация нефтяной промышленности, банков и каспийского торгового флота). На предприятиях и в учреждениях вводился рабочий контроль и восьмичасовой рабочий день, повышалась зарплата рабочих.

Бакинская коммуна являлась единственным оплотом советской власти в Закавказье, где против нее вели борьбу все силы внутренней контрреволюции, английские и германо-турецкие интервенты.

Обстановка осложнялась еще и тем, что в республике отсутствовал прочный союз между многонациональным бакинским пролетариатом и широкими массами трудящихся крестьян. Власть во многих уездах находилась в руках буржуазных националистов — мусаватистов.

Важную роль в политической жизни Баку играл Центрокаспий (Центральный комитет Каспийской военной флотилии) — высший выборный орган Каспийской военной флотилии, созданный в Баку в первой половине 1917 года, в котором большинство тогда составляли меньшевики и эсеры.

И хотя первый съезд моряков Каспийской флотилии приветствовал Октябрьскую революцию и поручил Центрокаспию поддерживать только ЦИК Бакинского совета рабочих и солдатских депутатов и проводить в жизнь директивы СНК и Бакинской коммуны, его неоднородный состав мешал претворению в жизнь этих поручений. Как уже отмечалось, в первом составе Центрокаспия преобладали эсеры и меньшевики, которые

стремились превратить его в центр антисоветской деятельности. После падения советской власти в Баку (31 июля 1918 года) Центрокаспий фактически перестал существовать.

В июле 1918 года началось наступление турецких войск на Баку. В их поддержку практически открыто выступили мусаватисты. 25 июля на заседании Бакинского совета им, а также эсерам, дашнакам и меньшевикам удалось провести решение о приглашении в Баку английских войск.

В последних числах июля турецкие войска подошли к городу. С юга (из Ирана) на Баку двигались английские войска. В этой обстановке 31 июля советская власть в Баку временно пала.

1 августа 1918 года в противовес СНК контрреволюционные силы создали антисоветское правительство — так называемую Диктатуру Центрокаспия, — которое просуществовало до середины сентября 1918 года.

4 августа 1918 года Баку был оккупирован английскими войсками. А в середине сентября в город вошли турецкие войска (Кавказская исламская армия).

После Февральской революции 1917 года Серебрянский восстановил свое членство в партии эсеров и стал партийным активистом. Он вошел в состав Бакинского совета, а с марта 1917 года начал работать в Бакинском продовольственном комитете.

От партии социалистов-революционеров Серебрянский избирается делегатом 1-го съезда Советов Северного Кавказа. После освобождения Баку от мусаватистов служил в Красной армии, являясь начальником отряда Бакинского совета по охране продовольственных грузов на Владикавказской железной дороге.

В 1918 году на квартире у своего друга и коллеги по Бакинскому совету и эсеровской партии Марка Беленького Серебрянский познакомился с его восемнадцатилетней сестрой Полиной. Между молодыми людьми завязались романтические отношения. Впоследствии Полина стала женой Якова и поделила с ним все трудности и испытания непростой жизни разведчика-нелегала.

Здесь следует отметить, что после раскола в конце 1917 года эсеровской партии политические пути Якова и Марка временно разошлись: один примкнул к правым, а второй — к левым эсерам. Однако в 1920-е годы они снова сошлись в одной партии — партии большевиков.

Наша справка

Марк Натанович Беленький (1890–1938), партийный и хозяйственный

деятель СССР, родился в Баку в многодетной еврейской семье.

Как писал в автобиографии сам Марк Натанович, обстановка в семье и окружение способствовали раннему формированию у детей «революционных настроений и мировоззрения».

Марк являлся членом Партии социалистов-революционеров (ПСР) с 1905 года. Дважды подвергался аресту, около девяти лет провел в эмиграции. Получил медицинское образование в Париже по специальности «невропатолог». Во время Первой мировой войны работал во французском госпитале. Возвратился в Баку в августе 1917 года. В 1918 году работал в Комиссариате здравоохранения. В августе 1918 года переехал с семьей в Персию. В 1919 году нелегально вернулся в Баку и работал в подполье. Член РКП(б) с 1920 года.

В 1931–1934 годах занимал должность заместителя наркома снабжения. Затем — заместитель наркома пищевой промышленности СССР.

Арестован 9 ноября 1937 года. Расстрелян 8 февраля 1938 года. Реабилитирован.

Гилянская Советская Республика

31 июля 1918 года Бакинская коммуна пала. В начале августа город заняли английские интервенты. Чтобы избежать репрессий, Серебрянский в мае 1919 года переехал в персидский город Решт. Несколько ранее, спасаясь от бедствий Гражданской войны, туда же перебралась семья Беленьких, в том числе и Полина.

Как и в наши дни, Решт в те годы являлся центром исторической провинции (остана) Персии^[5] Гилян, занимавшей юго-западное побережье Каспийского моря. Население города в то время составляло около пятисот тысяч жителей. Расположен он на равнине к югу от Каспийского моря. Уже тогда город считался крупным торговым узлом благодаря близости к порту Энзели, развитому сельскому хозяйству в регионе и активной торговле с прикаспийскими странами.

Британский военачальник, генерал-майор Лионель Чарлз Денстервиль, возглавлявший английский экспедиционный корпус в Баку, а затем эвакуировавшийся со своими подразделениями в Персию, дал в свое время следующее описание провинции Гилян:

«Прикаспийская Гилянская провинция Персидского шахства — это узкая полоса территории, расположенная на юго-западном берегу Каспийского моря. Гилян граничит на западе с Тальшем и на востоке с Тоннекабуном. Эльборский горный хребет отделяет его от Эрака Аджема. Гилян богат лесами, расположенными на склонах гор, обращенных к морю.

Решт, главный город провинции Гилян, расположен милях в двадцати от порта Энзели-Казиян.

Сама гавань образована двумя песчаными косами, имеющими подобие гигантских ножниц и заключающими в себя неглубокую лагуну. На западной косе расположен старый персидский город Энзели, на восточной же — новый русский город Казиян, выстроенный русскими в связи с заключением с Персией ценных торговых концессий. Всего несколько сотен ярдов^[6] водного пространства отделяют эти два города. В Казияне расположены почти все судостроительные верфи. В Энзели же находятся торговые помещения, банки и гостиницы, здесь и ведется вся торговля».

Еще в ходе Иранской революции 1909–1911 годов провинция Гилян являлась ее важным революционным центром.

Год спустя после революции в лесах провинции сформировалось движение дженгелийцев (лесные братья, от персидского дженгель —

«лес»), недовольных правлением шаха. Участниками этого движения являлись представители всех социальных слоев: прогрессивные либералы, конституционные демократы из интеллигенции, крестьяне и батраки, мелкая городская и сельская буржуазия всех национальностей: азербайджанцы, туркмены, талыши, курды, персы.

В мае 1920 года российская Волжско-Каспийская военная флотилия под командованием Федора Раскольникова и Серго Орджоникидзе была направлена правительством Советской России в Энзели. Формально — с целью возвращения российских кораблей, которые увели в Персию эвакуировавшиеся из российских портов белогвардейцы генерала Деникина. Другая цель — противостояние англичанам путем установления советской власти в Иране. Вскоре части Красной армии, преследовавшие отряды белогвардейцев и англичан, вошли в Персию. Руководство флотилии выдвинуло британским войскам, занимавшим город Энзели, ультиматум с требованием вернуть корабли. По истечении указанного в ультиматуме срока начались боевые действия. Британцы и белогвардейцы отступили. Советская Россия вернула контроль над своими кораблями.

Воспользовавшись ситуацией, 4 июня 1920 года отряды дженгелийцев под командованием националиста Мирзы Кучек-хана заняли столицу провинции Гилян. 5 июня после переговоров с советскими представителями в Реш-те была провозглашена Гилянская Советская Республика. При этом советская сторона согласилась не вмешиваться в ее внутренние дела.

Повстанцы сформировали Реввоенсовет Республики и правительство. Одновременно началось создание Гилянской (Персидской) Красной армии. Главой республики стал Кучек-хан. Были также назначены комиссар иностранных дел и главнокомандующий создаваемой армии.

Именно после провозглашения Гилянской Советской Республики судьба свела Серебрянского, проживавшего в то время в Реште, с видным чекистом того периода Яковом Блюмкиным, который был назначен комиссаром штаба Гилянской Красной армии.

Наша справка

Яков Григорьевич Блюмкин родился в 1900 году в Одессе.

Член партии левых эсеров с 1917 года. В январе — мае 1918 года участвовал в боевых действиях на юге России. В июне — июле 1918 года по рекомендации ЦК левых эсеров являлся заведующим отделением по противодействию немецкому шпионажу Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК.

6 июля 1918 года по заданию ЦК партии левых эсеров смертельно ранил германского посла в России графа Вильгельма фон Мирбаха с целью сорвать заключение Брестского мира.

В сентябре 1918 года после подавления мятежа левых эсеров Блюмкин бежал на Украину, где участвовал в повстанческом движении и подготовке террористического акта против гетмана Скоропадского.

В апреле 1919 года явился с повинной в Киевскую ЧК и был амнистирован Президиумом ВЦИКа.

В 1920 году вступил в РКП(б) и был направлен на военную работу. Летом 1920 года являлся военным комиссаром штаба Красной армии Гилянкой Советской Республики. Вступил в Иранскую компартию (ИКП). Одновременно являлся заведующим отделом ЦК ИКП по работе в деревне, председателем агитационной комиссии и членом комиссии по созыву персидских представителей на съезд народов Востока (Баку, 1920).

В сентябре 1920 года, после Гиляна, Блюмкин становится слушателем восточного факультета Академии Генерального штаба РККА. После окончания академии в 1922 году он назначается офицером для особых поручений Льва Давидовича Троцкого — председателя Революционного военного совета Республики, наркома по военным и морским делам. Блюмкин выполнял особо важные и секретные поручения наркома и даже редактировал первый том книги своего шефа «Как вооружалась революция» (1923). Влияние Троцкого на Блюмкина было так велико, что он стал убежденным, последовательным сторонником его взглядов, троцкистом.

С осени 1923 года — сотрудник Иностранного отдела (ИНО) ГПУ — ОГПУ, нелегальный резидент ИНО в Палестине.

В 1924 году Блюмкин был назначен помощником полномочного представителя ОГПУ в Закавказье. В конце 1925 года он некоторое время работал ответственным сотрудником Наркомата торговли.

В 1926–1927 годах находился на оперативной работе за рубежом, являясь главным инструктором государственной внутренней охраны (службы безопасности) Монголии. Близость к Троцкому и быстрый карьерный рост вскружили Блюмкину голову, и он стал относиться к монгольским коллегам высокомерно и бестактно. В ноябре 1927 года по настоянию председателя ЦК Монгольской народно-революционной партии Дамбе-Дорчжи Блюмкин был отозван в Москву, где, несмотря на явную протекцию начальника ИНО ОГПУ Трилиссера, несколько месяцев оставался в резерве внешней разведки.

В 1928 году Трилиссер поручает Блюмкину ответственное задание —

организовать нелегальную резидентуру на Ближнем Востоке. Он должен был обосноваться в Стамбуле, а затем создать нелегальную разведывательную сеть в Палестине и Сирии.

В сентябре 1928 года Блюмкин с паспортом на имя персидского купца Якуба Султанова выезжает из Одессы в Стамбул, где открывает магазин персидских ковров и успешно легализуется. Из Стамбула он совершает поездки в Иерусалим, Вену, Париж.

В марте 1929 года, находясь в Берлине, Блюмкин узнает о высылке из СССР в Турцию его кумира Льва Троцкого. Он принимает решение немедленно возвратиться в Стамбул, где 12 апреля встречается с сыном Троцкого Львом Седовым. 16 апреля встречается с самим «демоном революции» и в ходе продолжительной беседы заявляет, что «полностью передает себя в его распоряжение».

Блюмкин подробно инструктирует Троцкого относительно того, как организовать его личную охрану. Через Льва Седова он регулярно передает Троцкому секретные материалы и финансовые средства стамбульской нелегальной резидентуры ИНО ОГПУ. Одновременно соглашается нелегально переправить в СССР для активных участников оппозиции письмо Троцкого и несколько его книг. Вскоре «легальная» резидентура внешней разведки подробно информирует Москву о регулярных контактах Блюмкина с изгнанником.

В начале октября 1929 года Блюмкин был отозван из страны. В Москве он попытался объединить известных ему сторонников Троцкого. В частности, информировал видного троцкиста Карла Радека о своих встречах с Троцким в Стамбуле. Радек, находившийся в опале, немедленно сообщил об этой беседе Сталину. Одновременно Блюмкин рассказал своей близкой знакомой, сотруднице ИНО ОГПУ Елизавете Горской (в дальнейшем — видная советская разведчица-нелегал Елизавета Юльевна Зарубина), о своих контактах с троцкистами. Горская рекомендовала Блюмкину немедленно доложить о своих встречах руководству внешней разведки. Однако тот отказался. В свою очередь Горская поставила в известность о разговоре с Блюмкиным помощника начальника Иностранного отдела Михаила Горба. Тот дал ей указание прекратить все контакты с разведчиком.

15 октября Яков Блюмкин был арестован. Следствие по его делу вел заместитель начальника Секретно-политического отдела ОГПУ Яков Агранов, который впоследствии печально прославился участием в необоснованных репрессиях против чекистов. На допросах Блюмкин ничего не скрывал, надеясь на снисхождение. Однако чистосердечное

признание ему не помогло. 3 ноября 1929 года Коллегия ОГПУ постановила расстрелять Якова Григорьевича Блюмкина «за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти и за измену революционной чекистской армии».

«Безусловно, Блюмкин являлся очень интересной фигурой, — подчеркивал в беседе с автором Анатолий Серебрянский, сын героя нашего повествования. — О нем много говорили и много писали. Но писали по-разному. Тем не менее при всех его недостатках это был действительно борец за советскую власть, хотя и с элементами авантюризма. Кстати, я считаю, что у всех работников внешней разведки, добившихся результатов в оперативной деятельности, этот элемент, хотя бы в небольших количествах, всегда присутствовал. Я думаю, что отца в Блюмкине привлек именно его авантюризм, постоянная готовность к риску, неожиданным ситуациям. Полагаю, что в молодости отцу были также присущи некоторые элементы авантюризма. Ну а первая их совместная деятельность относится к периоду существования Гилянской Красной армии».

Первый чекистский опыт. Переезд в Москву

Являясь в Реште комиссаром штаба Красной армии Гилянкой Советской Республики, Яков Блюмкин одновременно руководил специальными боевыми операциями в провинции Гилян под именем Якубзаде. Подыскивая себе помощников, он не мог не обратить внимания на бывшего однопартийца, активиста эсеровского движения Якова Серебрянского. Вряд ли в Реште в то время легко можно было найти бывших профессиональных революционеров-подпольщиков, знакомых с методами конспирации. А ведь именно они в первые годы советской власти составили костяк ВЧК.

Кроме того, оказалось, что по эсеровской партийной линии Блюмкин был хорошо знаком с братом будущей жены Серебрянского и его другом Марком Беленьким. Нельзя исключать, что именно Марк, тесно общавшийся с Серебрянским, мог рекомендовать его Блюмкину как человека, заслуживающего доверия.

Во всяком случае, знакомство двух Яковов в Реште состоялось, и Блюмкин предложил кандидатуру Серебрянского для работы в только что созданном Особом отделе Гилянкой Красной армии. Так началась работа будущего разведчика-нелегала в ВЧК. Серебрянский, знавший несколько иностранных языков, был назначен начальником Общего отделения Особого отдела Гилянкой Красной армии.

Это был первый опыт чекистской работы Якова Серебрянского.

В августе 1920 года армия Гилянкой Советской Республики при поддержке советских войск предприняла наступление на соседнюю провинцию Зенджан с перспективой дальнейшего наступления на Тегеран, но была отброшена иранскими войсками.

В июне Кучек-хан был вынужден уйти из революционного правительства, так как не поддержал аграрную реформу. В новое правительство вошли представители недавно созданной иранской компартии. Началось проведение земельной реформы, была развернута активная антирелигиозная пропаганда.

20 сентября 1920 года, вернув увиденный белогвардейцами флот и убедившись в том, что попытка создания советской власти в Иране не удалась, правительство РСФСР приняло решение о сворачивании своей военной операции в Иране и приступило к переговорам с шахским правительством. 26 февраля 1921 года был заключен советско-иранский

договор о постепенном выводе советских войск. Согласно договору советские войска начали покидать Гилян с апреля и были полностью выведены к началу сентября 1921 года.

Как же развивались события после ухода советских войск?

В мае 1921 года Кучек-хан, опиравшийся на помещиков и духовенство, вновь возглавил правительство республики. Вскоре армия республики получила название Персидская Красная армия. А в июне сама республика была переименована в Персидскую Советскую Социалистическую Республику. В том же месяце был предпринят повторный поход в провинции Мазендеран и Зенджан и сделана попытка овладеть Тегераном. Но и она вновь оказалась неудачной.

В конце сентября 1921 года, опасаясь усилившегося влияния компартии и развития революционных событий, Кучек-хан организовал переворот и уничтожил своих главных политических противников. В республике началась гражданская война. 2 ноября, воспользовавшись смутой, ее заняли войска иранского правительства.

Мирза Кучек-хан бежал и погиб в горах. Его голову выставили на всеобщее обозрение в городе Решт.

После поражения Гилянской Республики Серебрянский в конце августа 1920 года переехал через Баку в Москву, где продолжил службу в центральном аппарате ВЧК в качестве оперативного работника. Вместе с Яковом в Москву приехала и Полина Беленькая, ставшая его женой. В Саратове, где они оказались проездом, Яков и Полина сочетались законным браком.

По прибытии в Москву Яков Серебрянский был зачислен в штат Особого отдела ВЧК. Начальником отдела в тот период был Вячеслав Рудольфович Менжинский — член Коллегии ВЧК.

Однако уже 3 мая 1921 года из Особого отдела Серебрянский был переведен на должность секретаря в Административно-организационное управление (АОУ) ВЧК.

Начальником управления был назначен Иван Андреевич Апетер, служивший в ВЧК с 1918 года. Управление ведало разработкой структуры ВЧК, штатами, подбором и расстановкой кадров, изданием приказов, составлением смет, командированием и увольнением сотрудников, а также проверкой работы губернских ЧК. То есть решало достаточно важные задачи, но не являлось оперативным. Сейчас трудно сказать, связан ли был переход Серебрянского на работу в АОУ с его собственным желанием. Но, скорее всего, такое неожиданное решение было продиктовано обострением политической ситуации: Серебрянский являлся бывшим правым эсером и к

тому же не был членом РКП(б).

Впрочем, служба Серебрянского в центральном аппарате ВЧК длилась недолго. В августе 1921 года он увольняется из ВЧК по демобилизации и поступает на учебу в созданный в феврале того же года Московский электротехнический институт народной связи им. В. Н. Подбельского (в настоящее время — Московский технический университет связи и информатики). Здесь стоит отметить, что ряд будущих подчиненных Серебрянского в свое время также закончили именно этот вуз.

Что касается супруги Серебрянского Полины Натановны, то в 1921 году она стала членом ВКП(б) и начала работать в Краснопресненском райкоме партии.

К сожалению, не успел Яков проучиться в институте и одного семестра, как случилось нечто неожиданное — он был арестован своими же бывшими коллегами-чекистами. А произошло следующее. Работая в ВЧК, Серебрянский одновременно продолжал поддерживать приятельские отношения со своими бывшими друзьями-эсерами. В дальнейшем это обернулось для него большими неприятностями.

2 декабря 1921 года Серебрянский зашел в гости к своему старому товарищу — бывшему правому эсеру Давиду Абезгаузу и попал в устроенную там чекистами засаду. Почти четыре месяца провел Яков в тюрьме. Следствие тщательно изучало вопрос о его возможной принадлежности к правым эсерам, деятельность которых в то время в Советской России была запрещена.

29 марта 1922 года постановлением Президиума ГПУ, рассмотревшего вопрос о принадлежности Серебрянского к правым эсерам, он был освобожден из-под стражи. Однако его «взяли на учет с лишением права работы в политических, розыскных и судебных органах, а также в Наркомате иностранных дел».

Вскоре Яков устроился на работу заведующим канцелярией нефтетранспортного отдела треста Москвотоп. Однако в начале 1923 года он был вновь арестован вместе с другими руководящими сотрудниками треста. На этот раз — по подозрению во взяточничестве. Следствие по делу треста не подтвердило предъявленных Серебрянскому обвинений, и он был освобожден.

В октябре 1923 года Серебрянский перешел на работу в редакцию газеты «Известия». К этому времени он сделал окончательный политический выбор и стал кандидатом в члены ВКП(б).

И вновь в судьбу Якова Серебрянского вмешался Яков Блюмкин. В декабре 1923 года при его содействии Серебрянский был вновь принят на

службу в ОГПУ, на этот раз — в его разведывательное подразделение. А постановление ГПУ в отношении Серебрянского от 29 марта 1922 года было отменено.

Что же повлияло на принятие таких серьезных решений?

Осенью 1923 года председатель ОГПУ Феликс Дзержинский отдал распоряжение о создании в Палестине нелегальной резидентуры, поручив выполнение этой задачи Якову Блюмкину. В Блюмкине Дзержинский ценил способности к нелегальной работе, а также опыт по созданию боевых групп в тылу белогвардейцев в годы Гражданской войны.

В соответствии с указанием Дзержинского Блюмкину предстояло подыскать себе надежного помощника. Хорошо зная Серебрянского по прошлой деятельности и учитывая, что тот владел идишем и немецким языком, Блюмкин выбрал его в качестве своего заместителя и получил на это его согласие. Согласилось с кандидатурой Серебрянского и руководство Иностранного отдела ОГПУ.

Если быть объективным, то предпосылки для такого развития событий в биографии Якова Серебрянского существовали с юношеских лет. Вспомним о них.

Еще в ученические годы он стал членом нелегальной организации, познакомился с правилами ее работы — конспирация, вербовка, выявление и уход от слежки, обеспечение безопасности, специфика осуществления связи между отдельными звеньями, готовность к риску и самопожертвованию.

Арест, судебный процесс, тюремное заключение, высылка под надзор не сломили Якова Серебрянского, а лишь укрепили его в правильности выбора пути борца за справедливость.

Военная служба в мирное время и на фронте, участие в боевых действиях в сочетании с опытом члена подпольной партийной организации способствовали развитию у него профессиональных навыков, востребованных впоследствии. Политическая работа в различных структурах разной идеологической ориентации, опыт пребывания за рубежом в сложных обстоятельствах и работа в военной контрразведке дополнили «арсенал» оперативных средств.

Пребывание под арестом и следствием в качестве возможного противника правящего режима практически закрывало пути для какого-либо приемлемого развития карьеры амбициозного тридцатилетнего человека. К этому необходимо добавить испытание обвинением в «бытовом» уголовном преступлении. Понятно, что такие барьеры мог преодолеть и состояться в нелегальной разведке только весьма

неординарный человек.

На подготовку к будущей работе Блюмкину и Серебрянскому предоставили один месяц.

Итак, в декабре 1923 года Яков Исаакович Серебрянский был зачислен на службу во внешнюю разведку в качестве особоуполномоченного Закордонной части Иностранного отдела ОГПУ. Началась совершенно новая страница в биографии нашего героя — работа разведчика-нелегала.

Глава вторая

НЕОБХОДИМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ

Каждая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться.

Владимир Ленин

Пока живо человечество, оно будет постоянно обращаться к истории. И подробности «шпионских войн» всё так же будут занимать отнюдь не последнее место в ряду событий и отдаленного и недавнего прошлого.

Сани де Грамон, писатель, автор книги «История шпионажа»

Зарождение советской внешней разведки

Внешняя разведка — это необходимый государственный механизм, решающий целый ряд важнейших задач. Нужна или не нужна разведка — вопрос чисто риторический. Ни одно более или менее крупное, а тем более великое государство не может обойтись без нее. Это доказала история. Это доказывает и современность. Ведь основной задачей внешней разведки является добывание для высшего руководства государства достоверной, упреждающей информации о факторах, способных нанести ущерб его интересам.

Следует подчеркнуть, что на любом историческом этапе, при любом строе, в любых обстоятельствах внешняя разведка защищает безопасность государства. С течением времени что-то неизменно меняется в ее деятельности, может произойти отказ от некоторых методов работы, но никогда ни одно государство не откажется от разведки как важнейшего инструмента своей политики.

Ведущий американский эксперт, крупный авторитет в области истории специальных служб Джеффри Толбот Ричелсон в своей книге «История шпионажа XX века» подчеркивает:

«Двадцатый век стал свидетелем множества революционных преобразований в самых разных областях, но нигде это не проявилось настолько ярко, как в разведывательной деятельности.

Преображение мира в двадцатом веке — усложнение социальной структуры общества, всеохватная природа войны, бурное развитие науки и техники, появление новых государств — не могло не привести к преобразению искусства разведки. Необходимость в сведениях обо всех аспектах жизни и деятельности иноземных держав, в том числе об их совершеннейшем вооружении, помогла превратить разведку в современную отрасль, нуждающуюся и в системах сбора данных, созданных по последнему слову техники, и в индивидуумах, обладающих обширными познаниями в естественных и общественных науках».

Октябрьская революция 1917 года положила начало созданию на огромной территории земного шара нового независимого государства — Советской России.

Первая мировая война, крах монархии в России, неспособность Временного правительства удержать ситуацию под контролем, переход власти в руки Советов привели к тому, что в стране в результате

революционного процесса распались или были разрушены социально-политические структуры.

С первых своих шагов советская власть была вынуждена отражать удары внешних и внутренних врагов, отстаивать независимость и территориальную целостность нового государства, выводить его из изоляции. Для защиты национальных интересов наряду с другими государственными органами создавались и новые спецслужбы, в том числе внешняя разведка. В соответствии с Декретом Совета народных комиссаров 20 декабря 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) при Совете народных комиссаров (СНК). Возглавил ее Феликс Эдмундович Дзержинский.

Следует подчеркнуть, что сразу после Октябрьской революции 1917 года в России и прихода к власти большевиков начался процесс международной дипломатической изоляции советского правительства. В течение года практически все страны, ранее поддерживавшие дипломатические отношения с Россией, разорвали их, отказываясь признать Совнарком законным правительством нового государства.

Одновременно чекистам пришлось столкнуться со сложной ситуацией внутри страны, угрожавшей существованию советской власти: ведущие мировые державы — Англия, Франция, Италия, Япония и США — организовали заговор против Советской России, предусмотрев, в частности, арест советского правительства и убийство В. И. Ленина. «Заговор послов» был успешно ликвидирован чекистами благодаря энергичным мерам, предпринятым Дзержинским. Затем последовали вооруженная интервенция, которую страны Антанты^[7] предприняли против своей бывшей союзницы, Гражданская война. Советская Россия сумела выстоять в этих сложных условиях, разгромить интервентов и изгнать их из страны, ослабить внутреннюю контрреволюцию.

Зарождение советской внешней разведки относится к 1918 году, когда органы ВЧК в ходе Гражданской войны и интервенции вели острую и напряженную борьбу с многочисленными врагами Советского государства. На базе армейских чрезвычайных комиссий и органов военного контроля был создан Особый отдел ВЧК. В его задачу входили борьба против контрреволюции и шпионажа в армии и на флоте, против контрреволюционных организаций, а также организация агентурной работы за границей и в оккупированных иностранными державами или занятых белогвардейцами областях молодой республики. Безусловно, эта борьба носила в основном силовой характер. Однако в ходе нее

применялись и методы разведывательной деятельности (агентурное проникновение во враждебные организации, добывание информации о их планах и кадровом составе).

В то же время уже с первых месяцев своего существования ВЧК предпринимала попытки вести разведывательную работу за кордоном. Так, в мае 1918 года председатель ВЧК Дзержинский издал приказ, регламентирующий деятельность закордонных агентов ВЧК и их взаимодействие с российскими дипломатическими представительствами за рубежом.

Здесь необходимо отметить, что после Октября 1917 года часть представителей российской интеллигенции, офицеров и генералов старой армии перешла на сторону советской власти. Они помогли заново сформировать армию и флот, придать их действиям эффективный характер и одержать первые победы. Были такие патриоты и среди царских профессиональных разведчиков. Поставив на службу новой власти свои специфические знания, они способствовали разоблачению заговоров, раскрытию замыслов тех, кто вынашивал планы интервенции и оккупации российских земель.

Так, в начале 1918 года Дзержинский лично привлек к работе в качестве секретного сотрудника при Президиуме ВЧК на патриотической основе бывшего банкира и издателя газеты «Деньги» Алексея Фроловича Филиппова. Он несколько раз выезжал в Финляндию для сбора информации о политическом положении в стране, планах финских политических кругов и белой гвардии в отношении Советской России. Филиппову удалось убедить командование находившегося в финских портах Балтийского флота и российских гарнизонов перейти на сторону советской власти и передислоцироваться в Кронштадт.

В литературе по истории советской внешней разведки отмечается, что это был первый вывод сотрудника ВЧК за кордон с разведывательными целями, положивший начало чекистской работе за границей. Этот факт нашел подтверждение и в архивных материалах Службы внешней разведки России.

В феврале 1919 года в Турцию для организации разведывательной работы с территории этой страны был командирован профессиональный дипломат Р. К. Султанов. Дзержинский его лично инструктировал, а также направил советскому полномочному представителю в Стамбуле письмо с просьбой оказать разведчику всяческое содействие.

Весь длительный и сложный период борьбы за становление советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке занимался активной

разведывательной деятельностью бывший царский профессиональный разведчик штабс-капитан Алексей Николаевич Луцкий. Он вскрыл в Харбине заговор начальника КВЖД генерала Хорвата и информировал об этом советское правительство в Петрограде. Луцкий через агентуру добывал и сообщал в Центр ценные сведения о продвижении к Харбину японских войск. С февраля 1920 года являлся членом Военного совета Приморья.

В ночь на 5 апреля 1920 года японские солдаты внезапно окружили все правительственные учреждения Владивостока и, ворвавшись в здание Военного совета, арестовали находившихся там членов совета Сергея Лазо, Всеволода Симбирцева и Алексея Луцкого.

Больше месяца их допрашивали и пытали в застенках японской военной контрразведки. Не сломив волю мужественных патриотов, японские интервенты и белоказаки атамана Бочкарева в конце мая вывезли их из Владивостока и заживо сожгли в паровозной топке на станции Муравьев-Амурская.

По заданию особых отделов республиканских ЧК в декабре 1918 года в тылы германских войск на Украине, в Прибалтике и Белоруссии были направлены сотрудники и агенты ВЧК для ведения разведки и организации партизанских отрядов. Разведывательные пункты Особого отдела ВЧК были также созданы в Средней Азии и на Кавказе.

Особую опасность для советской власти представляли тайные контрреволюционные организации внутри страны и за рубежом, большая часть которых была связана с иностранными разведками, опиралась на их помощь и поддержку и тесно с ними сотрудничала. Именно взаимосвязь между внутренней и внешней угрозами вынудила советское руководство активизировать контрразведывательную и разведывательную работу ВЧК.

Для совершенствования разведывательной работы в апреле 1920 года внутри Особого отдела ВЧК было создано специальное подразделение — Иностранно-осведомительное бюро. При особых отделах фронтов, армий и флотов, а также в некоторых губернских ЧК были сформированы иностранные отделения. Они работали в контакте с Регистрационным управлением Реввоенсовета Республики, в котором в те годы сосредоточивалась военная разведка.

В ту пору Советская Россия имела дипломатические отношения лишь с Турцией, а в связи с подписанием в 1920 году договоров о нормализации отношений со странами-лимитрофами^[8] (Эстония, Латвия, Литва и Финляндия) в столицах этих государств также открылись дипломатические представительства РСФСР.

С 10 апреля по 19 мая 1922 года в Генуе проходила международная конференция по экономическим и финансовым вопросам, в которой приняли участие представители двадцати девяти стран. Впервые в международной конференции участвовала официальная делегация РСФСР. 16 апреля в Рапалло ей удалось заключить с Германией договор о признании ею советского правительства и об установлении дипломатических отношений между двумя странами. Окончательное завершение процесса изоляции уже СССР можно отнести лишь к 1924 году. Так, 2 февраля 1924 года СССР признало лейбористское правительство Великобритании, 8 февраля 1924 года — правительство Италии, 30 октября 1924 года — Франции. С США дипломатические отношения были установлены 16 ноября 1933 года.

В советских дипломатических представительствах за рубежом с разрешения ЦК РКП(б) создавались резидентуры внешней разведки. В их задачу входило агентурное проникновение в контрреволюционные белогвардейские организации и формирования.

Однако вернемся вновь к 1920 году, когда руководством ВЧК была разработана и вступила в действие инструкция для Иностранно-осведомительного бюро, в которой оговаривались условия создания и функционирования в капиталистических странах «легальных» резидентур с целью «агентурного проникновения в разведываемые объекты: учреждения, партии, организации». Инструкция предусматривала, что в страны, не имевшие дипломатических отношений с РСФСР, агентура органов ВЧК должна направляться нелегально.

Первым руководителем первого штатного подразделения внешней разведки Особого отдела ВЧК стал Людвиг Францевич Скуйскумбре.

Он родился в 1898 году в Риге в латышской мещанской семье. Его отец был кассиром магазина. Людвиг получил среднее образование, свободно владел немецким языком.

С ноября 1917 года Скуйскумбре работал на хозяйственных должностях в административном отделе Моссовета. Член РКП(б) с июня 1918 года. В октябре 1918 года добровольцем ушел в 1-ю Революционную армию Восточного (впоследствии Туркестанского) фронта. Служил политработником, затем секретарем председателя Реввоенсовета, а с середины 1919 года — сотрудником особого отдела армии.

В начале 1920 года Скуйскумбре был переведен в Москву, в Особый отдел ВЧК и в апреле того же года возглавил Иностранно-осведомительное бюро центрального аппарата военной контрразведки.

Позже, после создания Иностранного отдела ВЧК, Скуйскумбре

некоторое время являлся начальником Осведомительной части (агентурного отдела) Особого отдела ВЧК, а вскоре был назначен заместителем начальника Осведомительной части ИНО ВЧК.

В 1922 году выполнял специальные задания за границей по линии ИНО ВЧК. В начале 1923 года перешел в военную контрразведку, а затем до 1937 года работал в Экономическом управлении ОГПУ — НКВД.

Награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ» и именным маузером.

В 1938 году по состоянию здоровья уволился на пенсию.

Таким образом, советская внешняя разведка, созданная в недрах Особого отдела ВЧК, до декабря 1920 года не имела самостоятельного статуса и действовала внутри структур армейской контрразведки. Данная ситуация явилась, в частности, одной из основных причин серьезных неудач Красной армии молодого Советского государства на полях сражений, о чем будет рассказано ниже.

Советско-польская война 1920 года

Что же произошло в 1920 году?

Этот год стал годом окончания Гражданской войны на европейской территории России. На Дальнем Востоке боевые действия продолжались еще два долгих года и завершились полной победой Красной армии.

Но в тех же временных рамках Гражданской войны проходили «локальные» войны против интервентов — стран Антанты и некоторых других государств. Среди них по масштабу военных действий и последствиям для Советского государства следует выделить советско-польскую войну 1920 года.

Во-первых, это была война упущенных для Советской России и ее вооруженных сил возможностей. Во-вторых, она стала единственной войной, которую за всю свою историю Красная армия проиграла.

Готовить армию панской Польши страны Антанты начали еще в конце 1919 года. Поляки тогда получили от одной лишь Франции почти полторы тысячи орудий, около трех тысяч пулеметов, свыше трехсот тысяч винтовок, полмиллиарда патронов, двести броневигов, триста самолетов, уйму прочего военного снаряжения.

К весне 1920 года польская армия, полностью укомплектованная и обученная, насчитывала около 750 тысяч солдат. В Польшу из Франции была перебросена 70-тысячная армия генерала Галлера, сформированная из проживавших в этой стране поляков-эмигрантов.

К сожалению, российская внешняя разведка, входившая в состав военной контрразведки ВЧК, действовавшая в прифронтовой полосе и не имевшая к тому времени своих резидентур в европейских столицах, просмотрела военные приготовления Польши и стран Антанты. 25 апреля 1920 года войска панской Польши, воспользовавшись тем, что основные силы Красной армии сражались с Добровольческой армией, в частности с закрепившимися в Крыму войсками барона Врангеля, нанесли молодой республике удар в спину, внезапно перейдя в наступление. Противостоявшие им войска Красной армии, входившие в состав Западного и Юго-Западного фронтов, насчитывали всего около шестидесяти пяти тысяч бойцов.

Боевые действия начались для поляков успешно: в первые же недели наступления они захватили Житомир, Коростень, в мае взяли Киев и вышли на левый берег Днепра.

ВЦИК, Совнарком и ЦК РКП(б) объявили срочную мобилизацию в действующую армию коммунистов и комсомольцев. Под ружье встали около одного миллиона человек. Благодаря принятым мерам в войне наступил перелом: полки Красной армии начали освобождать захваченные поляками территории Украины и Белоруссии.

Страны Антанты и США потребовали от правительства РСФСР остановить наступление. Англия направила советскому правительству ноту, в которой предложила немедленно заключить перемирие с Польшей по так называемой «линии Керзона» (в то время министр иностранных дел Великобритании) — примерно соответствовавшей нынешним западным границам Украины и Беларуси.

17 июля советское правительство отвергло «ультиматум Керзона», но заявило о готовности начать с Польшей переговоры о перемирии. Одновременно распоряжением Троцкого Западному фронту было приказано не позднее 12 августа овладеть Варшавой.

Именно тогда командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский отдал знаменитый приказ № 1423:

«Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству! На Запад! На Вильну, Минск, Варшаву — марш!»

К 13 августа Красная армия оказалась в 12 километрах от Варшавы. Однако полякам удалось перехватить и расшифровать переписку Тухачевского с Буденным, в которой говорилось о том, что армия осталась без боеприпасов, амуниции и фуража.

Французские советники в армии Пилсудского генерал Вейган и маршал Фош^[9] рекомендовали полякам воспользоваться ситуацией. 16 августа польская армия перешла в контрнаступление...

Война обернулась тяжелым поражением войск Советской Республики: Красная армия потеряла 150 тысяч убитыми, 66 тысяч ее бойцов попали в польский плен и в дальнейшем практически все погибли, 30 тысяч красноармейцев были интернированы в Восточной Пруссии.

12 октября 1920 года в Риге начались российско-польские переговоры о перемирии, которые завершились подписанием крайне невыгодного для Советской России мирного договора. Россия потеряла более 52 тысяч квадратных километров территории к востоку от «линии Керзона», а также признала независимость Литвы, Латвии и Эстонии, провозглашенную этими странами в условиях германской оккупации.

Разведка начинает действовать

Война с Польшей, сложный комплекс взаимоотношений с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией со всей остротой поставили вопрос о необходимости более полного и качественного обеспечения руководства страны разведывательной информацией.

В сентябре 1920 года, рассмотрев на своем заседании причины поражения в польской кампании, Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о кардинальной реорганизации внешней разведки. В нем, в частности, говорилось:

«Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно ясно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу.

Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

Для выработки документов, связанных с созданием самостоятельного разведывательного подразделения, была создана комиссия, в которую вошли, в частности, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и Ф. Э. Дзержинский.

В соответствии с решением Политбюро ЦК РКП(б) и материалами комиссии председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский 20 декабря 1920 года издал приказ № 169 об организации Иностранного отдела (ИНО) ВЧК как самостоятельного разведывательного подразделения. В нем, в частности, говорилось:

«1. Иностраный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностраный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранному отделу ОО ВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностраный отдел ВЧК подчинить Начальнику Особотдела тов. Менжинскому.

4. Врид. Начальником Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума ВЧК штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем отделам ВЧК производить только через Иностраный отдел».

Штат Иностранного отдела ВЧК составил 70 человек.

Этот приказ явился административно-правовым актом, оформившим создание советской внешней разведки, преемницей которой в наши дни является Служба внешней разведки Российской Федерации.

Временно исполняющим обязанности начальника Иностранного отдела ВЧК был назначен Яков Христофорович Давтян, профессиональный революционер, дипломат, ответственный сотрудник Наркомата иностранных дел. В целях конспирации он руководил разведкой под фамилией Давыдов.

Создавая внешнюю разведку молодого Советского государства, Дзержинский, разумеется, не мог опираться только на дореволюционные кадры, поскольку речь шла о политической разведке органов госбезопасности. Однако уже с середины 1920-х годов «дореволюционные специалисты», особенно знатоки восточных языков, мастера перлюстрации и изготовления документов прикрытия, стали все шире привлекаться к работе закордонной разведки ВЧК.

Вслед за Давыдовым-Давтяном Иностранный отдел ВЧК с августа 1921-го по март 1922 года возглавлял Соломон Григорьевич Могилевский. Затем он руководил чекистами Закавказья.

Среди первых руководителей разведки органов госбезопасности профессионалом высокого класса по праву можно назвать Михаила Абрамовича Трилиссера. На этом посту он проработал с марта 1922-го по октябрь 1929 года, что в те времена было своего рода рекордом. При нем внешняя разведка получила дальнейшее развитие и добилась впечатляющих результатов в своей деятельности. По рекомендации Трилиссера в Иностранный отдел пришли такие знаменитые в дальнейшем разведчики, как Владимир Владимирович Бустрем, отбывавший вместе с ним при царском режиме срок в Ярославской каторжной тюрьме, а также Дмитрий Георгиевич Федичкин, которого Трилиссер знал по работе на Дальнем Востоке.

6 февраля 1922 года ВЦИК РСФСР упразднил ВЧК и образовал Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Внешняя разведка (ИНО) вошла в состав ГПУ. В связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик (30 декабря 1922 года) постановлением ЦИК СССР 2 ноября 1923 года было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, в которое вошел и Иностранный отдел (штат — 122 человека, из них 62 сотрудника находились в резидентурах за границей).

Основным направлением деятельности ИНО ОГПУ в 1923–1925 годах,

основной его заботой было создание сети легальных резидентур за рубежом под прикрытием советских дипломатических или торговых представительств. Перед ними ставились следующие конкретные задачи:

выявление на территории сопредельных государств контрреволюционных террористических организаций, готовящих свержение советской власти в нашей стране;

разработка разведывательных и контрразведывательных организаций противника;

получение политической и экономической, в том числе документальной, информации за рубежом;

осуществление мероприятий по расколу и дискредитации организаций белой эмиграции и их лидеров.

Необходимо подчеркнуть, что создание самостоятельной внешнеполитической разведки пришлось на период становления советской власти, а следовательно, ее история органически связана со всеми этапами развития Советского государства.

Так, в первые годы своего существования усилия внешней разведки, как определялось поставленными перед ней задачами, были направлены прежде всего на борьбу с белой эмиграцией за границей, которая представляла большую опасность для Советской России как база для подготовки контрреволюционных групп. Важное значение имело и получение сведений о планах подрывной деятельности иностранных государств против нашей страны.

Следует отметить, что уже к концу 1920-х годов Иностранному отделу удалось организовать «легальные» резидентуры в сопредельных с СССР странах, а также в главных капиталистических государствах Европы — Англии, Франции и Германии. Было положено начало ведению разведки с нелегальных позиций — образована солидная агентурная сеть в кругах белоэмигрантов и важных правительственных учреждениях ряда стран. Внешняя разведка приступила к добыванию научно-технической информации, необходимой для нужд обороны и народного хозяйства СССР.

Активная деятельность внешней разведки на первых этапах ее становления помогла сорвать агрессивные планы противников Страны Советов и тем самым способствовала созданию благоприятных условий для экономического строительства и укрепления обороноспособности Советского государства.

Достойную лепту в деятельность советской внешней разведки в этот период внес разведчик-нелегал Яков Серебрянский, о чем и пойдет речь ниже.

Глава третья **НА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАБОТЕ**

Кто в молодости не связал себя прочными связями с великим и прекрасным делом или, по крайней мере, с простым, но честным и полезным трудом, тот может считать свою молодость бесследно потерянной.

Дмитрий Писарев,

русский публицист и литературный критик

Палестина

Резкий поворот в биографии Якова Серебрянского, как нам представляется, объяснялся следующими обстоятельствами.

Основным геополитическим противником Советской России в то время являлась Великобритания, которая в результате Первой мировой войны добилась, в частности, мандата на управление территорией Палестины с целью «установления в стране политических, административных и экономических условий для безопасного образования еврейского национального дома».

На самом деле британцы рвались к иракской нефти, и им требовался средиземноморский берег для ее транспортировки в Англию. Такая неприкрытая колониальная политика привела к активизации сионистского движения, которое советская разведка могла использовать для проникновения в планы англичан.

Историки Иосиф Линдер и Сергей Чуркин, касаясь данного вопроса, подчеркивали: «Особые задачи на советскую разведку возлагались по проникновению в Палестину. Во многом это было связано с тем, что непримиримый враг Российской империи, а затем и Советского Союза — Великобритания — в апреле 1920 года на заседании Верховного совета стран Антанты смогла получить мандат на управление территорией Палестины, которая включала в себя земли современных Израиля и Иордании.

Еще во время Первой мировой войны секретарь МИД Великобритании Артур Джеймс Бальфур в одном из документов подчеркивал, что Британия «положительно смотрит на основание в Палестине национального дома для еврейского народа». Эта декларация способствовала формированию в 1918–1919 годах добровольческого Еврейского легиона в составе трех батальонов, оказавшего британским войскам значительную помощь в отвоевании Палестины у Османской империи.

Во время Третьей алии^[10] (1919–1923 годы) в Палестину из стран Восточной Европы и России прибыло около сорока тысяч евреев, знакомых с сельским хозяйством и способных участвовать в развитии экономики. Всего еврейское население Палестины к концу этого периода возросло до 90 тысяч человек.

В декабре 1920 года в Хайфе был основан еврейский профсоюз Гистадрут (Всеобщая федерация труда). В 1920 году в его рядах

насчитывалось 4400 человек, а через два года — 8394 человека, что составляло примерно половину тогдашнего еврейского рабочего класса в Палестине.

В начале марта 1920 года королем Сирии был провозглашен Фейсал I Хашимит. Он не замедлил объявить Палестину частью Великой Сирии, и в палестинских городах усилились протесты со стороны арабского населения против еврейской иммиграции, сопровождаемые многочисленными актами насилия. Британские военные и полицейские власти практически не препятствовали нападениям арабов, но при этом подвергали аресту и тюремному заключению евреев, оказывавших арабам сопротивление. Это привело к вооруженным столкновениям между арабами и евреями, сплотившимися вокруг немногочисленной организации еврейской самообороны «Ха-Шомер» («Страж»).

В июне 1920 года началось формирование нелегальной еврейской военной организации «Хагана» («Оборона»).

Постепенно все еврейские силы самообороны были объединены под эгидой Гистадрута. В марте 1921 года для координации действий был создан Оборонный комитет и основаны курсы инструкторов по боевой подготовке».

Коммунистическая партия Палестины была основана в 1920 году, а в 1924 году официально признана Исполнительным комитетом Коммунистического интернационала. Следует отметить, что на начальном этапе становления партии большую часть ее членов составляли бывшие приверженцы сионизма. И это при том, что с первых же дней существования коммунистической партии перед ней встал вопрос: как вырвать массы трудящихся из плена сионистской идеологии? Одновременно партия пыталась привлечь на свою сторону арабское население Палестины, однако этому усилению противились англичане и арабское религиозное руководство.

Военно-политическое руководство СССР также придавало Палестине большое значение и внимательно отслеживало происходившие в ней события. Ведь они, как и события в Афганистане, определенным образом влияли на уровень антисоветской деятельности мусульманского населения Средней Азии. А советская сторона была крайне заинтересована в его снижении. Органы государственной безопасности активно искали адекватный ответ на действия англичан по поддержке басмаческого движения в Советском Туркестане. По утверждению Иосифа Линдера и Сергея Чуркина, «наиболее результативным представлялся путь нелегального проникновения в боевое сионистское движение на Ближнем

Востоке. Параллельно планировалось найти подходы к использованию сионистских кругов для поддержки интересов Советского Союза в странах Запада. Кроме того, в Палестине находилось не менее пяти тысяч человек из белой эмиграции, которых британские спецслужбы стремились привлечь к антисоветской деятельности, и их надо было либо нейтрализовать, либо привлечь на свою сторону».

В 1923 году председатель ОГПУ Дзержинский направил начальнику Иностранного отдела Трилиссеру служебную записку, в которой предложил разведке приступить к установлению оперативных контактов среди еврейского населения Палестины. После этого и было принято решение о назначении Блюмкина нелегальным резидентом в Палестине, а Серебрянского — его заместителем.

Накануне отъезда Якова Серебрянского пригласил к себе Вячеслав Рудольфович Менжинский, который в то время был членом Президиума ГПУ. Он молча пожал руку вошедшему в кабинет молодому человеку и так же молча показал на стул около стола. Сел на свое место, внимательно глядя в глаза молодого человека, которого разведка направляла на работу за границу. Через 30 лет Яков Исаакович рассказывал сыну, что от той первой беседы в его памяти остался ответ Вячеслава Рудольфовича. На вопрос «А что мне там нужно делать, за границей?» — Менжинский усмехнулся и коротко ответил: «Все, что полезно для революции».

И Яков Серебрянский начал работать на пользу революции.

Перед Блюмкиным и Серебрянским была поставлена задача по сбору информации о планах Англии и Франции на Ближнем Востоке, изучению местных политических организаций и вербовке агентуры для решения оперативно-разведывательных задач.

В декабре 1923 года по маршруту, использовавшемуся репатриантами-евреями, разведчики-нелегалы Блюмкин и Серебрянский, имея соответствующие документы, прибыли в главный порт Палестины Хайфу, откуда перебрались в Яффу. Треть населения города в то время составляли евреи. Здесь Блюмкин вскоре открыл прачечную, которая стала конспиративной квартирой нелегальной резидентуры ИНО ОГПУ.

Тель-Авив, бывший тогда пригородом Яффы, являлся одним из центров приема евреев, приезжавших из Польши и России. В этот период началась так называемая Четвертая алия — очередная волна репатриации евреев в Палестину из-за всплеска антисемитизма в Польше.

После окончания Первой мировой войны в Восточной Европе образовалось новое государство — Республика Польша. Принятая в 1921 году конституция страны гарантировала национальным меньшинствам, в

том числе и евреям, равные с остальными права. Однако польские евреи подвергались в стране всяческим притеснениям, унижению и преследованию. В 1924 году в Палестину приехали 14 тысяч человек, половину из которых составили польские евреи. В 1925 году — более тридцати четырех тысяч человек, больше половины из которых были из Польши.

Первые месяцы пребывания разведчиков в городе были посвящены созданию надежного прикрытия, изучению обстановки и налаживанию связей в местных кругах.

Однако уже в июне 1924 года Блюмкин был отозван в Москву, и его на посту резидента сменил Серебрянский.

Историк отечественных спецслужб Олег Капчинский так описывает этот период деятельности молодого разведчика-нелегала: «Теперь руководство разведки поставило перед Серебрянским еще более сложную задачу — создание глубоко законспирированной агентурной сети в регионе, в первую очередь в боевом сионистском движении. Яков Серебрянский с этой задачей успешно справился».

Как свидетельствуют документы того периода, Серебрянский создал в Палестине сеть из тридцати нелегалов. Среди его агентов были, в частности, несколько членов нелегальной еврейской военной организации «Хагана».

Кроме того, в 1924–1925 годах Серебрянский сумел привлечь к сотрудничеству с советской разведкой нескольких бывших белогвардейцев, осевших в Палестине: А. Н. Турыжникова, А. Н. Ананьева, Ю. И. Волкова, Н. А. Захарова. Все завербованные Серебрянским люди впоследствии стали его надежными помощниками, составили ядро руководимой им специальной группы.

В 1924 году к Серебрянскому в Палестине присоединилась жена Полина Натановна, направленная в Яффу по личному указанию начальника Иностранного отдела ОГПУ Михаила Трилиссера.

Бывший сотрудник внешней разведки и ее историк, писатель Эдуард Шарапов рассказывал: «В 1924 году, когда Серебрянский уже почти год был за границей, Трилиссер, являвшийся в то время начальником ИНО ОГПУ, вызвал к себе его жену — Полину Натановну.

— Вам нужно ехать к мужу, — сказал Трилиссер. — Ему трудно. Вам надо быть рядом.

— Не поеду, боюсь.

Несколько затянувшаяся беседа Серебрянской и Трилиссера закончилась очень просто. Трилиссер после уговоров и объяснений

положил свою ладонь на руку Серебрянской и мягко, но твердо сказал: «Ну вот что, Полина Натановна... Или вы поедете за границу к мужу, или вам придется положить на стол партийный билет».

Для нее, члена партии с 1921 года, работницы Краснопресненского райкома партии, это было просто невыносимо, и она поехала. И была с мужем в Палестине, во Франции, в Германии, США и Бельгии, везде помогая ему в трудной и необходимой для страны работе».

Жена, соратница

В этой книге фактически два основных действующих лица. Первое — герой повествования Яков Серебрянский. Вторым основным действующим лицом заслуженно является Полина Беленькая (Полина Натановна Серебрянская) — разведчица-нелегал, лейтенант госбезопасности, любимая женщина главного героя, жена, соратница, прошедшая вместе с ним «огонь, воду и медные трубы».

О роли в разведке «женского фактора» споры не утихают на протяжении многих лет. Большинство обывателей, далеких от этого вида деятельности, считают, что разведка — не женское дело, что эта профессия — чисто мужская, требующая мужества, самообладания, готовности пойти на риск, принести себя в жертву ради достижения поставленной цели.

В то же время среди сотрудников внешней разведки выражение «разведчиками не рождаются, ими становятся» воспринимается как истина, не требующая доказательств. Просто в какой-то момент разведке, исходя из возникших или порученных задач, требуется конкретный человек, пользующийся особым доверием, обладающий определенными личными и деловыми качествами, профессиональной ориентацией и необходимым жизненным опытом для того, чтобы направить его на работу в конкретный регион земного шара.

Разными путями женщины приходят в разведку. Но выбор их в качестве оперативных работников или агентов, конечно же, не бывает случайным. Особенно тщательно осуществляется отбор женщин на нелегальную работу. Ведь офицеру нелегальной разведки мало хорошо владеть иностранными языками и основами разведывательного искусства. Он должен уметь вжиться в роль, быть своего рода артистом, чтобы сегодня, например, выдавать себя за аристократа, а завтра — за священника. Стоит ли говорить о том, что большинство женщин владеют искусством перевоплощения лучше, чем мужчины?

Замечательная советская разведчица-нелегал, более двадцати лет проработавшая в особых условиях за границей, Галина Ивановна Федорова рассказывала:

«Некоторые полагают, что разведка — не самая подходящая деятельность для женщины. В противоположность «сильному полу» она более чувствительна, хрупка, легко ранима, теснее привязана к семье, домашнему очагу, сильнее предрасположена к ностальгии. Самой природой

ей предназначено быть матерью, поэтому отсутствие детей или длительная разлука с ними переживаются ею особенно тяжело. Все это так, но те же «маленькие слабости» женщины дают ей мощные рычаги воздействия в сфере человеческих взаимоотношений».

Почему приветствуется служба женщин в разведке? Специалисты сходятся на том, что женщина более наблюдательна, у нее сильнее развита интуиция, она любит «копаться» в подробностях. Женщины усидчивее, терпеливее, методичнее, нежели мужчины. А если к этим качествам добавить и их внешние данные, то любой скептик будет вынужден признать, что женщины по праву занимают достойное место в рядах разведслужб любой страны, являясь их украшением. Порой женщинам-разведчицам поручается проведение операций, связанных, в частности, с организацией встреч с агентурой в тех районах, где появление мужчин, исходя из местных условий, крайне нежелательно.

Сочетание же лучших психологических качеств как мужчин, так и женщин, ведущих разведку за рубежом, особенно с нелегальных позиций, является сильной стороной любой разведслужбы мира.

Многими этими качествами обладала невысокая, хрупкая красавица Полина, с которой Яков Серебрянский познакомился у ее брата и своего товарища Марка Беленького и которая стала его женой.

Полина Натановна Беленькая родилась в 1899 году в Баку в многодетной еврейской семье, в которой было пять мальчиков и четыре девочки.

Глава семейства, Натан Беленький, переехал вместе с женой Анной в город нефтяников из Бобруйска (Беларусь). Решающее значение сыграл тот факт, что Баку всегда слыл городом интернациональным и даже в самые мрачные дореволюционные годы, связанные с разгулом реакции, не знал антисемитизма.

В каком году семья Беленьких переехала в Баку и кто из детей к тому времени уже появился на свет, к сожалению, точно выяснить не удалось. Похоже, что два старших сына и старшая дочь родились в Бобруйске, а остальные в Баку. Также неизвестны точные даты рождения членов семьи Беленьких. В семейном архиве они не сохранились, так как отмечать дни рождения родителей и детей в семье было не принято.

Натан Беленький служил управляющим в конторе буровиков, принадлежавшей братьям Гальпериным. Его супруга Анна, родив девять детей, умерла относительно молодой, в 1913 году, оставив многочисленное семейство на попечение старшей дочери Шелли.

Позже в автобиографии старший сын, Марк Натанович Беленький,

писал: «Вследствие многодетности семья жила весьма скромно. Родители выбивались из сил, чтобы вырастить детей и дать им возможно лучшее образование. Обстановка в семье и окружение способствовали раннему формированию у детей «революционных настроений и мировоззрения».

В этой обстановке прошли детство и юность Полины. К моменту встречи с Яковом Серебрянским она окончила бакинскую женскую гимназию и осваивала профессию зубного врача.

О Полине Натановне мы будем еще не раз рассказывать на страницах этой книги. А сейчас полагаем необходимым кратко поведать о жизненном пути ее братьев и сестер, в общении с которыми сформировались мировоззрение и характер разведчицы.

На примере этой семьи хотелось бы коротко рассказать о людях, молодость которых пришлось на 20—30-е годы XX века. Можно по-разному относиться к этому периоду в истории нашей страны, но нельзя не отдать дань уважения поколению, искренне верившему в правильность выбранного пути, бескорыстно отдававшего все свои силы, а порой и жизни во имя будущего родины.

Итак, в 1913 году умерла мать семейства, оставив детей на попечение старшей дочери — Шелли. До конца своей долгой жизни (скончалась она в 1980 году) Шелли Натановна, не имея собственной семьи, оставалась «добрым ангелом-хранителем» для братьев и сестер и всех последующих поколений Беленьких.

О старшем брате, Марке Натановиче, уже рассказывалось выше. Несколько слов скажем и о других братьях и сестрах Полины, они заслуживают этого.

Давид Натанович Беленький (1892–1977) — профессор, известный советский хирург и трансфузиолог, специалист по заболеваниям крови и плазмы человека. Один из основателей советской школы переливания крови. В начале Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт и всю войну провел в действующей армии: сначала главным хирургом бригады, затем — главным хирургом армии.

Семен Натанович Беленький (1896–1938) окончил три курса мединститута и занялся партийной деятельностью. После победы советской власти в Закавказье окончил китайское отделение Коммунистического университета трудящихся Востока. Официально работал в Китае по линии Коминтерна, занимаясь аграрными вопросами. О Семене Беленьком упомянуто в книге В. Н. Усова «Советская разведка в Китае. 20-е—30-е годы XX века» как о сотруднике советской внешней разведки. В 1938 году отозван в Москву, арестован и расстрелян.

Реабилитирован в 1956 году.

Борис Натанович Беленький (1897–1937) — профессиональный революционер, партийный работник. Окончив в 1915 году бакинскую гимназию, поступил на юридический факультет Московского университета, где проучился до 1917 года. Член ВКП(б) с 1918 года. Пошел добровольцем в Красную армию, воевал на Южном фронте красноармейцем. После тяжелой контузии четыре месяца пролежал в госпитале в Полтаве. В 1919 году был направлен на партийную работу в Закавказье.

В автобиографии Борис Натанович писал: «Из Астрахани на лодке с группой товарищей мы переплыли Каспийское море и прибыли в Баку». Затем Закавказский крайком ВКП(б) направил его на подпольную работу в Грузию. Через некоторое время он был арестован и полгода просидел в тюрьме в Тбилиси. После освобождения был выслан в Азербайджан и работал на различных партийных должностях. В мае 1934 года был назначен начальником политотдела Южно-Уральской железной дороги. В декабре 1936 года арестован, 1 апреля 1937 года расстрелян. Реабилитирован в 1954 году.

Сын Б. Н. Беленького, Георгий Борисович (1922–1970), — видный советский дерматолог, доктор медицинских наук, профессор. Долгое время руководил дерматологической клиникой МОНИКИ (Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М. Ф. Владимирского).

Илья Натанович Беленький (1904–1977) работал в области сельского хозяйства. Длительное время являлся одним из администраторов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ) в Москве.

Старшая сестра, Шелли Натановна (1894–1980), экономист, сотрудница Народного комиссариата земледелия СССР (с 15 марта 1946 года — Министерства земледелия СССР).

Розалия Натановна (1900–1983) — домашняя хозяйка. Жена Андрея Андреева, являвшегося в 1918–1919 годах народным комиссаром финансов Терской Советской Республики, а затем некоторое время личным секретарем Сергея Мироновича Кирова.

Инна Натановна (1903–1938) — сотрудница советской внешней разведки, разведчик-нелегал. В 16 лет вступила в ВКП(б) и в качестве первого партийного поручения работала секретарем упоминавшегося выше Иранбюро.

С начала 1920-х годов Инна Натановна являлась разведчиком-нелегалом. Пять лет (1922–1927) находилась на работе за границей: в Германии, Австрии, Франции. Свободно владела английским, французским

и немецким языками.

В 1928 году была направлена на работу в Профинтерн референтом по Германии. Ее работа в Профинтерне получила высокую оценку Центра.

Затем действовала в составе Особой группы Серебрянского в Китае и Испании.

В «Очерках истории российской внешней разведки» подчеркивается: «Эта отважная разведчица была многие годы на нелегальной работе в Германии, Австрии и Китае. В Испании вела агентурную работу, оказывала помощь испанским коллегам. Отличалась принципиальностью, независимым характером и прямоотой суждений».

На отчете Инны Натановны о ее работе в Испании есть пометка, сделанная в 1938 году: «Подлежала аресту. Не была арестована, так как покончила жизнь самоубийством».

Таким образом, из пяти братьев Полины Беленькой-Серебрянской трое прошли школу революционеров-профессионалов, имели опыт подпольной работы в борьбе за установление советской власти в Закавказье. Три члена семьи (включая саму Полину Натановну) являлись сотрудниками внешней разведки. Двое из следующего поколения: сын Марка Натановича — Юрий Маркович и сын Инны Натановны — Алексей Семенович погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Вечная им память!

Сын Полины Натановны и Якова Исааковича Серебрянских, Анатолий Яковлевич Серебрянский, родился 21 августа 1933 года. Окончил Московский энергетический институт. Проживает в Москве. Работал инженером в Центральном научно-исследовательском институте комплексной автоматизации. Кандидат технических наук. Автор ряда научных монографий. В 75 лет вышел на пенсию. В настоящее время, находясь на заслуженном отдыхе, занимается сбором материалов и сведений о своем отце.

Бельгия и Франция

В декабре 1925 года Серебрянского отозвали из Палестины в Москву. О его первой нелегальной командировке за рубеж по сей день мало открытых данных — его отчеты и другие материалы до сих пор носят гриф строжайшей секретности. Это подтверждается и следующим фактом: даже бывший начальник сектора ИНО ОГПУ по Среднему и Ближнему Востоку Георгий Агабеков (Арутюнов), являвшийся с октября 1929 года руководителем советской нелегальной резидентуры в Константинополе и бежавший в 1930 году во Францию, не подозревал о существовании в Палестине нелегальной резидентуры под руководством Серебрянского и его деятельности в этом регионе. Все, что ему было известно о работе ИНО, он подробно сообщил противнику, а также изложил в нескольких книгах, опубликованных на Западе. Ни в одной из них нет даже упоминания о работе Якова Серебрянского в Палестине.

Из официальных документов советской внешней разведки за тот период явствует, что Центр признал работу разведчика Серебрянского в командировке успешной: ему удалось внедриться в подпольное сионистское движение, боровшееся против экспансии англичан, в том числе и за контроль над Суэцким каналом. Серебрянский привлек к сотрудничеству с ОГПУ целый ряд проживавших там эмигрантов из России. Все они в 1927–1928 годах по согласованию с руководством страны были выведены в СССР, получили советское гражданство и успешно служили во внешней разведке органов государственной безопасности на офицерских должностях под руководством самого Якова Исааковича.

В книге «Сталин и разведка» известный историк, ветеран внешней разведки Арсен Мартиросян отмечает, что уже с начала 1925 года советская разведка докладывала руководству страны о новых агрессивных планах Англии по подготовке консолидированной Европы к войне против СССР. Так, в секретном письме французскому правительству от 2 марта 1925 года Чемберлен прямо указывал на необходимость включить Германию в англо-французский блок, направленный против СССР. Со всей очевидностью стали вырисовываться контуры подготовки к новой мировой войне.

В качестве ответной меры советское руководство приняло решение о переходе к «активной разведке», которая включала в себя не только добывание сведений о намерениях противников СССР, но и проведение специальных мероприятий в отношении скрывшихся за рубежом наиболее

одиозных лидеров контрреволюционного Белого движения, а также предателей и изменников.

К этому времени Гражданская война в России уже закончилась, но многочисленная российская диаспора в европейских странах, прежде всего та ее часть, которая воевала в рядах белой армии, не отказалась от планов по реставрации царского режима в России. В связи с этим Серебрянский, только что возвратившийся из Палестины, в том же декабре 1925 года был направлен нелегальным резидентом ИНО ОГПУ в Бельгию.

Здесь следует отметить, что в это же время в Бельгию на постоянное жительство переехал и генерал Врангель, создавший в сентябре 1924 года Русский общевоинский союз (РОВС) — одну из самых массовых военных организаций русской эмиграции, объединившей в своих рядах более пятидесяти тысяч человек. Работа по этому контингенту являлась одной из важнейших задач Серебрянского в Бельгии, где он находился до февраля 1927 года.

В Бельгии у Серебрянских родилась дочь, которая, к сожалению, там же и умерла в младенческом возрасте. Полина Натановна очень переживала смерть ребенка, однако продолжала активно помогать мужу в решении стоявших перед резидентурой задач.

После очередного возвращения в Москву в феврале 1927 года Серебрянский, пройдя партийную чистку, был принят в члены ВКП(б). Таким образом, состоялась окончательная политическая реабилитация бывшего активного члена Партии социалистов-революционеров, чрезвычайно успешно работавшего по линии внешней разведки.

Вскоре Серебрянский вновь был направлен за рубеж руководителем нелегальной резидентуры. На этот раз — в Париж, где находился до марта 1929 года и продолжал начатую в Бельгии разведывательную работу.

По некоторым сведениям, перед выездом на оперативную работу Серебрянский получил личное задание Менжинского по созданию во Франции независимой от ИНО агентурной сети. Одновременно он был включен в состав Особой группы при председателе ОГПУ, о которой речь впереди. В качестве прикрытия своего пребывания в стране Серебрянский являлся владельцем мастерской по обработке искусственного жемчуга.

Оперативные материалы о работе Серебрянского в Бельгии и во Франции до сих пор носят гриф секретности. Однако известно, что одним из направлений его деятельности в этих странах являлась работа по находившимся там представителям так называемой белой эмиграции, которые не отказались от планов по реставрации прежнего режима в Советской России. А одной из основных и главных организационных

структур «реставраторов» в те годы являлся именно Русский общевойсковой союз.

В ходе этих командировок Серебрянский набирался оперативного опыта, непрерывно совершенствовал свое разведывательное мастерство. Наглядным свидетельством его успешной оперативной работы в Бельгии и во Франции может являться тот факт, что по окончательному завершению заграничных командировок в эти страны разведчик был отмечен высшей ведомственной наградой — нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (V)» и серьезным повышением по службе. А несколько ранее — в 1927 и 1928 годах — он был дважды награжден почетным революционным оружием с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» и Почетной грамотой Коллегии ОГПУ.

Глава четвертая
ВО ГЛАВЕ ОСОБОЙ ГРУППЫ

Жизнь человека только тогда разумна, когда она понимается как исполнение долга, как служение.

Л. Н. Толстой

Работа с позиций Центра

Возвратившись в марте 1929 года в Москву, Яков Серебрянский уже 1 апреля возглавил 1-е отделение ИНО ОГПУ (нелегальная разведка) и одновременно стал руководителем созданной несколько ранее Особой группы при председателе ОГПУ СССР В. Р. Менжинском.

Если с 1-м отделением ИНО, занимавшимся нелегальной разведкой за рубежом, все более или менее ясно, то вопрос о деятельности Особой группы требует разъяснений.

20 июля 1926 года скоропостижно скончался председатель ОГПУ Феликс Эдмундович Дзержинский. На его место был назначен Вячеслав Рудольфович Менжинский, профессиональный революционер, имевший одновременно большой оперативный опыт. Именно по его инициативе и под его непосредственным контролем и руководством во второй половине 1926 года начала создаваться при председателе ОГПУ хорошо законспирированная Особая группа.

Это было независимое от руководства ИНО разведывательное подразделение, насчитывавшее на начальном этапе своей деятельности всего с десятков человек и предназначенное для выполнения специальных операций стратегического характера. Одной из его задач являлось глубокое агентурное внедрение на объекты военно-стратегического значения в США, Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Китае и Японии, а также подготовка и проведение диверсионных операций на них в случае войны. Одновременно перед сотрудниками нелегального аппарата Особой группы стояла задача по организации специальных мероприятий за рубежом в отношении наиболее зловредных врагов СССР, предателей и изменников родины.

С целью конспирации создание Особой группы приказом по ОГПУ не оформлялось. По сути, она была нелегальной даже внутри органов государственной безопасности.

Особая группа действовала за границей только с нелегальных позиций и подчинялась, как уже отмечалось, непосредственно председателю ОГПУ, который лично руководил ее работой. Сотрудники Особой группы не использовали в качестве прикрытия официальные советские дипломатические или торговые представительства.

Уже к середине 1929 года центральный аппарат Особой группы состоял из двух десятков сотрудников. Все остальные работали за рубежом

в качестве нелегалов. Этим, в частности, Особая группа отличалась от Иностранного отдела, который решал разведывательные задачи как с легальных, так и с нелегальных позиций. А руководство ОГПУ могло по своему усмотрению использовать силы и средства ИНО и Особой группы для осуществления специальных операций.

Герой Российской Федерации Юрий Колесников, хорошо знакомый с деятельностью Особой группы, в своих воспоминаниях отмечал:

«Свой хлеб работники Особой группы оправдывали. К тому же ее центральный аппарат неизменно оставался небольшим. Всего полтора десятка специалистов в Центре. Зарубежная же часть агентуры была гораздо многочисленнее. И разнообразнее: от рядовых клерков и маклеров, портовых грузчиков и докеров, официантов и администраторов отелей, служителей казино и водителей такси до комиссаров полиции и известных политических деятелей, статс-секретарей министерств и ученых с мировым именем.

Лишь незначительная часть этих людей получала денежное вознаграждение. Не столько за опасную работу, сколько на покрытие расходов. Другие же сами оплачивали затраты, связанные с разведывательной работой, а некоторые вообще финансировали деятельность единомышленников.

При этом политические взгляды агентуры не всегда совпадали. В то же время всех их объединяла общая позиция: все без исключения симпатизировали Советам».

Одним из первых оперативных сотрудников Особой группы стал будущий руководитель специальных операций советской внешней разведки за границей Сергей Михайлович Шпигельглаз. Назначенный в сентябре 1926 года помощником начальника ИНО ОГПУ, он был включен Менжинским в Особую группу и неоднократно выезжал за рубеж для выполнения важных оперативных заданий.

В числе первых сотрудников Особой группы был и Наум Исаакович Эйтингон — в дальнейшем видный советский разведчик и один из руководителей специальных операций внешней разведки НКВД в период Великой Отечественной войны.

С начала 1927 года членом Особой группы стал и Яков Серебрянский, включенный в нее накануне отъезда в командировку в Париж. В том же году привлеченные им к сотрудничеству с советской разведкой в Палестине Ананьев, Волков, Рачковский, Захаров и Турыжников были выведены в Советский Союз, по решению компетентных органов получили советское гражданство, были приняты на службу в органы государственной

безопасности и приступили к активной работе в Особой группе. Юрий Колесников подчеркивал: «Серебрянский подыскивал толковых, умных, обязательных людей. Тщательно отбирал самых надежных, способных без лишнего шума и суеты незаметно выполнять задачи. И эти люди становились для Особой группы незаменимыми, бесценными. Они дорожили доверием Якова Серебрянского и в свою очередь также полностью доверяли ему».

Вот таким особо секретным подразделением органов государственной безопасности нашей страны Яков Серебрянский стал руководить с 1 апреля 1929 года. С этого же времени Особая группа в чекистских кругах стала неофициально именоваться «группой Яши».

Уже находясь в Москве и возглавив Особую группу, Серебрянский продолжал привлекать в нее наиболее талантливых сотрудников, проявивших себя на нелегальной работе в рамках спецслужб Коминтерна или ИНО ОГПУ. Тогда же он привлек к сотрудничеству Вильяма Генриховича Фишера, более известного российским читателям как Рудольф Иванович Абель, Александра Михайловича Орлова (он же — Лев Лазаревич Никольский, он же — Лейба Лазаревич Фельдбин), выдающегося советского разведчика-нелегала Арнольда Генриховича Дейча, известного также как Стефан Григорьевич Ланг — создателя знаменитой агентурной группы, вошедшей в историю советской внешней разведки как «Кембриджская пятерка», видного советского разведчика Константина Кукина, руководившего спецмероприятиями против японской разведки в Забайкалье.

Обратим внимание читателя еще на ряд причин, вынудивших Менжинского активизировать создание Особой группы в ОГПУ.

По мнению историков отечественных спецслужб И. Линдера и С. Чуркина, «ускоренное и в высшей степени секретное формирование Особой группы было напрямую связано с англо-советским конфликтом 1927 года». Автор полностью разделяет мнение историков по данному вопросу. Однако при этом необходимо учитывать и общую обстановку, сложившуюся в конце 1920-х годов вокруг советских дипломатических представительств и учреждений за рубежом.

Так, в 1926–1927 годах произошло несколько провокаций против советских учреждений за границей. Эти провокации, сопровождавшиеся захватом полицией секретных документов, были организованы местными спецслужбами в Лондоне, Пекине и Праге.

6 апреля 1927 года произошел налет полиции и солдат Чжан Цзолиня, генералиссимуса сухопутных и морских сил Китайской Республики и

фактического президента страны, на полпредство СССР в Пекине. Вторжение на территорию дипломатического квартала, где располагалось полпредство СССР, могло произойти только с разрешения посла Великобритании, являвшегося главой дипломатического корпуса в Китае. Это серьезно осложнило не только китайско-советские, но и британско-советские отношения.

При налете на советское полпредство в Пекине китайская полиция захватила инструкции Коминтерна китайским коммунистам. В них содержались рекомендации по оказанию помощи «советским товарищам» в ведении разведывательной работы, описание оружия, завозимого в Китай, рекомендации по провокации конфликтов между местным населением и иностранцами, некоторые материалы о деятельности военной разведки.

Китайские и иностранные средства массовой информации начали публикацию изъятых документов, разоблачающих деятельность советских спецслужб в Китае, а также списков советских военных советников с указанием их оперативных псевдонимов.

Вскоре подобная провокация произошла и в Лондоне. Нападению подверглось советско-британское акционерное общество АРКОС. Остановимся более подробно на этой провокации английских спецслужб.

Провокация против АРКОСа

После Октябрьской революции 1917 года советско-британские отношения оказались «на нуле» в связи с тем, что официальный Лондон отказался признавать молодое Советское государство. В то же время на берегах Туманного Альбиона зрело мнение, что такие политические игры в конечном счете могут привести к потере русского сырьевого рынка. При этом следует напомнить, что вплоть до начала Первой мировой войны Англия занимала второе место после Германии по экспортным и импортным операциям с Российской империей. И английские деловые круги не собирались сдавать свои позиции. Уже летом 1920 года в Лондоне в качестве частной советско-британской компании с ограниченной ответственностью английским министерством торговли было зарегистрировано Всероссийское кооперативное акционерное общество АРКОС (All Russian Cooperative Society Limited). Для подписания соответствующих документов в британскую столицу прибыла советская кооперативная делегация во главе с Л. Б. Красиным. АРКОС торговал традиционными русскими товарами: зерном, льном, древесиной, нефтью, пушниной, икрой и прочим. В главном офисе компании наряду с советскими гражданами работали англичане и выходцы из белоэмигрантских кругов.

В 1923 году СНК РСФСР разрешил АРКОСу ведение торговых операций на территории Советской республики. Компания стала крупнейшим экспортно-импортным объединением в Англии. В дальнейшем, к началу 1927 года, оборот АРКОСа уже превышал 100 миллионов фунтов стерлингов.

На выборах 1923 года в Великобритании победу одержали лейбористы, сформировавшие с либералами коалиционное правительство во главе с Макдональдом. А уже 1 февраля 1924 года правительство Макдональда признало Советскую Россию и установило с ней дипломатические отношения. В скором времени в английской столице были открыты полпредство^[11] и торгпредство, которые вместе с АРКОСом представляли там Советский Союз.

Надо ли говорить, что британские спецслужбы держали советскую колонию в Лондоне под постоянным наблюдением. В тайном противоборстве с советской разведкой, работавшей на берегах Темзы с позиций советских учреждений, особую активность проявлял так

называемый особый отдел Скотланд-Ярда. Это секретное подразделение, созданное еще в конце XIX века для борьбы с террористами и анархистами, а также для противодействия ирландским экстремистам, после Первой мировой войны активно занималось охотой на шпионов. Но с появлением в Лондоне большой советской колонии контрразведывательная деятельность особого отдела Скотланд-Ярда была скорректирована и направлена на возможную вербовку сотрудников советских учреждений. Наиболее удобным объектом для осуществления этих целей являлся АРКОС.

Англичанам удалось завербовать сотрудника АРКОСа Карла Корбса, отвечавшего за подбор кадров для экипажей судов общества. Когда-то надежный агент Коминтерна, на новой работе он стал брать взятки, любил приложиться к бутылке, во хмелю был несдержан на язык. Через Корбса и внедренных с его помощью нужных людей в экипажи судов Скотланд-Ярд получал достоверную информацию о коммерческих тайнах общества и об обстановке в советских портах.

На англичан работал и Петр Мидлер, отвечавший за снабжение пароходов бункерным углем. Пользуясь тем, что его родной брат Антон был начальником шифровального отдела и не имел от него никаких секретов, Петр был в курсе практически всех служебных тайн АРКОСа.

12 мая 1927 года около четырех часов дня британская полиция внезапно окружила дом 49 по Мургейт-стрит в лондонском Сити, где размещалась штаб-квартира АРКОСа.

Налет санкционировал лично министр внутренних дел Джонсон Хикс. В нем участвовало около двухсот человек: отряд полиции, сотрудники контрразведки и особого отдела Скотланд-Ярда, а также переводчики из представителей белой эмиграции.

Передовая полицейская группа первым делом ринулась в подвал здания, где находились шифровальный отдел и секретная фотолаборатория, и буквально штурмом взяла его. Основные силы нападавших ворвались в здание и перекрыли все выходы из него. Сотни служащих были выгнаны из кабинетов на лестницы и подвергнуты обыску.

Повальный обыск в помещениях акционерного общества продолжался несколько дней. Из шкафов и рабочих столов изымались все документы. Не найдя ключей от сейфов, полицейские привезли своих специалистов, и те принялись распиливать замки. Многие сотрудники АРКОСа — советские граждане и подданные Великобритании — были арестованы.

Официальным предлогом для захвата АРКОСа и обыска английское правительство и полиция объявили поиск особо секретного документа, якобы похищенного советской разведкой из военного министерства

Великобритании. Однако он не был обнаружен, и премьер-министр Стэнли Болдуин не смог позже убедительно доказать, что акция была оправданной.

Несколько советских сотрудников АРКОСа пытались воспрепятствовать обыску, однако к ним была применена физическая сила: они были жестоко избиты британской полицией. Во время обыска полицейские обнаружили, что советский шифровальщик Антон Мидлер сжигает в подвале здания секретные документы. Он был арестован и увезен в неизвестном направлении. В результате налета британская полиция захватила почту, другую документацию, а также шифры, которые использовались в переписке с Москвой.

Британские полицейские покинули здание на Мургейт-стрит только 16 мая.

Через девять дней, когда все советские служащие АРКОСа были отозваны в Москву, владелец левой газеты «Дейли геральд» сделал запрос в английском парламенте относительно судьбы Антона Мидлера. В полученном от министра внутренних дел ответе говорилось, что касаться этого вопроса публично нецелесообразно.

Собранные в ходе налета на АРКОС «улики» явно не тянули на международный скандал. Но, видимо, все уже было предрешено заранее. В конце мая 1927 года британское правительство выпустило «Белую книгу», в которой содержался ряд документов (в том числе захваченных в Пекине и Лондоне), свидетельствующих о подрывной деятельности СССР против Великобритании.

События 12 мая 1927 года вызвали политический кризис в стране. 26 мая премьер-министр Англии Стэнли Болдуин информировал советского полпреда в Великобритании Аркадия Павловича Розенгольца о том, что британское правительство разрывает дипломатические отношения с СССР. Сотрудники всех советских дипломатических и торговых миссий были высланы из страны. По словам премьер-министра, Великобритания пошла на такой шаг в связи с тем, что СССР «ведет антибританскую шпионскую деятельность и пропаганду». При этом Болдуин полностью игнорировал многочисленные факты, свидетельствовавшие о том, что сама Англия вела широкую подрывную деятельность против Советской России.

В свете майских событий в Лондоне Политбюро ЦК ВКП(б) создало комиссию ЦК во главе с К. Е. Ворошиловым, которая рассмотрела создавшееся положение и разработала меры, направленные на то, чтобы впредь не допускать подобных инцидентов. Активное участие в работе комиссии и разработке рекомендаций принимал начальник внешней разведки М. А. Трилиссер. В результате вся система безопасности

советских полпредств, торговых представительств и миссий, а также резидентур внешней разведки была изменена. Коренным образом изменилась также и система шифрования: были введены одноразовые шифрблокноты, и с тех пор стала использоваться трудоемкая, но очень надежная система шифрования.

В течение мая 1927 года на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) несколько раз рассматривались вопросы соблюдения конспирации сотрудниками советских представительств за границей. В одном из постановлений Политбюро, в частности, указывалось: «Обязать ИККИ, ОГПУ и Разведупр в целях конспирации принять меры к тому, чтобы товарищи, посылаемые этими органами за границу по линии НКВД и НКТорга, в своей официальной работе не выделялись из общей массы сотрудников полпредств и торгпредств».

28 мая 1927 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление «О мерах конспирации». Одновременно в советские представительства за рубежом было направлено строгое распоряжение, которое предписывало уничтожить все архивы и впредь сохранять переписку с Центром только за последний месяц. При этом предлагалось «хранить ее в таком виде и в таких условиях, чтобы в случае налета на представительство можно было немедленно уничтожить весь материал».

Коминтерн также ужесточил контроль за деятельностью своего Отдела международных связей, который вел разведку за рубежом, изменил систему шифров и порядок работы с секретными документами.

Резидентам Разведывательного управления РККА и ИНО ОГПУ запрещалось вербовать коммунистов в качестве агентов. Впредь всякая вербовка агентуры утверждалась в Центре, тогда как до этого резидент ИНО ОГПУ имел право самостоятельно решать такие вопросы. К сожалению, на практике эти рекомендации далеко не всегда выполнялись.

Что касается АРКОСа, то он возобновил свою деятельность в 1929 году после восстановления дипломатических отношений между СССР и Великобританией. Однако основные торговые операции проходили в то время уже по линии торгпредства СССР, участие же советско-британской смешанной компании в товарообороте двух стран резко сократилось. В начале Второй мировой войны акционерное общество АРКОС прекратило свою деятельность.

В конце XX века британские власти рассекретили ряд документов своих спецслужб, относящихся к 1920—1930-м годам. Из этих документов следует, что налет на АРКОС являлся заранее спланированной акцией.

Нейтрализация руководителя РОВС

Другим основным направлением работы Особой группы уже под руководством Якова Серебрянского был сбор информации относительно деятельности антисоветских эмигрантских организаций и активное противодействие им.

В конце января 1930 года вся русская эмиграция во Франции была потрясена исчезновением в Париже главы белогвардейского Ясского общевойскового союза (РОВС) генерала Александра Павловича Кутепова. Причем генерал исчез бесследно. В парижских газетах появилось только одно сообщение о том, что «бывший адъютант Врангеля и Деникина, возглавлявший РОВС в Париже, русский генерал Кутепов исчез в воскресенье 26 января».

Лишь через 35 лет стало известно, что Кутепов был похищен среди бела дня в Париже сотрудниками Особой группы ОГПУ под руководством Якова Серебрянского.

Октябрьская революция 1917 года расколола Россию на два враждующих лагеря. Чтобы сохранить власть, большевики были вынуждены вести непримиримую борьбу с многочисленными врагами нового государства.

После окончания Гражданской войны в России у советской власти не осталось серьезных противников внутри страны. В то же время за границей возникло немало эмигрантских организаций, поставивших своей целью свержение большевистского режима. Лидеры потерпевшего поражение в Гражданской войне Белого движения, оказавшись за рубежом в результате эмиграции, пытались продолжать борьбу с Советами всеми доступными способами и средствами. В этом их поддерживали и буржуазные правительства, и спецслужбы некоторых иностранных государств.

Естественно, Москва постоянно учитывала потенциальную опасность, исходившую со стороны белой эмиграции. Еще 28 июня 1922 года было утверждено Положение о Закордонном отделении Иностранного отдела ГПУ, в котором были указаны первоочередные задачи советской внешней разведки:

выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против нашей страны;

установление за рубежом правительственных и частных организаций,

занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем против России;

освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений о их экономическом положении;

добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;

контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей.

Как видно из приведенного выше документа, работе по выявлению зарубежных контрреволюционных организаций, которые проводили подрывную деятельность против Советского государства, уже в то время придавалось первостепенное значение.

В 20-х годах прошлого века число эмигрантов — выходцев из России составляло в Европе и Китае более миллиона человек. Безусловно, белая эмиграция не была однородной. Часть людей, бежавших за границу из-за страха перед советской властью, не собиралась с этой властью бороться. Другие эмигранты, активно сражавшиеся против большевиков на полях Гражданской войны, объединялись за границей в организации, главной целью которых было свержение советской власти в России.

Среди последних следует, в частности, отметить Народно-трудовой союз (НТС), организацию украинских националистов (ОУН), объединение грузинских меньшевиков во главе с Ноем Жорданией. Однако самой активной и агрессивной организацией белоэмигрантов того времени являлся Русский общевоинский союз (РОВС), созданный генералом Петром Врангелем из офицеров разгромленной Добровольческой армии.

Стратегической целью руководства РОВС была вооруженная борьба против советской власти. Свою главную задачу РОВС видел в свержении власти большевиков в России.

Естественно, Москва постоянно учитывала потенциальную опасность, исходившую со стороны террористических организаций белой эмиграции и в первую очередь — со стороны РОВС, стратегической целью руководства которого, как уже отмечалось, являлось вооруженное выступление против советской власти. В этой связи основное внимание советской внешней разведки и ее резидентур отводилось работе по РОВС: изучению его деятельности, выявлению планов, установлению филиалов и агентур на

советской территории, разложению его изнутри и возможному влиянию на принятие решений руководством с помощью внедренной агентуры, срыву готовящихся диверсионно-террористических мероприятий.

История возникновения РОВС такова.

После разгрома на полях Гражданской войны белая армия как самостоятельная сила перестала существовать. Остатки войск генерала Врангеля эвакуировались из Крыма и обустроились в Сербии и Болгарии.

1 сентября 1924 года Врангель издал приказ № 35, согласно которому остатки армии преобразовывались в Русский общевоинский союз под его руководством. Спустя несколько лет Врангель решил поставить во главе РОВС великого князя Николая Николаевича Романова, оставаясь при нем командующим армией. Однако фактическим организатором и руководителем РОВС являлся начальник штаба генерал-лейтенант Александр Павлович Кутепов. После смерти Врангеля в 1928 году и Николая Николаевича в 1929 году он стал одним из основных руководителей белогвардейского движения за рубежом. Это был жесткий и непримиримый противник советской власти в России.

Александр Кутепов родился 28 сентября 1882 года в городе Череповец Новгородской губернии. После гимназии поступил в Петербургское юнкерское училище, которое окончил в 1904 году.

С началом Русско-японской войны Кутепов подал рапорт о направлении в действующую армию, служил в полковой разведке. За отличия в боях был награжден орденом Святого Владимира с мечами и бантом.

После войны поручик Кутепов являлся командиром учебной роты в лейб-гвардии Преображенском полку. В годы Первой мировой войны командовал ротой и батальоном преображенцев, был трижды ранен, награжден орденом Святого Георгия. В 1916 году за бои на реке Стоход получил Георгиевское оружие и звание полковника.

После Февральской революции Кутепов стал командиром Преображенского полка, а когда фронт развалился и солдаты разбежались по домам, уехал на Дон и вступил в Добровольческую армию генерала Корнилова. Командовал ротой 1-го офицерского полка, а затем — Корниловским полком. В январе 1919 года — командир 1-го армейского корпуса. За победу над частями Красной армии под Харьковом был произведен в генерал-лейтенанты.

Оказавшись в эмиграции, Кутепов продолжил вооруженную борьбу против большевиков. При создании РОВС он возглавил его боевую организацию.

К 1929 году РОВС объединял в своих рядах уже около ста тысяч бывших белогвардейцев. При этом белые офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности РККА. Таким образом, в случае новой войны в Европе под знамена противников СССР боевая организация РОВС могла выставить, хотя и изрядно поредевшие в Гражданскую войну, полки бывшей Добровольческой армии, структуру которой руководство РОВС постаралось сохранить и в эмиграции.

Среди руководителей этой организации Кутепов являлся наиболее активным сторонником террористической деятельности. Он выступал за заброску в СССР групп боевиков для проведения терактов, вплоть до ликвидации лидеров государства и высшего командования Красной армии. Среди предлагаемых им жертв значились Сталин, Бухарин, Менжинский, Крыленко и другие руководящие работники ВКП(б), военного ведомства и ОГПУ. И неудивительно, что под началом Кутепова террор и диверсии стали главным оружием РОВС в борьбе против Советского государства.

В Париже, куда в конце 1929 года Кутепов перенес штаб-квартиру РОВС, а также в Праге, Софии, Берлине и Варшаве, где имелись филиалы Русского общевойскового союза, готовились боевые группы для заброски на советскую территорию для проведения терактов и организации вооруженных выступлений населения против советской власти. Эта работа проводилась в тесном контакте со спецслужбами Франции, Польши, Румынии и Финляндии.

В одной из своих работ Павел Судоплатов писал: «Агония Гражданской войны в Советской России завершилась войной терроризма, который пришел в Советский Союз в лице эмиссаров боевого подразделения Русского общевойскового союза, организовавших серию взрывов и ряд покушений на советских военных и партийных работников. Задача группы Серебрянского заключалась в том, чтобы парализовать террористическую деятельность эмиссаров РОВС».

Руководство РОВС активно налаживало связи с контрреволюционным подпольем в России, чтобы изучить возможности для свержения власти большевиков. В секретной инструкции для боевиков, разработанной Кутеповым, подчеркивалось: «План общей работы представляется в следующем виде — террор против... советских чиновников, а также против тех, кто ведет работу по развалу эмиграции».

Так, руководству ОГПУ стало известно, что в марте 1927 года генерал Кутепов, тогда еще бывший заместителем председателя РОВС, провел в Финляндии совещание с членами боевого крыла организации, на котором

заявил о необходимости немедленно начать террористические акции на территории СССР. Это заявление было поддержано участниками совещания и начало активно реализовываться. Так, только в июне 1927 года боевиками РОВС было осуществлено несколько террористических актов:

3 июня боевики РОВС заложили взрывное устройство в жилом доме сотрудников ОГПУ на улице Малая Лубянка в Москве, там же были обнаружены несколько зажигательных бомб;

6 июня была брошена бомба в бюро пропусков ОГПУ на улице Кузнецкий Мост в Москве;

7 июня были брошены две бомбы в здание Центрального партийного клуба (Дома политпросвещения) на улице Мойка в Ленинграде; в Варшаве был убит полпред СССР в Польше П. Л. Войков; в результате диверсии погиб начальник ОГПУ Белоруссии Иосиф Опанский.

Известный публицист и историк С. Вычужанин по этому поводу писал:

«В конце 1929 года генералом Кутеповым было решено активизировать диверсионно-террористическую работу против СССР. При этом в качестве одного из видов оружия террора рассматривалось и бактериологическое. Предполагалось привлечение к работе абсолютно проверенного бактериолога с целью оборудования лаборатории для разведения культур инфекционных болезней (чума, холера, тиф, сибирская язва). Культуры бактерий на территорию СССР предполагалось доставлять в упаковках от духов, одеколона, эссенций, ликеров и др.

Объектами терактов... должны были служить прежде всего руководители партии большевиков и руководители карательных органов, а также все областные комитеты партии большевиков, губернские комитеты ВКП(б), партийные школы, войска и органы ОГПУ. У боевиков РОВС был подготовлен список из 75 подобных учреждений в Москве и Ленинграде с точным указанием их адресов».

Чтобы снизить диверсионную активность РОВС, руководство ИНО ОГПУ приняло решение организовать с ним оперативные игры от имени легендированных организаций. Одна из таких — Северо-Кавказская военная организация (СКВО) была успешно «подставлена» представителям РОВС в Румынии генералам Штейфону и Геруа. Это оперативное мероприятие позволило вскрыть каналы переброски в Советскую Россию боевиков, выявить их связи с подпольными организациями на Северном Кавказе, Кубани и в Донской области. Чекистам также удалось внедрить свою агентуру в филиалы РОВС в Румынии, Югославии и Болгарии.

Но это не решало главной проблемы — прекращения

террористической активности РОВС. В этих условиях Сталин приказал действовать против РОВС на опережение. Руководство страны понимало, что наиболее эффективным способом является «обезглавливание» РОВС, то есть устранение генерала Кутепова. И ОГПУ начало прорабатывать варианты такой операции. При этом Москва предполагала доставить генерала на советскую территорию и устроить открытый показательный судебный процесс. Причем судить Кутепова предполагалось не только за организацию диверсий и террора, но и за зверства, чинимые им во время Гражданской войны, в частности в бытность его в 1918 году губернатором Новороссийска.

Доставить генерала в Москву можно было одним из двух способов: или выманить его на территорию СССР, например под предлогом ознакомления с «действующими» подпольными антисоветскими организациями, или организовать его похищение во Франции с последующей переправкой на советскую территорию. Задача доставить Кутепова в Советский Союз была поручена ОГПУ. На Лубянке приступили к тщательному планированию операции. Общее ее руководство осуществлял признанный мастер оперативных комбинаций Артур Артузов. Реализация операции поручалась Якову Серебрянскому и его группе. Помимо сотрудников центрального аппарата Особой группы к участию в операции были также привлечены силы парижской нелегальной резидентуры.

Для возможного решения задачи по первому варианту действий была проведена оперативная игра непосредственно со штаб-квартирой РОВС от имени так называемой «Внутренней русской национальной организации» (ВРИО), созданной ОГПУ с привлечением в нее бывших царских офицеров. На первом этапе, не имея прямого выхода на Кутепова, ВРИО наладила контакты с редактором журнала «Борьба за Россию» С. П. Мельгуновым, который поддерживал тесные связи с начальником канцелярии генерала Кутепова князем Сергеем Трубецким.

Далее в Москву для переговоров с руководством ВРИО прибыл представитель РОВС генерал Штейфон. Переговоры оказались удачными (для ОГПУ). Руководство РОВС поверило в реальное существование ВРИО.

Затем в Париж был направлен в качестве представителя ВРИО агент ОГПУ, бывший полковник царской армии А. Н. Попов. Он встретился с Мельгуновым, информировал его о положении в России, целях и задачах ВРИО и попросил организовать встречу с председателем РОВС генералом Кутеповым. Последний согласился встретиться с Поповым. Встреча

состоялась в начале января 1930 года в Берлине, куда Попов специально прибыл из Москвы.

Во время этой встречи Попов и сопровождавший его бывший сослуживец Кутепова генерал де Роберти предложили направить в Советский Союз несколько групп боевых офицеров РОВС для руководства восстанием. Предполагалось, что на следующем этапе может последовать и визит самого Кутепова.

У Попова сложилось твердое убеждение, что Кутепов верил в то, что внутри России еще остаются силы, опираясь на которые, ему удастся свергнуть большевиков. К тому же эти иллюзии главы РОВС активно поддерживали агенты ОГПУ, которые находились в его ближайшем окружении.

Однако переговоры не имели успеха, поскольку Кутепов узнал от де Роберти, что все происходящее — оперативная игра ОГПУ. «Выманить» генерала Кутепова на территорию СССР не удалось. Желания выехать на места будущего сражения с большевиками Кутепов не проявил, хотя и не подал виду, что ему стало известно о готовящейся ловушке.

Сложившиеся обстоятельства поставили перед руководством ОГПУ вопрос о проведении операции по второму варианту.

Летом 1929 года руководство ОГПУ вышло в ЦК ВКП(б) с предложением похитить генерала в Париже и вывезти его в Советский Союз. Это предложение было утверждено Сталиным.

Дом Кутепова в Париже стал объектом постоянного наблюдения. Изучались окружение генерала, его перемещения по городу. На основе собранных через надежную агентуру сведений об образе жизни генерала, его привычках, принимаемых им мерах личной безопасности в Москве была окончательно разработана операция по его похищению.

1 января 1930 года Яков Серебрянский вместе с другим видным чекистом, заместителем начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ Сергеем Пузицким выехали нелегально в Париж для руководства операцией. Одновременно с ними в столицу Франции нелегально были направлены молодые, но уже опытные сотрудники «группы Яши», которые ранее сами являлись участниками Белого движения, а затем активно помогали Серебрянскому в решении оперативных задач в период его командировки в Палестину: Андрей Турьжников, Юрий Волков и Иван Рачковский.

Проведение операции было намечено на воскресенье 26 января 1930 года, так как по полученным разведкой достоверным сведениям Кутепов в этот день должен был в 11 часов 30 минут присутствовать на панихиде по

барону Каульбарсу в Галлиполийской церкви на улице Мадемуазель, которая находилась в 20 минутах ходьбы от его дома.

В сложившихся обстоятельствах значительную роль в реализации намеченных планов сыграл проживавший в Париже один из секретных агентов ОГПУ, близкий к Кутепову генерал Павел Павлович Дьяконов, с которым Яков Серебрянский активно работал во время своей первой командировки во французскую столицу. Русский патриот отдавал себе отчет в том, что реализация планов РОВС по организации нового крестового похода против большевиков, за которыми пошло абсолютное большинство русского народа, приведет к новым потокам крови на его родине. Поэтому такие планы контрреволюции не вызывали поддержки у генерала. Разочаровавшись в деятельности белой эмиграции, профессиональный разведчик Павел Дьяконов в марте 1924 года стал активно сотрудничать на патриотической основе с советской внешней разведкой.

Из справки на Павла Павловича Дьяконова, находящейся в его оперативном деле:

«Родился 4 февраля 1878 года в Москве в семье военнослужащего.

С 17 лет он связал свою жизнь с армией. После завершения в 1895 году учебы в Московской практической академии коммерческих наук он поступил вольноопределяющимся в 5-й гренадерский Киевский полк, став кадровым военным. С отличием окончил Казанское пехотное юнкерское училище, а в 1905 году — Николаевскую Академию Генерального штаба. Принимал участие в Русско-японской войне.

До конца 1913 года Дьяконов работал на различных должностях в Главном управлении Генерального штаба. В июле 1914 года был назначен помощником военного атташе в Лондоне. При этом было учтено безупречное знание им английского, немецкого и французского языков. С началом Первой мировой войны Дьяконов подал рапорт с просьбой о переводе его в действующую армию и в сентябре 1914 года был направлен на фронт.

В январе 1916 года полковник Дьяконов был назначен командиром 2-го Особого полка русского экспедиционного корпуса, отправленного во Францию. Принимал активное участие в сражениях против немцев. Его боевые заслуги были отмечены семью высшими русскими и пятью иностранными орденами. За боевые заслуги в сражении на Марне он получил отличие офицера Почетного легиона, был награжден офицерским крестом Почетного легиона и двумя французскими военными крестами, что давало ему право на получение французского гражданства.

В начале 1917 года Дьяконов был переведен на работу в Генеральный штаб. По представлению начальника Генерального штаба за боевые отличия был произведен Николаем II в генерал-майоры. В сентябре того же года откомандирован в Лондон для исполнения обязанностей военного атташе в Великобритании, где оставался до 1 мая 1920 года. После закрытия аппарата русской военной миссии в Великобритании в мае 1920 года переехал на постоянное жительство во Францию.

В белогвардейском движении на территории России не участвовал. Ни он, ни члены его семьи никогда не высказывали враждебных намерений против новой власти в России...

Сотрудничая с советской внешней разведкой, сообщал исключительно важную информацию о деятельности РОВС, кирилловских белогвардейских организаций и французской военной разведки.

Принимал непосредственное участие в проведении ряда оперативных комбинаций».

Накануне операции по Кутепову, 25 января, один из членов группы Серебрянского передал генералу записку от Дьяконова, в которой ему назначалась короткая, но важная встреча на его маршруте к церкви. При этом учитывалось, что Кутепов на важные встречи, связанные с агентурной и боевой деятельностью РОВС, всегда ходил один. Прождав некоторое время Дьяконова на трамвайной остановке на улице Севр, Кутепов продолжил свой путь к церкви.

Сотрудники опергруппы Серебрянского, а также надежные агенты парижской резидентуры ОГПУ, выдававшие себя за французских полицейских, задержали генерала под предлогом проверки документов и предложили проехать в полицейский участок для выяснения личности.

Кутепов позволил усадить себя в автомобиль, но, услышав русскую речь, попытался оказать сопротивление. Его усыпили хлороформом. Однако больное сердце генерала не выдержало последствий наркоза. Кутепов умер от сердечного приступа.

Предпринятые французской полицией и лично начальником контрразведки РОВС полковником Зайцевым меры по розыску Кутепова положительных результатов не дали. Успеха не принесла и награда в 100 тысяч франков, обещанная РОВС за помощь в розыске Кутепова.

Находившийся в то время в Париже генерал Штейфон, посетивший в день пропажи генерала Кутепова его семью, писал 27 января генералу Геруа в Бухарест:

«Вчера неожиданно при невыясненных обстоятельствах исчез генерал Кутепов. Он вышел утром в церковь, никуда не предполагая заходить,

никому не назначал свидания и условился с женой, что после обеда в час дня они всей семьей отправятся в город».

Больше Кутепова никто не видел.

Спустя несколько дней обнаружился свидетель похищения генерала. Это был дворник из клиники, расположенной на улице Удино, по имени Огюст Стеймец. Дворник заявил, что утром 26 января около 11 часов он увидел в окно клиники большой серо-зеленый автомобиль, возле которого стояли двое рослых мужчин в желтых пальто, а неподалеку от них — такси красного цвета. Тут же на углу находился полицейский. Когда Кутепов, приметы которого Стеймец описал точно, поравнялся с серо-зеленым автомобилем, люди в желтых пальто схватили его и втолкнули в автомашину. В нее же сел и полицейский, который спокойно наблюдал за происходящим. Автомобиль на большой скорости уехал в сторону бульвара Инвалидов. Вслед за ним отправилось и красное такси.

В принципе свидетель довольно четко обрисовал имевшие место события. Люди в желтых пальто, стоявшие у автомашины, были французскими коммунистами — агентами группы Серебрянского. Роль постового сыграл настоящий офицер парижской полиции, близкий коммунистам, тоже агент Особой группы ОГПУ. В красном же такси сидели непосредственные руководители операции на месте Андрей Турыжников и Иван Рачковский. Сразу в машине Кутепову сделали инъекцию. Уже мертвого генерала вывезли из Парижа, а вечером того же дня похоронили в предместье французской столицы Леваллуа-Перре — в саду дома, владельцем которого был все тот же полицейский офицер.

Расследование исчезновения Кутепова со стороны РОВС и парижской криминальной полиции каких-либо результатов не дало. Его труп обнаружить не удалось.

Исчезновение Кутепова взбудоражило Европу, а в среде русских белогвардейцев в Париже вызвало состояние, близкое к панике. Но интересно, что в исчезновении генерала пресса в основном обвиняла британскую разведку. Благодаря грамотной работе группы Серебрянского советский след в исчезновении Кутепова местной прессой в то время практически не рассматривался.

Безусловно, осуществленная ОГПУ операция по нейтрализации Кутепова нанесла тяжелый удар по РОВС. Депрессия, панические настроения, недоверие к руководителям, взаимные подозрения в сотрудничестве с советскими органами государственной безопасности на протяжении ряда лет после исчезновения Кутепова были характерны не только для членов Русского общевойскового союза, но и для

поддерживавшей его части белой эмиграции. Кроме того, что очень важно, РОВС начал терять доверие у «спонсоров» — западных покровителей.

Следует подчеркнуть, что до середины 1960-х годов причастность советских органов государственной безопасности к похищению генерала Кутепова не афишировалась и даже категорически отрицалась. Лишь в 1965 году газета «Красная звезда» — официальный орган Министерства обороны — рассказала на своих страницах об этой операции.

Преемник Кутепова

Несмотря на то что осуществленная ОГПУ операция по нейтрализации генерала Кутепова нанесла тяжелый удар по РОВС, полностью парализовать его деятельность не удалось. Преемником генерала Кутепова на посту председателя РОВС стал генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер, кадровый военный. Он продолжил активную антисоветскую деятельность своего предшественника. Чтобы окончательно разрешить проблему РОВС, руководство страны поручило органам государственной безопасности доставить генерала Миллера в Москву, где намеревалось предать его открытому суду.

Сам Яков Исаакович Серебрянский не являлся непосредственным руководителем этой операции, так как готовил там же, в Париже, другую важную операцию, о которой еще будет рассказано, а в данной операции принимали участие завербованные Серебрянским агенты, а также некоторые сотрудники Особой группы, руководил ею сотрудник Особой группы Сергей Шпигельглаз.

Несколько слов о самом генерал-лейтенанте Миллере, возглавившем РОВС после генерала Кутепова.

Он родился 7 октября 1867 года в одной из старинных дворянских семей русских немцев города Динабурга Витебской губернии (с 1893 года — Двинск, с 1920 года — Даугавпилс, Латвия). В детстве был отдан в Николаевский кадетский корпус в Санкт-Петербурге, затем с отличием окончил Николаевское кавалерийское училище. Служил в лейб-гвардии гусарском Его Императорского Величества полку (Царское Село). Жена Евгения Карловича Миллера, Наталья Николаевна Шипова, по линии своей матери являлась родной внучкой жены А. С. Пушкина, Натальи Николаевны Гончаровой.

В 1892 году капитан Миллер успешно окончил Академию Генерального штаба и получил назначение в Финляндский военный округ. В 1896 году подполковник Миллер служил военным агентом (военным атташе) в Бельгии и Голландии. Такая служба давала практику военного разведчика и позволяла увидеть европейские армии своими глазами. Здесь же Миллер проявил себя как дипломат: принял участие в подготовке первой мирной конференции в Гааге, созванной по инициативе Николая II. В 1901 году за отличия по службе Евгений Карлович был произведен в полковники и переведен военным агентом в Рим.

В 1907 году его дипломатическая служба закончилась. Миллер командует 7-м гусарским Белорусским полком, а затем 7-й кавалерийской дивизией. В 1909 году 42-летний генерал-майор назначается начальником родного ему Николаевского кавалерийского училища. В конце 1912 года — начальником штаба Московского военного округа.

Участник Первой мировой войны, с ее первых дней возглавил штаб 5-й армии. В 1915 году был произведен в генерал-лейтенанты. В январе 1917 года назначен командиром 26-го армейского корпуса.

В августе 1917 года Миллер был направлен в Италию представителем Ставки Верховного главнокомандующего при итальянском Главном командовании. Здесь его и застала Октябрьская революция. Активный участник Гражданской войны в России. В январе 1919 года прибыл в оккупированный англичанами Архангельск и был назначен главнокомандующим войсками контрреволюционного «правительства Северной области» эсера Николая Васильевича Чайковского.

В том же январе, будучи председателем Временного правительства Северной области и одновременно управляющим отделом иностранных дел правительства, Чайковский выехал в Париж для участия в мирной конференции и... остался в эмиграции.

После эмиграции Чайковского Миллер становится генерал-губернатором Северной области, её фактическим диктатором. В мае 1919 года «Верховный правитель России» адмирал Колчак назначает Миллера главнокомандующим войсками Северной области, а в июне — главнокомандующим Северным фронтом.

Обстановка в Северной области к тому времени складывалась следующим образом. В начале 1918 года северные районы России оказались под угрозой нападения... белофиннов. 18 марта в поселке Ухта, занятом финскими войсками, собрался Временный комитет по Восточной Карелии, принявший постановление о присоединении Восточной Карелии к Финляндии. Целью финского вторжения в Карелию и на Кольский полуостров были не только территориальные притязания, но и захват оружия, продовольствия и различного ценного оборудования, доставленного туда союзниками в 1915–1918 годах.

Весной 1918 года в Мурманске и Архангельске высадился британский экспедиционный корпус для «помощи» большевикам в противостоянии белофиннам и предотвращения потенциальной угрозы высадки немецкого десанта (кстати, в составе экспедиционного корпуса, видимо, впервые в новейшей истории нашей страны, был и ограниченный военный американский контингент).

Понятно, что англичане не собирались дружить с большевиками. Уже 1 августа 1918 года британский десант после обстрела артиллерией и бомбардировок с воздуха захватил остров Мудьюг, береговые батареи которого прикрывали подходы к Архангельску. Днем 2 августа в Архангельске началось антисоветское восстание, в результате которого англичане захватили Архангельск. «Помощь» переросла в оккупацию. Началось открытое разграбление Русского Севера. Англичане захватили весь торговый флот Северного Ледовитого океана, речные суда Северной Двины и Печоры. Через северные моря они организовали вывоз леса, пушнины и полезных ископаемых из бассейнов рек Оби, Иртыша и Енисея. Речные суда выходили к устью и там перегружались. Только в навигацию 1918 года из Архангельска в Англию ушло 57 русских частных пароходов и четыре парусные шхуны, большинство из которых не вернулось. Только в 1919 году англичане вывезли с Русского Севера леса, марганцевой руды и других, как сейчас говорят, стратегических ресурсов на четыре миллиона фунтов стерлингов.

Английские оккупанты впервые на русской земле устроили два концентрационных лагеря. Через английские тюрьмы и концентрационные лагеря на Севере прошли 52 тысячи человек, то есть 11 процентов населения Архангельской губернии.

Среди многочисленных распоряжений Миллера особое недовольство населения вызвал указ, согласно которому крестьяне по первому требованию воинских начальников были обязаны отдавать своих лошадей или выполнять «гужевую повинность», то есть бесплатно перевозить грузы. Под конец своего правления Миллер приказал сдать всю имеющуюся у граждан Архангельска иностранную валюту (которую, как утверждала позже пресса, он присвоил).

Недовольных указами Миллера ждал военно-полевой суд. Четыре тысячи жителей Архангельской губернии были расстреляны интервентами и белогвардейцами. Многие тысячи местных жителей были приговорены к каторжным работам. Понятно, что Миллера и его окружение ненавидело все население Северной области.

А вот что писал во французской газете «Информасьон» за 24 апреля 1920 года о деятельности генерала Миллера на Севере ее корреспондент в Архангельске, близкий друг Керенского эсер Борис Соколов:

«Я был свидетелем последнего периода существования правительства Северной области, а также его падения.

Я мог наблюдать разные русские правительства, но никогда раньше не видел таких чудовищных и неслыханных деяний. Поскольку правительство

Миллера опиралось исключительно на правые элементы, оно постоянно прибегало к жестокостям и систематическому террору, чтобы удержаться наверху. Смертные казни производились сотнями, часто без всякого судопроизводства.

Миллер основал каторжную тюрьму на Иокангском (Кольском) полуострове на Белом море. Я посетил эту тюрьму и могу удостоверить, что таких ужасов не было видно даже в царское время. В бараках на несколько сотен человек размещалось свыше тысячи заключенных. По приказанию Миллера начальник тюрьмы Судаков жестоко порол арестованных, отказывавшихся идти на каторжные работы. Ежедневно умирали десятки людей, которых кидали в общую могилу и кое-как засыпали землей».

В 1920 году началась эвакуация британского экспедиционного корпуса. Причинами послужили недовольство в войсках, вызванное, в частности, неудачами в боях с партизанами и частями Красной армии, а также многочисленные забастовки рабочих в самой Англии, проходившие под лозунгами «Руки прочь от России!».

Узнав об уходе интервентов, части Красной армии перешли в генеральное наступление. Первоначально организованное отступление интервентов превратилось в бегство. Бежал и сам главнокомандующий войсками Северной области генерал-лейтенант Миллер со своим штабом. А его воинство начало сдаваться поротно, побатальонно и даже целыми полками. Так, в ночь на 8 февраля на сторону красных перешли 3-й и 6-й полки. Вскоре части Миллера были окончательно разбиты, а их остатки отправились в изгнание.

После эвакуации английских войск из Архангельска Миллер уехал в Финляндию, откуда перебрался в Париж, где сначала состоял при штабе Врангеля, а затем находился в распоряжении великого князя Николая Николаевича. В 1929 году Миллер был назначен заместителем председателя РОВС.

Замещая Кутепова, Миллер не был допущен к боевой работе РОВС, его не информировали об этой стороне секретной деятельности организации. Поэтому, вступив в должность председателя, генерал сразу же отправился с инспекционной поездкой в Югославию, Чехословакию и Болгарию, чтобы на месте разобраться с практической деятельностью РОВС и оживить разведывательную работу. Это обуславливалось и тем, что многие генералы и старшие офицеры РОВС считали Миллера кабинетным работником, не способным к решительной борьбе. Однако Миллер постепенно входил в дела организации, посчитал мелкими булавочными

уколами различного рода «бессистемные покушения, нападения на советские учреждения и поджоги складов» и поставил перед РОВС стратегическую задачу — организацию и подготовку крупных выступлений против СССР всех подчиненных ему сил. Не отрицая важность проведения террористических актов, он обращал особое внимание на подготовку кадров для развертывания партизанской войны в тылу Красной армии в случае войны с СССР. С этой целью он создал в Париже и Белграде курсы по переподготовке офицеров РОВС и обучению военно-диверсионному делу новых членов организации из числа эмигрантской молодежи.

Следует подчеркнуть, что планы генерала Миллера и его сподвижников и практические шаги по реализации этих планов своевременно становились достоянием советской разведки. Благодаря полученным через агентуру данным в 1931–1934 годах удалось обезвредить 17 террористов РОВС, заброшенных на территорию СССР, и вскрыть 11 их явочных пунктов. Большой вклад в эту работу внесли разведчик-нелегал Леонид Линецкий, а также сотрудники парижской и берлинской резидентур ИНО ОГПУ и разведчики-нелегалы Особой группы ОГПУ. Им, в частности, удалось предотвратить готовившиеся РОВС террористические акты против наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова в Европе и его заместителя Л. М. Караха-на — в Иране.

В начале 1930-х годов советская разведка установила технику слухового контроля в штаб-квартире РОВС в Париже, которая с мая 1930 года располагалась на первом этаже дома 29 на улице Колизей. Этот дом принадлежал семье Сергея Николаевича Третьякова, надежного агента парижской резидентуры.

Семья Третьякова занимала второй и третий этажи дома, а его личный кабинет располагался как раз над помещениями первого этажа, арендованными штаб-квартирой РОВС. Это позволило парижской резидентуре установить микрофоны прослушивания (на чекистском сленге именовавшиеся «петьками») в кабинетах руководителя РОВС генерал-лейтенанта Евгения Миллера, начальника 1-го отдела генерал-лейтенанта Павла Шатилова и руководителя канцелярии генерал-лейтенанта Павла Кусонского. Аппаратура приема информации была размещена в кабинете Третьякова.

Таким образом, с января 1934 года заработал технический канал получения информации, что обернулось для Третьякова годами тяжелейшей работы. Почти ежедневно, пока Миллер, Шатилов и Кусонский находились на работе, он, надев наушники, вел записи разговоров, происходивших в их кабинетах.

Находясь большую часть времени дома, Третьяков имел возможность фиксировать всех посетителей штаб-квартиры РОВС, своевременно включать аппаратуру и записывать содержание бесед Миллера со своими помощниками.

В Центр отныне регулярно поступала «Информация наших дней» («ИНД») — так в ИНО ОГПУ окрестили получаемые от Третьякова сведения. Из этой информации, проверяемой и дополняемой другими источниками, разведка смогла воссоздать достаточно точную картину деятельности РОВС, а также более полно контролировать и пресекать его подрывную деятельность против Советского Союза.

В 1934 году парижский резидент сообщал в Центр: «Иванов» исполняет добросовестно необычайно трудную работу, ибо несомненно, что производство «ИНД» — вредное производство: слух, внимание, нервы напряжены 8–9 часов в сутки... Он работает удивительно хорошо и внимательно, не за страх, а за совесть...»

Приведем одну из подобных записей:

«4 сентября 1936 года. 16.30.

В беседе с Миллером Трубецкой (отвечавший в РОВС за всю информационную работу. — В. А.) полностью поддержал позицию Кутепова, направленную на активизацию террористической деятельности РОВС на территории СССР. По мнению Трубецкого, такая боевая работа, которую РОВС проводил в последние годы руководства Кутепова, была своевременна и совершенно необходима...

Соглашаясь с Миллером в том, что в настоящее время в основную задачу активной работы РОВС не входит индивидуальный террор, хотя бы по той простой причине, что средства союза истощились, Трубецкой тем не менее напомнил ему, что за последние четыре года РОВС посылал своих людей в Россию с исключительной целью проведения террористических актов. Он подчеркнул, что генерал Абрамов (начальник 3-го отдела РОВС. — В. А.) и капитан Фосс (помощник Абрамова по террористической работе. — В. А.) неоднократно направляли своих людей в СССР с единственной целью убийства...»

Это лишь одна небольшая выдержка из десятков тысяч страниц сообщений Третьякова, объединенных в несколько объемных томов под кодовым названием «ИНД».

Третьяков работал днем и ночью. Благодаря этому разведка была в курсе почти всех деловых и личных встреч Миллера с другими руководителями организации, их планов по организации работы, замыслов и даже настроений отдельных белоэмигрантских лидеров.

Исключительно важная информация по РОВС поступала в парижскую резидентуру и от ближайшего соратника Миллера генерала Николая Скоблина, сотрудничавшего вместе с женой, известной русской певицей Надеждой Плевицкой, с советской разведкой с 1930 года.

Здесь следует отметить, что вербовку Николая Скоблина и Надежды Плевицкой осуществила Особая группа ОГПУ.

По заданию Центра 2 сентября 1930 года для встречи со Скоблиным в Париж прибыл его однополчанин Петр Ковальский, воевавший вместе с генералом в Добровольческой армии. Ковальский работал на советскую разведку и имел оперативный псевдоним Сильвестров.

Скоблин обрадовался встрече с бывшим однополчанином и познакомил его с Плевицкой. Посетив несколько раз супругов в их доме, Сильвестров убедился в том, что Скоблин полностью находится под влиянием жены, и принял решение привлечь их обоих к сотрудничеству с советской разведкой. В ходе беседы он передал Скоблину письмо от его старшего брата, который проживал в Советской России, и от имени Генерального штаба Красной армии предложил генералу возвратиться на родину, гарантировав ему хорошую должность в штабе.

Однако на первой беседе Скоблин не был готов к такому повороту событий и сказал, что должен посоветоваться с женой. Сильвестров решил действовать через Плевицкую. В беседе с ней он сказал, что ее на родине хорошо знают и помнят как выдающуюся певицу и в случае возвращения хорошо к ней отнесутся. Что же касается ее мужа, то он для России не враг и может вернуться домой в любое время. Если Скоблин согласится служить Советской России, то его безопасность будет гарантирована. Плевицкая с интересом отнеслась к предложению Сильвестрова и обещала повлиять на мужа.

Вскоре Николай Скоблин дал письменное согласие работать на советскую внешнюю разведку. Он написал на имя ЦИК СССР заявление следующего содержания:

«Двенадцать лет нахождения в активной борьбе против Советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав свою крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против Советской власти и ее органов. Буду всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях,

направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

10 сентября 1930 года

Н. Скоблин».

Такую же подписку дала и Надежда Плевицкая. Их заявления были переправлены в Москву и доложены начальнику ИНО ОГПУ Артуру Христиановичу Артузову.

21 января 1931 года в Берлине состоялась очередная встреча Николая Скоблина и Надежды Плевицкой с представителем Центра. Он объявил супругам, что ВЦИК персонально амнистировал их. В свою очередь генерал подчеркнул, что перелом произошел в нем еще шесть лет назад, когда у него наступило полное разочарование в идеалах Белого движения. У него не было только удобного случая перейти на сторону Советов.

После беседы с представителем Центра Скоблин и Плевицкая написали обязательства о сотрудничестве с советской разведкой следующего содержания:

«Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистии и восстановлении в правах гражданства мне объявлено.

Настоящим обязуюсь до особого распоряжения хранить в секрете.

21/1—31. Берлин.

Б. генерал Н. Скоблин

Н. Плевицкая-Скоблина.

ПОДПИСКА

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

21/1—31. Берлин.

Б. генерал Николай Владимирович Скоблин Надежда Васильевна Плевицкая-Скоблина».

В ходе беседы с представителем Центра перед Скоблиным была поставлена задача укреплять связи со всеми знакомыми ему деятелями РОВС и других белых организаций. Надежде Плевицкой поручалось

своими выступлениями на благотворительных вечерах РОВС повышать авторитет свой и своего мужа.

После тщательной проверки Скоблина Центр сделал вывод, что он — «добросовестный и талантливый агент».

В течение семи лет супруги добросовестно и активно работали на советскую разведку. Разумеется, главная роль в этом разведывательном тандеме принадлежала Николаю Скоблину, который вскоре, по оценке ИНО ОГПУ, стал «одним из лучших источников разведки, который довольно четко информировал Центр о взаимоотношениях в руководящей верхушке РОВС, сообщал подробности о поездках ее руководителя Миллера в другие страны».

Генерал Скоблин возглавлял отдел РОВС по связям с периферийными органами и был осведомлен обо всем, что планировалось в кругах русской эмиграции, в том числе о совместных операциях с участием разведок Румынии, Польши, Болгарии и Финляндии.

Что касается роли самой Надежды Плевицкой, то ее гастролы по Европе, в которых певицу неизменно сопровождал Скоблин, позволяли ему инспектировать периферийные организации РОВС и обеспечивать советскую разведку оперативно значимой информацией.

О том, какое значение для советской разведки имел Николай Скоблин, свидетельствует докладная записка, подготовленная в начале 1934 года куратором французского направления ее деятельности С. М. Шпигельглазом на имя начальника Иностранного отдела ОГПУ А. Х. Артузова:

«Завербованные нами «Фермер» и его жена «Фермерша» (оперативные псевдонимы Скоблина и Плевицкой. — В. А.) стали основными источниками информации. Человек материально независимый, отошедший одно время от основного ядра РОВС, «Фермер», будучи завербован, занимает как командир одного из полков заметное положение среди генералитета и, пользуясь уважением и достаточным авторитетом, стал активно влиять как на общую политику РОВС, так и на проведение боевой работы.

Основные результаты работы «Фермера» сводятся к тому, что он: во-первых, ликвидировал боевые дружины, создаваемые Шатиловым (бывший начальник штаба Врангеля генерал П. Н. Шатилов являлся вторым человеком в РОВС. — В. А.) и генералом Фоком (бывший командир артиллерии в Галлиполи генерал-майор А. В. Фок руководил террористической деятельностью РОВС, в частности, возглавлял школу по подготовке террористов. — В. А.) для заброски в СССР;

во-вторых, свел на нет зарождавшуюся у Туркула (бывший командир Дроздовской дивизии, генерал, ставший одним из руководителей РОВС. — В. А.) и Шатилова мысль об организации особого террористического ядра;

в-третьих, выяснил, кто из наших людей открыт французам, и разоблачил агента-provokatora, поданутого нам французами и работавшего у нас 11 месяцев;

в-четвертых, донес о готовящемся Миллером, Драгомировым (генерал от инфантерии, один из руководящих деятелей РОВС. — В, Л.), Харжевским (генерал Харжевский являлся почетным командиром Марковского полка. — В. А.) и Фоком убийстве Троцкого;

в-пятых, выдал организацию по подготовке убийства Литвинова (приезжал в Руайян летом 1933 года. — В. А.);

в-шестых, разоблачил работу РОВС из Румынии против СССР.

Исключительная осведомленность агента помогла нам выяснить не только эти шесть дел, но и получить ответы на целый ряд других, более мелких, но имеющих серьезное оперативное значение вопросов, а также быть совершенно в курсе работы РОВС».

Только за первые четыре года сотрудничества с советской разведкой «Фермеров» на основании информации, полученной от них, ОГПУ арестовало 17 агентов, заброшенных РОВС в СССР, и установило 11 явочных квартир РОВС в Москве, Ленинграде и Закавказье.

В конечном счете Скоблин стал одним из ближайших помощников Миллера по линии разведки и его поверенным в делах центральной организации РОВС. Это обстоятельство было использовано, когда встал вопрос о проведении острой операции по Миллеру после получения данных о том, что он через своего представителя в Берлине генерал-майора Алексея фон Лампе установил тесные контакты с фашистским режимом в Германии. «РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, — заявлял Миллер. — Это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть».

Нейтрализация генерала Миллера

22 сентября 1937 года по приглашению Скоблина Миллер направился с ним на виллу в Сен-Клу под Парижем, где должна была состояться организованная Скоблиным встреча руководителя РОВС с немецкими представителями. На вилле Миллера ожидала оперативная группа чекистов, которая захватила его и через Гавр переправила на теплоходе в СССР.

Акция чекистов завершилась, казалось бы, благополучно. Однако перед тем как пойти на встречу, организованную Скоблиным, генерал Миллер оставил генералу Кусонскому конверт и попросил вскрыть его, если с ним что-нибудь случится. Как только окружению Миллера стало ясно, что он пропал, Кусонский вскрыл конверт, в котором оказалась записка:

«У меня сегодня в 12 час. 30 мин. дня встреча с генералом Скоблиным на углу улицы Жасмен и Раффе. Он должен везти меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в прибалтийских странах, — полковником Штротманом и с господином Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку.

Генерал Е. Миллер.
22 сентября 1937 г.».

Кусонский немедленно предпринял собственное расследование. Опасаясь разоблачения и ареста, Скоблин вынужден был скрыться. Помог ему Сергей Третьяков, укrywший генерала в своей квартире. Принятые полицией меры по его розыску результата не дали. Генерал был нелегально переправлен парижской резидентурой на специально зафрахтованном самолете в Испанию. По имеющимся сведениям, он погиб в Барселоне при бомбежке франкистской авиацией. Плевицкая была арестована как соучастница похищения Миллера и осуждена парижским судом к двадцати годам каторжных работ. 5 октября 1940 года она скончалась в Центральной тюрьме города Ренн.

Сергей Третьяков продолжал сотрудничать с советской разведкой до оккупации гитлеровской Германией Франции. В августе 1942 года

фашистская газета «Локаль-ан-цайгер» и эмигрантская газета «Новое слово» опубликовали сообщение о том, что Третьяков арестован гестапо. В 1944 году его казнили как резидента советской разведки в Париже.

Сегодня в российской прессе можно встретить всякие суждения относительно чекистской операции по нейтрализации Миллера. Кое-кто пытается представить генерала, прославившегося кровавыми злодеяниями на территории России, «невинной жертвой» НКВД.

Упомянувшийся выше Борис Соколов в той же французской газете «Информасьон» раскрыл некоторые подробности бегства генерал-лейтенанта Миллера:

«В середине февраля 1920 года, за несколько дней до своего бегства, генерал Миллер посетил фронт и заявил офицерам, что не оставит их. Он дал слово офицера позаботиться об их семьях. Но это не помешало ему закончить приготовления к бегству. 18 февраля он отдал приказ об эвакуации Архангельска 19 февраля к двум часам дня. Сам он и его штаб в ночь на 19 февраля тайно разместились на яхте «Ярославна» и ледоколе «Козьма Минин». Генерал Миллер захватил с собой всю государственную казну, около 400 000 фунтов стерлингов (на то время —10 миллионов рублей золотом), которые принадлежали Северной области.

Утром 19 февраля население узнало об измене и бегстве генерала Миллера. Много народу собралось возле места якорной стоянки «Козьмы Минина», в том числе солдаты и офицеры, которых Миллер обманул. Началась перестрелка. С кораблей стреляли из орудий. Было много убитых.

Вскоре «Козьма Минин» ушел из Архангельска...»

Вот такой портрет генерала Миллера нарисовал эсер Борис Соколов, далекий от симпатий к большевикам. К этому можно добавить, что по законам Российской империи присвоение казенных денег считалось тягчайшим преступлением.

Похищение Миллера и тайная переправка его в Москву связывались в первую очередь с организацией широкомасштабного судебного процесса над ним. Этот процесс призван был разоблачить связи белогвардейцев с нацистами. Миллер был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке, где содержался как заключенный № 110 под именем Петра Васильевича Иванова до мая 1939 года. Однако к тому времени уже явственно чувствовалось приближение новой мировой войны. К маю 1939 года Германия не только совершила аншлюс Австрии, Судетской области, но и полностью оккупировала Чехословакию, несмотря на гарантии ее безопасности со стороны Англии и Франции. Разведка НКВД располагала информацией о том, что следующей целью Гитлера будет Польша.

11 мая 1939 года нарком внутренних дел Берия подписал распоряжение о расстреле экс-председателя РОВС, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. В 23 часа 05 минут того же дня приговор был приведен в исполнение.

После похищения Миллера руководителем РОВС стал генерал Абрамов, которого через год сменил генерал Шатилов. Никому из них не удалось сохранить РОВС как дееспособную и активную организацию и ее авторитет в белой эмиграции.

Специальные операции советской внешней разведки, связанные с нейтрализацией руководителей Русского общевоинского союза А. П. Кутепова и Е. К. Миллера, в которых активное участие принимали сотрудники Особой группы Серебрянского и он лично, имели огромное военно-политическое значение и позволили дезорганизовать работу РОВС. И хотя окончательно Русский общевоинский союз как военная организация прекратил свое существование с началом Второй мировой войны, спецоперации СГОН и ИНО сорвали его стратегическую задачу по подготовке кадров для развертывания в тылу Красной армии диверсионных действий в случае войны с СССР. Дезорганизовав и разложив РОВС, советская внешняя разведка лишила гитлеровскую Германию и ее союзников возможности активно использовать в войне против СССР около двадцати тысяч членов этой антисоветской белогвардейской организации.

Однако вернемся к герою нашего повествования.

Глава пятая

И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ...

Решение сложнейших задач, стоявших в 1930-е годы перед советской разведкой, потребовало мобилизации всех ее внутренних резервов, укрепления материальной базы и кадров, постоянной корректировки конкретных целей.

Очерки истории российской внешней разведки

Командировки, командировки...

Яков Серебрянский возвратился в Москву 30 марта 1930 года, за удачно проведенную операцию по Кутепову он был награжден орденом Красного Знамени. Советскими орденами были награждены и все остальные русские участники операции. Кстати, Серебрянский был крайне недоволен публикацией в советской прессе указа ЦИКа о его награждении. Он считал, что людям его профессии публичность не нужна.

В Грамоте Революционного военного совета Союза Советских Социалистических Республик, врученной разведчику, указывалось:

«Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик награждает Якова Исааковича Серебрянского за отличие в бою против врагов Социалистического Отечества, за исключительную отвагу в борьбе с контрреволюцией знаком ордена «Красное Знамя» — символом Мировой Социалистической Революции.

В удостоверение изложенного Революционным Военным Советом Союза Советских Социалистических Республик выдается настоящая грамота.

Народный Комиссар по военным и морским делам и Председатель Реввоенсовета СССР ВОРОШИЛОВ К. Е.

№ 7459

30 марта 1930 года

г. Москва».

Сразу после завершения операции по нейтрализации Кутепова Серебрянский в июле 1930 года был вновь направлен нелегально за границу, где приступил к созданию автономной от ИНО агентурной сети для решения диверсионных задач в период возможной войны. Им также была продолжена работа по структурам РОВС, часть из которых функционировала в ряде стран Восточной Европы.

В частности, с территории Румынии активно действовал канал переброски в Советскую Россию террористических групп. Осуществляла свои операции против СССР с позиций Румынии и английская разведка.

В 1931 году Серебрянский был арестован румынской контрразведкой. Однако его вскоре освободили «из-за отсутствия состава преступления», и он продолжил разведывательную деятельность.

В начале 1932 года Серебрянский по документам на имя Эндрю Бороча нелегально выезжал в США. Какие конкретно задачи ему пришлось там решать, естественно, неизвестно. Можно лишь предположить, что он занимался созданием агентурной сети глубокого залегания. Косвенно это подтверждает и Павел Судоплатов, упоминая в своих мемуарах, что при «добывании атомных секретов» был использован агент, завербованный в начале 1930-х годов Серебрянским.

В некоторых источниках отмечается также, что в США Серебрянский занимался созданием агентурной группы из числа китайских и японских эмигрантов, которую можно было бы в дальнейшем использовать в военных и диверсионных операциях против Японии.

Во время пребывания в США Серебрянскому была сделана операция аппендицита. По рассказу его жены Полины Натановны, он попросил, чтобы операцию ему провели под местным наркозом. Однако вопреки договоренности врачи начали делать ему общий наркоз. После операции медсестра рассказала Серебрянскому, что он так сильно сжал зубы при получении наркоза, что во время операции врачи забеспокоились, не проглотит ли он язык. А он, видимо, просто опасался наговорить чего-нибудь лишнего, проснувшись после наркоза.

Несколько позже из Центра Серебрянскому прислали деньги, чтобы он смог восстановиться после операции «в приличном санатории». Как рассказывала Полина Натановна, он поехал в самый дешевый пансионат, считая, что не имеет права тратить на себя государственные средства.

По итогам командировки в США Яков Исаакович был награжден почетным нагрудным знаком «15 лет ВЧК— ГПУ», который вручался сотрудникам органов и войск ОГПУ за выдающиеся заслуги в оперативно-боевой работе. В Статуте нового почетного знака ВЧК — ГПУ, в частности, указывалось: «Почетным знаком ВЧК — ГПУ награждаются лица, совершившие выдающиеся заслуги по руководству и непосредственному участию в оперативно-боевой работе органов и войск ОГПУ в борьбе с контрреволюцией, а также за особо выдающиеся заслуги по обеспечению оперативной готовности органов и войсковых частей ОГПУ.

Почетным знаком ВЧК — ГПУ могут быть награждены и работники органов и начсостава погранохраны и войск ОГПУ, которые имеют почетный знак 5-й годовщины ВЧК-ГПУ.

Одновременно со знаком награжденному выдается особая Грамота за подписью председателя ОГПУ или его заместителя и Статут этого знака».

Следует подчеркнуть, что Полина Натановна Серебрянская постоянно сопровождала своего мужа практически во всех зарубежных

командировках. И не просто сопровождала, а выполняла его конкретные оперативные поручения. Более того, в ее оперативном деле, с которым ознакомился сын Серебрянских Анатолий Яковлевич, указывается, что еще до того, как стать официальным сотрудником Особой группы, Полина Натановна по поручению мужа самостоятельно выезжала во Францию в качестве разведчика-нелегала. 21 марта 1937 года Полине Натановне Серебрянской было присвоено специальное звание лейтенанта государственной безопасности (соответствовало воинскому званию капитана).

В 1933 году Яков Серебрянский был по совместительству назначен заместителем директора Международной Ленинской школы, которую курировал Организационный отдел Исполкома Коминтерна.

Нелегальная разведка того времени зачастую привлекала кадры из среды участников международного коммунистического движения, а также решала отдельные технические вопросы с помощью зарубежных структур Коминтерна. В частности, на территории Австрии до середины 1930-х годов действовал так называемый «центр документирования» под руководством Георга Миллера, который стал первым руководителем соответствующего подразделения нелегальной разведки.

В 1934 году Серебрянский выезжал в Париж для решения текущих оперативных вопросов.

Отметим, что он всегда смело и успешно разрешал сложные ситуации. Об одной из таких ситуаций рассказал сын Серебрянского Анатолий Яковлевич со слов своей матери: «Серебрянским необходимо было вывезти из Парижа важные секретные документы. Факт их пропажи стал известен местным властям, и они организовали тотальную проверку всех выезжавших из города на вокзале и в аэропорту. Полицейские тщательно осматривали вагон и, в частности, купе, в котором ехали супруги. Проверили чемоданы, перетрясли сумки и портфели, но никто из них не обратил внимания на несколько листков бумаги, небрежно брошенных Яковым вместе с газетой на столик купе».

В 1935–1936 годах Серебрянский выполнял специальные задания в Китае и Японии.

Кстати, это была его первая поездка с 1924 года, в которую Серебрянский отправился без Полины Натановны. Их сын Анатолий Яковлевич рассказывал: «Перерыв в совместных служебных поездках родителей за границу был связан с тем, что меня, двухлетнего пацана, сильно покусала наша собака. Я, как мне потом сказали, решил поправить кость, которую она в это время грызла. Мне начали делать уколы, а мама в

результате не смогла сопровождать отца в его поездке в Китай и Японию».

Подчеркнем, что уже к середине 1930-х годов группа Серебрянского имела за рубежом 16 работоспособных нелегальных резидентур с общим количеством 212 агентов. Они действовали главным образом в фашистской Германии, во Франции, в США и на оккупированной японцами территории Северо-Восточного Китая.

Однако Серебрянский продолжал привлекать к работе в Особой группе наиболее талантливых оперативников, уже проявивших себя на нелегальной работе в рамках спецслужб Коминтерна или ИНО ОГПУ. Среди его помощников было немало людей, особо отличившихся при выполнении заданий нашей родины.

В 1930 году оперативным сотрудником Особой группы стал Иван Николаевич Каминский — опытный разведчик, с 1922 года побывавший в пяти заграничных командировках.

В 1931 году Серебрянский привлек к сотрудничеству с Особой группой Вильяма Генриховича Фишера, известного многим как Рудольф Иванович Абель. А знакомство Фишера с Серебрянским состоялось, скорее всего, в 1929 году, когда последний возглавил нелегальное подразделение внешней разведки.

К числу наиболее опытных сотрудников Особой группы следует также отнести «Генри», возглавлявшего одну из нелегальных групп. По плану, разработанному Серебрянским, он сумел изъять архив Троцкого, за что был награжден орденом Красной Звезды (об этой операции мы расскажем чуть позже).

Другая нелегальная группа, руководимая «Антоном», сумела потопить семь германских судов с оружием, предназначенным для генерала Франко в период гражданской войны в Испании.

Сотрудниками Серебрянского были получены весьма ценные данные о новых самолетах, военных кораблях и другом вооружении фашистской Германии.

Специальная группа особого назначения

13 июня 1934 года, то есть через три дня после образования НКВД СССР, «группа Яши» была напрямую подчинена непосредственно наркому внутренних дел и отдельным секретным приказом преобразована в Специальную группу особого назначения (СГОН). В ее задачи входило руководство сетью нелегальной агентуры глубокого оседания, созданной ранее, а также организация новых нелегальных разведточек в различных странах мира.

Как отмечал в одной из своих работ известный историк отечественных спецслужб Олег Капчинский, состав сотрудников СГОН был довольно разнородным. «Здесь служили сын кулака, бывший белоэмигрант Андрей Турыжников и сын раввина, в 1920-е годы — член германской компартии Самуил Перевозников.

Крайне интересна биография помощника, а затем заместителя Серебрянского по СГОН Альберта Сыркина-Бернарди. Сын владельца крупного книгоиздательства в Петрограде, по материнской линии — двоюродный брат писателя Юрия Тынянова, Сыркин до Октябрьской революции успел закончить два курса юридического факультета. Примкнув к большевикам в 1918 году, он сразу же становится секретарем Иностранного отдела Петроградского комиссариата внутренних дел, а спустя три года — заместителем заведующего личным архивом наркома иностранных дел Чичерина. Когда в 1923 году умер его отец, Сыркин получил крупное наследство, которое передал ЦК ВКП(б). В 1924 году по линии Наркоминдела он выехал в Италию, где работал в советском полпредстве заместителем заведующего отделом печати. В июне 1926 года из НКВД его перевели уполномоченным в Иностраный отдел ОГПУ, где он взял итальянскую фамилию «Бернарди». В течение 10 лет Сыркин-Бернарди действовал как нелегал во Франции, в Китае и Италии, где как раз Серебрянский ни разу не был. Поэтому Сыркин как бы «дополнял» своего шефа по важной для нашей разведки стране — Италии.

Жена Сыркина Вера Яковлевна работала секретарем специальной разведывательной школы при СГОН».

Надежным помощником группы Серебрянского был также немецкий антифашист Эрнст Фридрих Вольвебер (оперативный псевдоним «Антон»). До прихода к власти нацистов он являлся председателем Объединенного союза моряков и докеров, депутатом рейхстага и одновременно возглавлял

в германской компартии службу безопасности и разведки. В 1933 году Вольвебер вынужден был перейти на нелегальное положение и эмигрировать в Данию, а спустя год — в СССР.

В Ленинграде Вольвебер возглавил Международный клуб моряков и одновременно прошел дополнительный курс специальной подготовки, после чего был включен в состав Специальной группы особого назначения НКВД, которой руководил Яков Серебрянский.

Опыт и большие связи в Дании (где у Эрнста в Копенгагене имелась «крыша» — небольшая коммерческая фирма) определили выбор Серебрянского: он поручил Вольвеберу работу по Германии с территории Скандинавских стран.

В 1936 году Вольвебер возвратился в Данию и приступил к созданию крупномасштабной нелегальной организации для проведения диверсий и саботажа на море, ставшей в дальнейшем известной как «Лига Вольвебера». Организация занималась сбором разведывательной информации, саботажем против немецких кораблей в районе Балтийского моря, а также заброской в Германию антифашистской литературы и нелегальных групп.

Замечательная советская разведчица и известная писательница Зоя Воскресенская позже в своих воспоминаниях рассказывала: «С «Антоном» я поддерживала связь еще до войны. «Антон» — ветеран германского революционного движения, бывший моряк-подводник, один из руководителей известного Кильского восстания немецких моряков в ноябре 1918 года. С советской разведкой он был связан с начала ее существования. Это был своего рода немецкий Дыбенко^[12], он пользовался большим авторитетом и любовью моряков германского флота. Человек крепко сбитый, суровый на вид, весьма организованный и требовательный. Одно время еще в буржуазно-юнкерской Веймарской Германии, до прихода к власти Гитлера, он был избран членом ЦК германской компартии, и связь нашей разведки с ним была прервана. Коммунистов-руководителей, как правило, мы в разведку не привлекали. Это было запрещено, дабы не нанести компартиям ущерба и не давать повода обвинить Советский Союз в «экспорте коммунизма».

Когда Гитлер пришел к власти, «Антон» вынужден был выехать в Норвегию. Здесь мы и восстановили с ним связь».

Учитывая, что флот Норвегии в те годы занимал третье место в мире после США и Великобритании, Вольвебер рассредоточил своих людей в этой стране по наиболее важным объектам, прежде всего портам Нарвик, Берген и Тронхей. Это обстоятельство сыграло в деятельности боевых

групп «Антон» исключительную роль. Его боевики устанавливали взрывные устройства на немецких судах, доставлявших в Германию из Норвегии стратегические грузы, прежде всего — никель и цинковую руду.

Юрий Колесников по данному поводу писал:

«Через осевших в этих местах доверенных лиц «Антон» поддерживал контакт с рабочими отдельных заводов, небольших фабрик, служащими фирмы, занимавшейся добычей железной руды. Норвегия экспортировала в нацистскую Германию не только руду, но и алюминий, никель, цинк...

Связи «Антон» тянулись и за пределы Норвегии — к крупнейшему в Швеции порту Лулео на побережье Ботнического залива. Сюда поступала руда из железорудного бассейна Кируну.

Филиалы группы «Антон» делали все возможное, чтобы суда с наибольшим тоннажем грузов, предназначенных немцам, спешно готовящимся к войне с советской Россией, не достигали пункта назначения».

Диверсионная сеть Вольвебера просуществовала до середины 1940 года. По оценкам английской военной разведки, в период с 1937 года до начала Второй мировой войны около 900 немецких судов были уничтожены или повреждены в германских и иностранных портах, а также на море.

В частности, 8 мая 1940 года один из помощников Вольвебера, Рихард Кребс, установил взрывное устройство на борту транспортного судна «Марион» в датском порту Бремерхафен. Транспорт осуществлял доставку двух тысяч немецких военнослужащих в район северного порта Нарвик в Норвегии, который удерживался англичанами после вторжения в страну германских войск. Через восемь минут после того как судно вошло в фиорд, произошел мощный взрыв; спастись не удалось никому.

В течение двух лет гестапо не могло выяснить причины гибели пароходов. А когда все-таки германские спецслужбы вышли на минную лабораторию, Вольвеберу и членам его группы удалось скрыться в Норвегии. Несколько позже «Антон» перебрался в Швецию.

В ходе состоявшихся в Испании 16 февраля 1936 года парламентских выборов к власти в стране демократическим путем пришло правительство Народного фронта, представители которого сформировали республиканское правительство левого толка. В него кроме коммунистов вошли анархистская Народная конфедерация труда, социалисты и Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ).

Испанские правые, проигравшие выборы, решили добиваться власти насильственным путем, опираясь на поддержку со стороны германских и

итальянских фашистов.

В ночь на 18 июля 1936 года радио города Сеуты в Испанском Марокко передало условную фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо». Это был сигнал к началу мятежа командного состава испанских колониальных войск в Северной Африке, который возглавил генерал Франсиско Франко. Вскоре мятежникам удалось высадиться на территории Испании. В стране разразилась кровопролитная гражданская война. Германия и Италия сразу начали оказывать Франко существенную материальную и военную помощь, а также стали направлять в Испанию своих военнослужащих.

В сентябре 1936 года Политбюро ЦК ВКП(б) постановило оказать республиканскому правительству всестороннюю поддержку. Было принято решение об отправке в Испанию добровольцев-коммунистов и о направлении туда советских военных советников.

Одновременно на заседании Политбюро по предложению руководства НКВД была утверждена кандидатура ответственного сотрудника внешней разведки Александра Орлова в качестве резидента советских спецслужб в Испании и главного советника по внутренней безопасности и контрразведке при республиканском правительстве.

Основная задача, поставленная перед Орловым руководством НКВД, заключалась в организации партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу франкистов.

Одновременно представители НКВД при испанском правительстве, работавшие под руководством Орлова, принимали активное участие в реорганизации испанской контрразведки. К концу 1937 года советские советники помогли испанскому республиканскому правительству создать Службу периферийной разведки, армейскую контрразведку, закордонную разведку. Испанские спецслужбы под руководством советских разведчиков вели тайную войну против германских, итальянских, французских и британских спецслужб.

Советские чекисты организовали надежную охрану лидеров компартии Испании во главе с Долорес Ибаррури, на которых франкисты готовили покушения. Они также наладили работу испанской республиканской разведки за границей.

С началом гражданской войны в Испании СГОН под руководством Серебрянского, которому 29 ноября 1935 года было присвоено специальное звание старшего майора государственной безопасности, получила задание оказать посильную помощь испанскому республиканскому правительству. В первую очередь это касалось организации нелегальных поставок ему

оружия. События развивались следующим образом.

В реализации данного задания участвовало сразу несколько нелегальных групп СГОН. Одну из них возглавлял лично Яков Серебрянский. У него были обширные связи в прогрессивных кругах Франции. Эта группа действовала в широком диапазоне: добывала информацию контрразведывательного характера, прослушивала телефоны политических и государственных деятелей, готовила испанцев для диверсионной работы.

Один из агентов Серебрянского, носивший оперативный псевдоним «Бернадет», владел небольшой авиационной фирмой. Учитывая это обстоятельство, Центр поручил Серебрянскому приобрести и отправить для республиканской армии боевые самолеты. К тому времени правительство Франции решило запретить продажу оружия республиканской Испании, причем в нарушение испано-французского соглашения от 1935 года о закупке оружия на 40 миллионов франков.

Серебрянский знал, что ряд политических деятелей и партий во Франции выступали против этого запрета, в частности — радикал-социалисты. Предполагалось с помощью этой партии через подставных лиц закупить французские самолеты, но в последний момент партнер отказался от «сделки».

Тогда Серебрянский решил использовать возможности самого «Бернадета» и его фирмы. Агент, представившись полномочным представителем третьей страны, в частности королевства Хиджаз (часть будущей Саудовской Аравии), установил контакты с французскими авиационными фирмами. Так как третьим странам продажа французских самолетов не запрещалась, «Бернадет» закупил якобы для королевства Хиджаз у местных авиастроителей 12 боевых самолетов. Посольству королевства было уплачено 120 процентов комиссионных от суммы сделки, и вскоре самолеты оказались на аэродроме фирмы «Бернадет», который располагался недалеко от испано-французской границы. Из Испании прибыли специально подобранные и подготовленные летчики, подняли самолеты в воздух под предлогом летных испытаний и несколькими группами благополучно перегнали их на аэродром, расположенный рядом с Барселоной.

Разразился неслыханный международный скандал. Президента Франции Блюма и военного министра Пер-нэ обвинили в покровительстве республиканской Испании. А несколько позже, 31 декабря 1936 года, в советской прессе было опубликовано постановление ЦИК Союза ССР «О награждении за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией тов.

Серебрянского Я. И. орденом Ленина».

Сразу же после того как гитлеровская Германия поддержала фашистский мятеж в Испании, упоминавшийся выше агент СГОН Эрнст Вольвебер создал в Германии, Дании, Норвегии, Франции и Швеции специальную сетевую диверсионную группу по срыву поставок вооружения и военной техники для Франко. В группу входили специалисты по изготовлению и установке мин на судах, перевозивших оружие, боеприпасы, военные товары и снаряжение франкистам. В результате почти каждый пятый транспорт, следовавший из рейха на Пиренейский полуостров, выйдя в открытое море, шел ко дну.

В конце 1936 года в Испании при республиканских органах безопасности сотрудниками СГОН была организована школа по подготовке командного состава разведывательно-диверсионных групп.

Позднее были созданы еще три таких закрытых учебных заведения. Отбор испанцев и добровольцев других национальностей для обучения в этих школах проводился весьма тщательно.

По инициативе Серебрянского предполагалось подготовить в этих школах несколько десятков специалистов диверсионного профиля, которых затем планировалось направить на оседание в европейские страны в качестве глубоко законспирированного агентурного резерва на случай войны СССР со странами — членами Антикоминтерновского пакта^[13].

Одним из первых выпускников такой школы был, в частности, боец интернациональной бригады имени Авраама Линкольна американец Моррис Коэн — будущий выдающийся советский разведчик-нелегал, Герой Российской Федерации.

Следует подчеркнуть, что Яков Серебрянский был одним из тех руководителей разведки НКВД, которые уже в конце 1930-х годов начали конкретную подготовку кадров на случай возможной войны.

Так, с учетом испанского опыта, при СГОН, которую возглавлял Серебрянский, в 1937 году была создана специальная школа по подготовке разведчиков-нелегалов диверсионного профиля. В ней готовили специалистов по диверсионным операциям для работы на территории возможного противника. Кроме чисто разведывательных дисциплин (как переходить границу, легализоваться, иностранные языки и т. д.) слушателям читался большой курс по специальной технике.

Руководитель СГОН старший майор госбезопасности Яков Серебрянский одновременно являлся и начальником школы. Многие ее выпускники в дальнейшем стали крупными специалистами по проведению диверсий в тылу противника. Их знания, полученные в разведывательно-

диверсионной школе, где отрабатывались приемы саботажа производства военной продукции, диверсий на стратегических объектах противника, были активно востребованы в годы Великой Отечественной войны. Ученики Серебрянского — слушатели школы СГОН — блестяще проявили себя в тылу фашистских захватчиков на оккупированной ими советской территории.

Ветеран внешней разведки нашей страны полковник Константин Константинович Квашнин рассказывал:

«В 1937 году я с отличием окончил Московский электротехнический институт связи и был зачислен в аспирантуру в группу профессора Исаака Евсеевича Горона. Но... ни доктором, ни профессором или даже кандидатом стать мне так и не пришлось.

В середине 1937 года мне через партком института передали, что меня вызывают в НКВД в дом 2 на Дзержинку (Лубянская площадь в Москве ранее называлась площадью Дзержинского. — В. А.), что было неожиданностью. Я воспринял сообщение с некоторым беспокойством, но и с интересом.

В назначенное время я явился в указанный мне кабинет.

Меня встретил высокий, стройный, почти спортивной выправки человек в военной форме и с двумя ромбами в петлицах. Помнится его крупное, умное, волевое лицо, серьезный взгляд, а особенно «ромбы», означавшие высокий военный ранг.

Он поздоровался со мной и неожиданно спокойно, негромким, почти добрым голосом представился: «Серебрянский». Коротко поговорив со мной о моих делах в институте, самочувствии, жизненных планах, он без особых переходов сказал, что есть решение Партии об укреплении органов безопасности и усилении борьбы с происками империалистов. А затем спросил, готов ли я выполнить такое решение. Для меня, коммуниста, ответ был однозначен: «Конечно, да».

Так состоялось мое знакомство с Яковом Исааковичем Серебрянским, представителем той замечательной плеяды советских разведчиков, о которых говорят, что «это люди — широко известные в узком кругу»...

В школе СГОН и началось приобщение небольшой группы молодых людей и меня к новой профессии.

Для школы был предоставлен особняк бывшего прокурора СССР Ивана Акулова, находившийся тогда недалеко от Самотечной площади, в Троицком переулке, а под общежитие — особняк бывшего секретаря ЦИК СССР Авеля Енукидзе.

Мы изучали языки (4 часа ежедневно в группах по 3–4 человека),

автомобильное вождение, подрывное дело, занимались стрелковой подготовкой и серией специальных дисциплин.

Одновременно с обучением слушателей школы Серебрянский инициировал разработку технологически обоснованных методов разрушения производственных объектов. Для этого он привлек крупных специалистов, руководителей технических служб некоторых наркоматов — химиков, транспортников, машиностроителей, горняков. На основании анализа и изучения аварий и катастроф, происходивших в нашем народном хозяйстве, специалисты выявляли слабые места в технологиях и определяли возможности искусственного создания таких слабых мест. Их выводы служили учебным материалом в нашем обучении. Многие из этих специалистов вели занятия в школе по так называемой «спецдисциплине».

Ознакомительную практику с промышленными объектами мы проходили на машиностроительном и химическом заводах в Макеевке и на шахтах Горловки в Донбассе.

Распорядок дня: с утра для всех специальные и гуманитарные дисциплины — обед — отдых — язык — свободное время до утра. Нас приодели — сшили гражданскую одежду. Кормили завтраком, обедом и ужином по рецептам французской кухни. За нами надзирала и учила нас «хорошему тону» строгая дама-иностранка — жена одного из разведчиков-нелегалов. Не дай бог во время трапезы почесаться или вытереть рот рукой — сразу же получишь замечание или серьезную нотацию. При выезде на загородный полигон нас всегда сопровождало питание в виде пирожков, пирогов и бутербродов.

Нельзя также не вспомнить почти дотошного, но доброго внимания к слушателям самого Якова Исааковича. Один или два раза в неделю, в послеобеденные часы, он приезжал в школу, приглашал в кабинет двух-трех слушателей и беседовал с ними по разным вопросам — изучал, оценивал и воспитывал нас.

Вспоминая сейчас об этой школе, можно предположить: мы — школа — были небольшим звеном в большой государственной работе по укреплению обороноспособности страны, которую выполнял Серебрянский. Небольшим, но важным».

Здесь необходимо подчеркнуть, что Яков Серебрянский явился, по сути дела, основоположником концепции нанесения упреждающих ударов по боевым центрам нелегальных организаций и агентуре западных спецслужб, которые были нацелены на активную работу против Советского Союза в случае начала войны. Он являлся создателем мощных точек сопротивления фашизму и автором идеи саботажа военной

промышленности противника. В дальнейшем его опыт очень пригодился при развертывании массового партизанского движения на советской территории, оккупированной противником.

Знакомство с Судоплатовым

Знакомство Якова Серебрянского с Павлом Судоплатовым состоялось во второй половине 1936 года в кабинете начальника внешней разведки Абрама Ароновича Слуцкого.

Этому предшествовали следующие обстоятельства.

В начале 1935 года после восьмимесячной интенсивной подготовки молодой разведчик-нелегал Иностранного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Павел Судоплатов был выведен за рубеж под прикрытием представителя украинского антисоветского подполья для работы по украинской линии.

Перед ним была поставлена конкретная задача: под видом «племянника» одного из представителей ОУН на Украине, являвшегося в действительности на протяжении многих лет надежным агентом органов государственной безопасности нашей страны, сблизиться с представителями Организации украинских националистов (ОУН) в европейских странах, пройти у них необходимую проверку и в конечном итоге попытаться внедриться в окружение их лидера Евгения Коновальца, находившегося в Берлине.

В Хельсинки, куда Судоплатов прибыл с письмом от своего «дяди», он провел несколько месяцев. Все это время представители Коновальца внимательно изучали молодого националиста, ведя с ним многочисленные беседы. Перед представителем местного отделения ОУН была поставлена конкретная задача: прощупать «племянника» на возможную подставу и сделать вывод о его лояльности.

Затем последовало пребывание в Стокгольме, затянувшееся на несколько недель. Местный представитель ОУН продолжил тщательное изучение Павла. Он детально расспрашивал разведчика о «дяде» и о жизни на Украине. Убедившись, что Павел на самом деле является тем, за кого себя выдает, представитель Коновальца проникся к нему доверием и проинформировал об этом Берлин.

Итак, проверка в Стокгольме завершилась. Поставленная перед нелегалом Судоплатовым задача по внедрению в ряды борцов за «самостийную Украину» была успешно решена. Впереди разведчика ждали Германия и встреча с лидером ОУН Евгением Коновальцем.

В июне 1936 года Судоплатов прибыл из Стокгольма в Берлин и был представлен Коновальцу. Рассказывая о их первой встрече, санкт-

петербургский писатель Виктор Степаков отмечал: «Встреча с лидером ОУН состоялась на конспиративной квартире, расположенной в здании Музея этнографии. Павел внутренне готовил себя к ней, проигрывал различные варианты, но Коновалец спутал все карты. Он встретил Судоплатова с распростертыми объятиями и напыщенными словами.

— Рад, рад приветствовать на дружественной германской земле племянника моего боевого соратника, ведущего борьбу за свободу неньки Украины!

— Хай живе вильна Украина! — с ходу подыграл «племянник».

Коновалец был в восторге».

Разведчику удалось установить с лидером ОУН неплохие личные отношения. В сентябре 1936 года Павла направили на учебу на три месяца в специальную нацистскую партийную школу в Лейпциге. Во время учебы он имел возможность познакомиться с некоторыми представителями руководства ОУН. «В общении со своими коллегами по нацистской партийной школе, — рассказывал позже Судоплатов, — я держался абсолютно уверенно и независимо: ведь я представлял головную часть их подпольной организации на Украине, в то время как они являлись всего лишь эмигрантами, существовавшими на немецкие подачки. Я имел право накладывать вето на их предложения, поскольку выполнял инструкции своего «дяди».

Между тем систематические встречи Павла с Коновальцем продолжались, их беседы раз за разом становились все серьезнее. Судоплатов выяснил планы Коновальца по подготовке административных органов для ряда областей Украины, которые предполагалось «освободить» в ближайшее время с помощью немцев. Также разведчику стало известно, что в распоряжении Коновальца уже имеются две бригады бойцов общей численностью около двух тысяч человек. Удалось узнать о подготовке оуновцами ряда террористических актов в европейских странах и о том, что эта подготовка финансируется разведкой и контрразведкой вермахта.

Со своей стороны Судоплатов пытался убедить Коновальца в том, что террористическая деятельность ОУН на Украине не имеет никаких шансов на успех, так как власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления. Он настаивал на том, что надо держать все силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнется война между Германией и Советским Союзом, и только в этом случае их использовать.

Коновалец с каждым днем относился к Судоплатову все лучше и доверял все больше. Их отношения постепенно перерастали в «дружеские».

Коновалец настолько привязался к Павлу, что даже предложил, чтобы он сопровождал его в инспекционной поездке в Париж и Вену с целью проверки положения дел в украинских эмигрантских кругах, поддерживавших лидера ОУН. Поездку щедро оплачивали немцы. В Париже они находились три недели.

Во время пребывания в Париже Коновалец пригласил Павла посетить вместе с ним могилу Симона Петлюры, который после разгрома его войск частями Красной армии бежал в столицу Франции, где в 1926 году был убит. Позже Судоплатов рассказывал: «Коновалец боготворил этого человека, называя его «нашим знаменем и самым любимым вождем». Он говорил, что память о Петлюре должна быть сохранена. Мне было приятно, что Коновалец берет меня с собой, но одна мысль не давала покоя: на могилу во время посещения положено класть цветы. Между тем мой кошелек был пуст, а напоминать о таких мелочах Коновальцу я не считал для себя возможным. Это было бы просто бестактно по отношению к человеку, занимавшему столь высокое положение, хотя, по существу, заботиться о цветах в данном случае надлежало ему, а не мне. Что делать? Всю дорогу до парижского кладбища Монпарнас меня продолжала терзать эта мысль.

Мы прошли через все кладбище и остановились перед скромным надгробием на могиле Петлюры. Коновалец перекрестился, я последовал его примеру. Некоторое время мы стояли молча, затем я вытащил из кармана носовой платок и завернул в него горсть земли с могилы.

— Что ты делаешь?! — воскликнул Коновалец.

— Эту землю с могилы Петлюры я отвезу на Украину, — ответил я, — мы в его память посадим дерево и будем за ним ухаживать.

Коновалец был в восторге. Он обнял меня, поцеловал и горячо похвалил за прекрасную идею. В результате наша дружба и его доверие ко мне еще более укрепились».

Это событие стало переломным моментом в отношениях Коновальца с Судоплатовым. Именно после посещения могилы Петлюры лидер украинских националистов окончательно решил, что после возвращения на родину Судоплатов станет там его представителем.

В период пребывания в Вене Судоплатов встретился с курьером из Центра. Он подробно проинформировал представителя Центра о деятельности Коновальца и получил указания относительно своей дальнейшей работы.

Возвратившись из Вены в Берлин, Судоплатов принимал участие в переговорах о возможном развертывании сил подполья на Украине в случае

начала войны.

Тем временем «дядя» Судоплатов прислал через Финляндию распоряжение о скорейшем возвращении Павла на Украину, поскольку якобы «появилась возможность» оформить «племянника» радистом на советское судно, регулярно заходившее в иностранные порты. По мнению «дяди», это давало бы Павлу возможность поддерживать постоянную связь между подпольем ОУН на Украине и националистическими организациями за рубежом. Коновальцу такая идея очень понравилась, и он согласился с возвращением Павла в Советский Союз.

Выполнив первую часть задания, Судоплатов вернулся на родину. Вторая часть задания, поставленная перед разведчиком несколько позже лично Иосифом Сталиным и касавшаяся ликвидации лидера ОУН полковника Евгения Коновальца, была реализована Судоплатовым в Роттердаме 23 мая 1938 года.

Между тем успешное завершение первой части командировки в Западную Европу изменило положение Судоплатова в разведке. Он получил повышение по службе.

Через некоторое время после возвращения в Москву в кабинете начальника внешней разведки Абрама Слуцкого Судоплатов предстал с отчетом перед комиссией ЦК ВКП (б), состоявшей из двух ответственных партийных работников высокого ранга и сотрудника секретариата И. В. Сталина Васильева. В работе комиссии принимал участие и начальник СГОН старший майор госбезопасности Яков Серебрянский. Это была первая встреча Серебрянского с Судоплатовым, положившая начало их дальнейшей дружбе и взаимодействию.

Судоплатов подробно доложил комиссии о деталях своей деятельности в командировке.

Выслушав доклад Судоплатова, комиссия утвердила его, признала работу, проведенную разведчиком за рубежом, удовлетворительной и выразила ему благодарность.

О результатах работы Судоплатова за границей было подробно доложено И. В. Сталину, секретарю ЦК компартии Украины С. В. Косиору и председателю ЦИК УССР Г. И. Петровскому.

В 1937 году Судоплатов был награжден орденом Красного Знамени, который вручил ему глава государства М. И. Калинин.

Троцкисты

В марте 1936 года началась целенаправленная работа специальных структур НКВД против троцкистского движения, которое стало идеологическим противником коммунизма на международной арене, а также пытались изменить внутривнутриполитическую ситуацию в СССР в свою пользу.

Видный российский историк отечественных спецслужб Лев Воробьев по данному поводу, в частности, писал:

«Деятельность Троцкого и его сторонников не ограничивалась только критикой, подчас обоснованной, событий в нашей стране. Эта критика, направленная, казалось бы, лично против Сталина, являлась, по существу, тотальным поношением всего советского. Во многом благодаря троцкистам за рубежом получило развитие явление, ставшее известным как антисоветизм, который долгие годы наносил ущерб проводившейся тогда внутренней и внешней политике СССР, а также международному рабочему и коммунистическому движению».

Необходимое пояснение

После смерти Ленина в январе 1924 года основным противником Сталина в его борьбе за власть оказался Троцкий. Он являлся ближайшим сподвижником Ленина и пользовался в партии большим авторитетом и популярностью. Достаточно напомнить, что Троцкий с 1918 по 1924 год занимал пост народного комиссара по военным и военно-морским делам. С сентября 1918-го по декабрь 1924 года он одновременно возглавлял Революционный военный совет Республики, то есть фактически руководил Красной армией. До конца октября 1926 года входил в состав Политбюро ЦК ВКП(б).

Используя свое положение генерального секретаря партии, Сталин сумел свести влияние Троцкого к минимуму. В январе 1925 года пленум ЦК ВКП(б) освободил Троцкого от должности председателя Реввоенсовета Республики. А уже 23 октября 1926 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) его вывели из состава Политбюро.

Сторонники Троцкого в начале лета 1926 года создали в Москве конспиративный центр «объединенной оппозиции». Его возглавили сам Лев Троцкий и Григорий Зиновьев. Центр имел своих людей в ЦК ВКП(б), ОГПУ и среди представителей высшего военного руководства. Подобные центры были также организованы в Ленинграде, Киеве, Харькове,

Свердловске и других городах. Деятельность «объединенной оппозиции» вызывала серьезную озабоченность у сторонников Сталина, так как троцкисты все больше скатывались на антисоветские позиции.

Окончательную победу над Троцким Сталин одержал в 1927 году. В октябре его вывели из состава ЦК ВКП(б). А 14 ноября за организацию демонстрации оппозиции в 10-ю годовщину Октябрьской революции Троцкий был исключен из партии. На XV съезде ВКП(б), который состоялся в декабре 1927 года, троцкизм был поставлен вне закона.

Троцкий отказался признать свое поражение и в январе 1928 года был сослан в Казахстан, в город Алма-Ату. Однако и в Казахстане он не прекращал активной оппозиции Сталину. 16 декабря 1928 года Троцкому было передано требование коллегии ОГПУ «категорического обязательства прекращения контрреволюционной деятельности». В послании указывалось, что в противном случае он будет выслан за границу.

Следует отметить, что еще в 1922 году ВЦИК наделил ГПУ правом высылки из страны лиц, занимающихся антисоветской деятельностью, и Троцкий, кстати, активно поддержал это решение. Но на сей раз он официально заявил, что не будет подчиняться ультиматуму ОГПУ. Через месяц Политбюро ЦК ВКП(б) большинством голосов приняло решение о высылке Троцкого за границу, а 18 января 1929 года Особое совещание при коллегии ОГПУ постановило:

«За контрреволюционную деятельность, выразившуюся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти, гражданина Троцкого Льва Давидовича выслать из пределов СССР».

10 февраля 1929 года Троцкий, его гражданская жена Наталья Ивановна Седова и их старший сын Лев Седов, полностью разделявший политические взгляды отца, отбыли на пароходе «Ильич» в Турцию — единственную страну, согласившуюся временно их принять.

Однако высылка Троцкого за границу не ослабила его влияния среди членов оппозиции и его сподвижников в СССР, деятельность которых носила целенаправленный антигосударственный характер. Одновременно начали появляться и активно действовать троцкистские группы в ряде зарубежных компартий (США, Германии, Греции и Испании). Только наметившийся разгром троцкистов в рядах ВКП(б) явился стимулятором для изгнания их из других компартий. Так, 9-й пленум Исполкома Коминтерна указал, что принадлежность к троцкизму несовместима с принадлежностью к Коминтерну. Это решение было закреплено VI

конгрессом Коминтерна.

В СССР Сталин и его сторонники в руководстве страны продолжали непримиримую борьбу с Троцким. 20 февраля 1932 года Троцкий и его сын Лев Седов были лишены советского гражданства. Турция решила избавиться от нежелательных изгнанников. Летом 1933 года Троцкий с семьей переезжает во Францию, под Париж, а осенью того же года — в курортный городок Руайян, расположенный в устье реки Дордонь, впадающей в Бискайский залив. Лев Седов в 1935 году окончательно обосновался в Париже.

Однако французский период Троцкого длился недолго. Уже летом 1935 года он отправляется в Норвегию. Норвежское правительство предоставило Троцкому вид на жительство при условии, что он не будет заниматься политической деятельностью. Но Троцкий проигнорировал это требование. 19 декабря 1936 года он был посажен на торговое судно «Рут», взявшее курс на Мексику.

9 января 1937 года Троцкий вместе с женой и внуком прибыл в мексиканский порт Тампико. Оттуда на специальном поезде путешественников доставили в Мехико. Некоторое время они жили на вилле симпатизировавшего троцкистам известного мексиканского живописца Диего Риверы. Но вскоре Троцкий арендовал, а затем и купил большой дом в предместье мексиканской столицы Койоакане.

В Мексике Троцкий стал поддерживать тесный контакт с сотрудниками американского консульства и передавать им конфиденциальную информацию на известных ему деятелей коммунистического движения и представителей Коминтерна.

Следует подчеркнуть, что, находясь за границей, Троцкий открыто излагал свои антисоветские взгляды: так, он резко выступил против первого пятилетнего плана, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. В 1930-е годы Троцкий предрекал «неизбежное поражение» СССР в войне с фашистской Германией.

Активная деятельность Троцкого все больше раздражала Сталина. В конце концов он пришел к выводу, что только смерть «трибуна революции» может положить конец его антисоветской деятельности.

Позже в своих воспоминаниях генерал Судоплатов подчеркивал: «Мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы не совместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и для Гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании

Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение».

В этой связи отметим, что в решении пленума ЦК ВКП (б), состоявшегося в феврале — марте 1937 года и обсуждавшего деятельность Троцкого и его последователей, указывалось:

«Обязать Наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем, чтобы подавить малейшее проявление их антисоветской деятельности.

Укрепить кадры ГУГБ, Секретно-политического отдела надежными людьми.

Добиться организации надежной агентуры в стране и за рубежом. Укрепить кадры разведки».

В НКВД приняли к исполнению указания партии.

Как уже отмечалось, активизация работы советской внешней разведки по троцкистским организациям за границей началась только с марта 1936 года. Ветераны Службы внешней разведки рассказывали в свое время, что этому способствовал звонок из секретариата Политбюро с просьбой сообщить, «где сейчас находится Троцкий». Ответить на этот вопрос во внешней разведке никто не смог, так как никаких сведений о нем в Центре не было. А между тем Троцким и его единомышленниками были созданы достаточно разветвленные структуры в целом ряде стран, велась активная подготовка к созыву троцкистского IV Интернационала.

Основной центр деятельности троцкистских организаций, во главе которого стоял Лев Седов, в этот период располагался в Париже. В «столице мира» была сосредоточена вся практическая работа троцкистов. Помимо Седова там проживали наиболее доверенные люди Троцкого. Сам он, находясь в Мексике, направлял работу центра и занимался разработкой теоретических вопросов, связанных с идеей «перманентной революции» и распространением троцкизма.

Троцкистская деятельность была нацелена прежде всего на Советский Союз и подчас принимала опасный характер. Нередко антисоветизм троцкистов оборачивался преступными акциями в других странах. В частности, это наглядно проявилось в республиканской Испании в то время, когда многие антифашистски настроенные люди, в том числе из Советского Союза, сражались против будущего диктатора генерала Франко, поддержанного Германией и Италией. И неудивительно, что на международном уровне первый удар был нанесен по испанским троцкистам — активистам Рабочей партии марксистского единства.

Сегодня хорошо известно, что если в период гражданской войны в

Испании в стане правых было полное единство, то лагерь республиканцев раздирали межпартийные противоречия. И закоперщиком в этом выступали троцкисты — активисты ПОУМ и их лидер Андреас Нин. В начале 1920-х годов он находился в России и являлся ближайшим соратником Троцкого. Будучи председателем Красного Профинтерна и членом Исполкома Коминтерна, Нин неоднократно выезжал на нелегальную работу в Германию и Италию, а после высылки Троцкого возвратился в Испанию и занял пост министра юстиции в автономном правительстве Каталонии.

В 1930 году Нин возглавил местных троцкистов, в 1935-м основал ПОУМ, которая вошла в Народный фронт. Когда началась гражданская война с франкистами, Нин не раз приглашал Троцкого приехать в Испанию, чтобы «возглавить революцию».

С самого начала гражданской войны Нин и другие лидеры партии отвергли линию Коминтерна на укрепление Народного фронта и взяли курс на осуществление социалистической революции, формирование рабоче-крестьянского правительства, установление диктатуры пролетариата и создание Советов. Когда правительство Народного фронта отвергло эту авантюристическую позицию, ПОУМ развернула с ним открытую борьбу. Разумеется, такая политическая линия могла привести лишь к поражению республиканцев.

3 мая 1937 года в Каталонии произошло вооруженное выступление сторонников ПОУМ и анархистов. Троцкистские газеты в Барселоне 5 мая призвали население к вооруженному восстанию против республиканского правительства Народного фронта. Ожесточенные бои продолжались три дня. Троцкисты призывали каталонских рабочих покончить с марксистами и мирно соединиться с войсками Франко.

Вооруженный мятеж троцкистов был подавлен лишь тогда, когда в Барселону были введены части республиканской штурмовой гвардии из Валенсии и других регионов страны. В результате провокационной вылазки троцкистов было сорвано тщательно подготовленное наступление республиканских войск на Северном фронте.

Историки отечественных спецслужб А. Колпакиди и Д. Прохоров по этому поводу пишут:

«Прямым результатом вооруженного мятежа была гибель только в одной Барселоне 350 человек при 2600 раненых. Одновременно волнения произошли и на фронте в поумовских и анархистских частях. Но гораздо более тяжелыми были военно-политические последствия этой акции: срыв уже подготовленного наступления на Северном фронте и потеря республиканцами Басконии, подрыв международного авторитета

республики, кризис Народного фронта».

А историк Н. А. Васецкий в своей работе «Троцкий, опыт политической биографии» по поводу мятежа в Барселоне отмечает:

«Более бессмысленной акции, чем это восстание, трудно представить. В разгар гражданской войны, многочисленных жертв на фронтах, лишений в тылу анархо-троцкисты подняли путч. Правительство вынуждено было снять дивизию с фронта на подавление восстания. Бои шли в течение трех (!) суток с применением танков, артиллерии, минометов. С двух сторон погибло больше тысячи человек. Стоит ли удивляться, что после барселонского мятежа к троцкистам и анархистам стали относиться так же, как к фашистам».

О том, что ПОУМ готовит мятеж против законного правительства Испании, советская разведка узнала еще в декабре 1936 года от своих источников, внедренных в эту партию. А в начале 1937 года подтверждение этой информации пришло от источника берлинской резидентуры НКВД «Старшины» (Харо Шульце-Бойзен), который сообщил, что агенты гестапо проникли в троцкистские круги в Барселоне с целью организовать в ближайшее время путч. В 1942 году, когда «Старшина» и другие члены подпольной антифашистской организации, окрещенной нацистами «Красной капеллой», были арестованы, передача «Старшиной» этой информации советской разведке фигурировала на суде в качестве доказательства его «подрывной работы» против Третьего рейха.

По другим достоверным данным советской разведки, полученным берлинской резидентурой от надежного агента «Брайтенбаха», занимавшего высокий пост в гестапо, эта спецслужба фашистской Германии, имевшая свою агентуру в руководстве ПОУМ, была непосредственно причастна к проведению операции по организации мятежа в Барселоне.

В первой половине июня 1937 года республиканские органы безопасности нанесли окончательный удар по Рабочей партии марксистского единства. Около сорока руководителей ПОУМ были арестованы, вооруженные отряды партии распущены, а штаб-квартира в барселонском отеле «Фалькон» перешла в распоряжение республиканской армии.

После провала путча Андреас Нин был также арестован и помещен в тюрьму. В аресте Нина и последующих событиях, связанных с ним, принимали участие сотрудники резидентуры НКВД. Эта операция, разработанная и осуществленная под руководством резидента Александра Орлова, проходила в переписке НКВД под кодовым названием «Николай».

Ее целью было дискредитировать связи ПОУМ с франкистами и нацистами и нейтрализовать Андреаса Нина. ПОУМ была объявлена вне закона, Нин был вывезен из тюрьмы и расстрелян на шоссе около населенного пункта Алькала-де-Аренас.

События в Испании наглядно продемонстрировали серьезную опасность, исходившую от троцкистов. Советское руководство дало указание внешней разведке приступить к разработке троцкистских организаций и подрыву их влияния в странах, где они имели наиболее сильные позиции. В частности, большое беспокойство вызывал находившийся в Париже Международный секретариат троцкистов, вынашивавший планы по созданию IV Интернационала. Руководивший секретариатом Лев Седов начал издавать «Бюллетень оппозиции», в котором активно печатался его отец. Одновременно он установил надежную связь со сторонниками отца в СССР.

В свою очередь руководство НКВД поставило перед СГОН в качестве основной задачу по получению информации о деятельности этого Международного секретариата.

Работа по Седову, а также по возглавляемому им Международному секретариату была поручена специальной оперативной группе, созданной в СГОН во главе с кадровым разведчиком, активно работавшим в середине 1930-х годов за границей с нелегальных позиций, болгаринном Борисом Манойловичем Афанасьевым. Ранее он руководил нелегальной группой, освещавшей деятельность белогвардейских эмигрантских центров.

Перед группой Афанасьева была поставлена задача проникнуть в руководящие органы троцкистской организации и получить данные о ее деятельности и планах, касающихся СССР. Группе поручались подготовка и осуществление мероприятий по дезорганизации деятельности троцкистов.

В составе группы Афанасьева был иностранец, который ранее имел связи в кругах, близких к Седову, и в Международном секретариате IV Интернационала. На этого человека и решил сделать ставку разведчик. Он поручил агенту возобновить старые связи и включиться в активную работу троцкистского центра.

Яков Серебрянский участвовал в разработке операции как руководитель СГОН.

Остановимся на некоторых фактах биографии Бориса Афанасьева, которая была характерной для многих чекистов-интернационалистов того времени.

Борис Манойлович Афанасьев (Атанасов) родился 15 июля 1902 года в

болгарском городе Лом в многодетной семье писаря. После смерти отца семья испытывала острую нужду, и с четырнадцати лет Борис трудился чернорабочим на кирпичном заводе, а также на виноградных плантациях. Одновременно учился. Окончил среднюю педагогическую школу. В 1918 году вступил в Рабочий молодежный союз — болгарский комсомол, а в феврале 1922 года — в Болгарскую коммунистическую партию. Вел активную комсомольскую и военно-партийную работу в родном городе, был арестован по обвинению в организации покушения на министра просвещения. В сентябре 1922 года по решению партии он нелегально эмигрировал в СССР.

Проживал в Москве под фамилией Афанасьев, успешно окончил факультет общественных наук Академии коммунистического воспитания и аспирантуру Коммунистического университета им. Свердлова. Затем до 1932 года находился на партийной и преподавательской работе.

В марте 1932 года Афанасьев стал сотрудником Иностранного отдела ОГПУ. В том же году был направлен на нелегальную работу в Вену. В марте 1936 года Афанасьев выехал во Францию в качестве руководителя нелегальной группы.

Одному из агентов Афанасьева удалось войти в доверие к Седову и даже получать от него интересующую руководство нашей страны информацию.

Однако самым важным представителем советской внешней разведки в ближайшем окружении Льва Седова был Марк Зборовский (оперативные псевдонимы «Мак», «Тюльпан»), летом 1934 года привлеченный к сотрудничеству с ней резидентом ИНО ОГПУ в Париже Станиславом Глинским. Зборовским Афанасьев руководил весь период своей командировки.

Зборовскому удалось внедриться в Международный секретариат IV Интернационала, занять место одного из руководителей его русской секции, стать своего рода личным секретарем Льва Седова, с которым он встречался практически ежедневно, и даже подружиться с его женой Жанной Молинье. У троцкистов пользовался партийным псевдонимом «Этьен».

Поскольку агент ОГПУ имел непосредственное отношение к выпуску «Бюллетеня оппозиции», советская разведка через него заблаговременно получала номера этого издания, которые Сталин читал иногда даже раньше самого Троцкого.

Зборовский также выяснил вопросы, касающиеся архивов Троцкого. Они подразделялись на две части: личные, где сосредоточивались письма,

статьи и другие материалы, связанные с официальной деятельностью Троцкого, и оперативные, где хранились документы, касающиеся нелегальных форм его текущей работы. Наибольший интерес для разведки представляли оперативные архивы. Часть архивов Троцкий сдал на хранение в иностранные университеты и библиотеки, а остальные, большей частью оперативные, хранились в штаб-квартире Седова в Париже.

В августе 1936 года, когда уехавший на время из Парижа Лев Седов поручил ведение всех дел Зборовскому, разведка получила через агента списки адресов приверженцев Троцкого как в СССР, так и в европейских странах.

Оперативная группа Афанасьева также выяснила, что Троцкий передал часть архива Международного секретариата в Институт исторических исследований в Париже. Узнав об этом из информации разведки, Сталин распорядился вывезти архив в Москву.

В ночь на 7 ноября 1936 года группа разведчиков-нелегалов под руководством Афанасьева с помощью одного из агентов, имевшего прочные связи в управлении парижской полиции, успешно выполнила задание Сталина. Вскоре на Лубянку через полпредство дипломатической почтой был направлен так называемый архив Троцкого: огромное количество его рукописей, статей и писем общим весом около 80 килограммов.

До начала 1938 года Афанасьев со своей группой провел ряд операций, в результате которых были также изъяты старый и новый текущие архивы Седова, архив Международного секретариата, который занимался подготовкой учредительного съезда 4-го Интернационала^[14].

Как указывается в «Очерках истории российской внешней разведки», «в документах была обнаружена переписка о состоянии работы троцкистов в Советском Союзе и Западной Европе, ряд зашифрованных писем Седова к Троцкому о встречах и беседах с представителями троцкистских групп, приезжавшими из СССР, в том числе письма, написанные тайнописью. Среди полученных документов находились списки и адреса лиц в СССР, сотрудничавших или намечавшихся для привлечения к сотрудничеству с аппаратом Троцкого, инструкции ряду функционеров в других странах, планы мероприятий, записи бесед и др. В архиве Международного секретариата находился список адресов для нелегальной переписки с троцкистским активом во всех странах, с которыми он вел работу».

На основании полученных материалов была создана картотека, отражающая актив международного троцкизма.

В марте 1938 года, уже после смерти Льва Седова, о чем речь пойдет ниже, группе Афанасьева удалось получить информацию о местонахождении нового текущего архива Международного секретариата троцкистов. Оказалось, что этот архив хранился в Париже на квартире меньшевика Николаевского.

С помощью многоступенчатой и хитроумной комбинации, в которой принимал активное участие агент специальной группы Серебрянского «Генри», работавший в полиции, архив был тайно изъят из квартиры Николаевского и переправлен в Москву. В тайном изъятии архивов Троцкого Серебрянский принимал личное участие. Агент «Генри» за эту операцию был награжден орденом Красной Звезды.

Утрата архивов нанесла серьезный удар троцкистскому движению. Некоторые материалы были опубликованы в советской и зарубежной прессе. Все это сыграло большую роль в компрометации троцкизма, подрыве авторитета его руководителей, отходе от него значительной части сторонников.

В 1938 году Борис Манойлович Афанасьев вернулся в Москву и продолжил работу в центральном аппарате. Службу в разведке он закончил в 1953 году в звании полковника.

Операция «Сынок»

Одним из объектов разработки группы Серебрянского во второй половине 1930-х годов был сын Троцкого Лев Седов, проходивший в материалах ОГПУ — НКВД под псевдонимом «Сынок».

Лев Седов родился 24 февраля 1906 года в Санкт-Петербурге. Являлся старшим сыном Льва Троцкого в гражданском браке с Натальей Седовой. Носил фамилию матери.

После революции воспитывался вне отцовского дома. Поступив в институт, жил в студенческом общежитии, не желая ничем выделяться среди своих ровесников и друзей и пользоваться какими-либо преимуществами, которые могло дать ему громкое в те годы имя отца.

Член РКСМ с 1919 года. Учился в МВТУ. С середины 1920-х годов принадлежал к левой оппозиции, за что в 1928 году был исключен из комсомола.

Серьезно увлекшись троцкизмом, он отправился за отцом в Алма-Ату, а затем вместе с ним покинул пределы Советского Союза.

В конце 1930-х годов интерес к Седову со стороны советской разведки резко возрос. Дело в том, что он в 1937 году по указанию отца приступил к работе по подготовке I съезда 4-го Интернационала, который должен был состояться летом 1938 года в Париже. В связи с этим Центр принял решение о похищении Седова.

Проведение операции было поручено руководителю Специальной группы особого назначения Якову Серебрянскому. В ее подготовке участвовали семь сотрудников СГОН, а также ряд агентов и доверенных лиц, никак не связанных с парижской «легальной» резидентурой. Активная роль в этой операции отводилась самому Серебрянскому и его жене Полине Натановне. Вскоре группа во главе с Серебрянским была направлена в Париж со специальным заданием. Позже Серебрянский писал: «В 1937 году я получил задание доставить «Сынка» в Москву... Речь шла о бесследном исчезновении «Сынка» без шума и доставки его живым в Москву».

Как же планировалось провести операцию? В открытых документах внешней разведки об этом говорится следующее:

«План похищения Седова был детально разработан и предусматривал его захват на одной из парижских улиц. Предварительно путем наблюдения были установлены время и обычные маршруты передвижения Седова в

городе. На месте проводились репетиции захвата. Предусматривалось два варианта его доставки в Москву.

Первый — морем. В середине 1937 года было приобретено небольшое рыболовецкое судно, приписанное к одному из северных портов страны. На окраине города-порта сняли домик — место временного укрытия, куда поселили супружескую пару сотрудников специальной группы Серебрянского.

Подобрали экипаж. Только до капитана довели легенду, что, возможно, придется совершить переход в Ленинград с группой товарищей и взять там снаряжение для республиканской Испании.

Капитан изучил маршрут, имел достаточный запас угля, воды, продовольствия. В ожидании команды экипаж судна совершал регулярные выходы в море за рыбой.

Второй вариант — по воздуху. Группа располагала собственным самолетом с базой на одном из аэродромов под Парижем. Летчик — надежный агент. В авиационных кругах распространили легенду: готовится спортивный перелет по маршруту Париж — Токио. Пилот начал тренировки, доведя беспосадочное время пребывания в воздухе до двенадцати часов. Расчеты специалистов показывали, что в зависимости от направления и силы ветра самолет мог бы без посадки долететь из Парижа до Киева за 7–8 часов».

Подготовка операции шла полным ходом. Однако судьба распорядилась по-иному.

Поскольку Зборовскому так и не удалось завлечь Седова и его жену в такое место, откуда их можно было легко похитить, приказа на реализацию этой операции не поступило.

8 февраля 1938 года у Седова случился приступ аппендицита. Он был помещен в небольшую частную парижскую клинику русских врачей-эмигрантов и в тот же вечер успешно прооперирован. Однако через несколько дней его состояние резко ухудшилось. Была сделана повторная операция, но 16 февраля 1938 года в возрасте тридцати двух лет Лев Львович Седов скончался.

С этого дня в течение многих лет, вплоть до самого последнего времени, в публикациях на эту тему на Западе да и в так называемой «демократической» прессе у нас в стране непременно отмечается: Седов скончался «при весьма странных (подозрительных, невыясненных, загадочных и т. п.) обстоятельствах», а иные авторы упорно продолжают утверждать, что его смерть была подстроена «агентами НКВД».

В третьем томе «Очерков истории российской внешней разведки»,

являющихся, как уже подчеркивалось, официальным изданием Службы внешней разведки Российской Федерации, по поводу смерти Седова говорится:

«Многие историки и публицисты высказывали предположения, что в смерти Льва Седова повинна «рука Москвы». Мы посчитали необходимым обратиться к архивам, чтобы проверить, насколько обоснованна эта версия.

Резидентура НКВД, несомненно, проявляла интерес лично к Седову и его сподвижникам. Помимо разведчика-нелегала Б. М. Афанасьева «разработкой» окружения Седова занимался «Тюльпан». Он стал ближайшим помощником сына Троцкого. В 1936–1937 годах была установлена техника прослушивания телефонов на квартирах Седова и его доверенного лица и любовницы Лилии Эстриной. Через завербованных почтовых служащих просматривалась текущая корреспонденция Седова и его окружения.

Разумеется, сам Седов был в центре внимания разведки. Его довольно беспорядочный образ жизни способствовал бы сравнительно легкому осуществлению покушения на него, если бы такая цель была поставлена. Он не прочь был «широко гульнуть», рискнуть в игре в рулетку, выезжая иногда в Монте-Карло. Сохранился живописный рассказ «Тюльпана» о том, как они однажды в 1937 году после вечеринки до глубокой ночи бродили по различным питейным заведениям, а затем Седов направился в... публичный дом.

Уже к концу 1937 года Седов часто чувствовал недомогание: побаливало сердце, мучила бессонница. На несколько приступов аппендицита он, видимо, не обратил внимания, и медицинская помощь опоздала. Смерть наступила после двух операций, проведенных одна за другой. По заключению врачей, причиной ее стали послеоперационные осложнения и низкая сопротивляемость организма.

Один авторитетный врач, друг семейства Троцких, изучив медицинскую документацию, согласился с выводами коллег из парижской клиники. Однако жена Седова стала решительно возражать, утверждая, что эта смерть — «дело рук агентов ГПУ». Она потребовала полицейского расследования, которое тем не менее доказательств преднамеренного убийства не нашло.

Как видно из архивных документов, советская разведка действительно не имела отношения к смерти Седова».

Нетрудно представить себе, что ожидало бы Седова в случае реализации намеченного плана его похищения.

С 23 по 30 января 1937 года в Москве проходил показательный

судебный процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра», более известный как «процесс 17-ти» — показательный суд над группой бывших руководителей партии, в прошлом активных участников оппозиции.

Дело слушалось в Военной коллегии Верховного суда СССР. Основными обвиняемыми являлись бывшие троцкисты Георгий Пятаков, Карл Радек, Леонид Серебряков и Григорий Сокольников, а также еще 13 человек.

30 января 1937 года все 17 подсудимых были признаны виновными в том, что являлись активными участниками антисоветского подпольного троцкистского центра.

К смертной казни были приговорены 13 человек, в том числе Пятаков и Серебряков, которые 1 февраля 1937 года были расстреляны. Четверо других получили 10 лет тюремного заключения.

В приговоре также было особо указано, что «Л. Д. Троцкий и его сын Л. Л. Седов в случае их обнаружения на территории СССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда СССР».

Однако, как мы видим, судьба распорядилась иначе. Ряд обстоятельств помешал осуществить намеченную операцию «Сынок». Сыграло свою роль и быстрое ухудшение здоровья Седова. А смерть во французской клинике поставила окончательную точку в его судьбе.

Таким образом, планам похищения Седова не суждено было состояться.

Изучая в архивах материалы, связанные с операцией «Сынок», историки внешней разведки обнаружили интересные документы, касающиеся деятельности РОВС. В частности, в «Очерках истории российской внешней разведки» приводятся архивные материалы, свидетельствующие о том, что задолго до реализации операции «Утка», как именовалось физическое устранение Льва Троцкого, осуществленное советскими чекистами 20 августа 1940 года, подобную акцию замышляла белая эмиграция.

Для эмигрантов, объединившихся в антибольшевистский Русский общевоинский союз, имя Троцкого было тесно связано с революционными событиями в России и поражением в Гражданской войне, а также с вынужденным бегством на чужбину. Почти каждый эмигрант мог предъявить Троцкому личный счет за потерянные собственность и положение в обществе.

В «Очерках» подчеркивается, что «решение совершить

террористический акт, направленный против Троцкого, созрело в руководстве РОВС летом 1933 года. Военную организацию белой эмиграции к этому шагу толкнули и внутренние причины. В РОВС росла взаимная подозрительность, усиливались карьеристские интриги, упал боевой дух участников. Благотворительные пожертвования в пользу Союза заметно сократились, и проблема финансирования приобрела особую остроту...

Генерал Миллер, будучи в то время начальником штаба РОВС, в доверительной беседе со своими заместителями говорил, что бездействие разлагает и губит русских офицеров. В результате в узком кругу родилась идея «громкой акции», которая вновь обратила бы внимание мировой общественности и самой эмиграции на значимость Союза, привлекла деньги в кассу и придала динамизм его деятельности».

23 мая 1934 года заместитель начальника Иностранного отдела ОГПУ Слуцкий направил наркому внутренних дел Ягоде служебную записку, в которой содержались агентурные сведения, полученные парижской нелегальной резидентурой относительно неудавшегося покушения на Троцкого.

В документе указывалось, что начальник 1-го отдела штаба РОВС генерал Шатилов обратился к генералу Миллеру с предложением обсудить вопрос об организации покушения на Троцкого. При этом учитывался факт его нахождения на территории Франции.

После имевших место переговоров Миллер принял решение поручить разработку этой операции одному из своих ближайших соратников — бывшему генерал-майору царской армии Анатолию Фоку. Кстати, в дальнейшем именно Фок стал одним из первых русских добровольцев, прибывших в Испанию, чтобы сражаться на стороне Франко.

Из документа разведки следовало, что руководство РОВС восприняло проект ликвидации Троцкого с энтузиазмом, обговорив, однако, необходимость тщательной маскировки подобной акции. Одновременно между отдельными руководителями РОВС выявились определенные трения, связанные с ее реализацией. Так, генерал Шатилов, которому принадлежала идея теракта, в узком кругу предъявлял серьезные претензии генералу Миллеру, поручившему выработку окончательного решения по операции генералу Фоку.

Тем временем Троцкий спокойно отдыхал в курортном местечке Руайян. Перебравшись туда без лишней шумихи, но с серьезной охраной, он снял апартаменты в старенькой неприметной гостинице и стал регулярно ходить в городской парк к местному источнику пить

минеральную воду.

Естественно, поведение «дачника» породило иллюзии легкого осуществления теракта. Но белоэмигрантские террористы переоценили свои силы. Троцкого охраняли плотно и надежно.

Во главе операции был поставлен генерал Туркул, имевший богатый опыт в подобных делах. Последний направил в августе 1933 года в Руайян бывшего штабс-капитана Сподина, специально поступившего в Руайянский университет. Началось выявление гостиницы, где остановился Троцкий, распорядка его дня, маршрутов передвижения, количества охраны. Совершая ежедневные прогулки и изучая обстановку, Сподин в середине августа смог даже встретиться с Троцким в парке у минерального источника. Однако оружия у боевика в тот день при себе не оказалось.

Вскоре на подмогу к Сподину прибыли еще два бывших офицера. Один из боевиков, неплохо рисовавший, приобрел этюдник, просторную блузу и берет, ежедневно с утра располагался у входа в городской парк и наблюдал за всеми входящими. Это была одна из ключевых позиций боевиков. Но Троцкий больше в парке не появился.

В середине сентября руководство РОВС стало подозревать, что операция зашла в тупик. Не удалось не только осуществить теракт, но даже выяснить, куда и почему так внезапно исчез Троцкий.

Боевики были твердо уверены, что о их пребывании в Руайяне никто не знал. Однако они ошибались. Позже в ходе закрытого расследования выяснилось, что именно Туркул мог допустить утечку информации, разболтав о готовящейся операции своему знакомому и собутыльнику, офицеру-дроздовцу, в отношении которого имелись серьезные подозрения о его связях с французской контрразведкой.

Что касается самих боевиков и их непосредственного руководителя, то они в ходе расследования старались снять с себя всякую ответственность за провал операции, на которую было израсходовано более 10 тысяч франков (сумма по тем временам немалая).

Что же в действительности произошло в Руайяне? Закончил ли Троцкий свой отдых на курорте или же был кем-то предупрежден и сбежал? Эти вопросы так и остались без ответа.

В то же время версия о помехах со стороны французской полиции, что сказалось на провале операции, видимо, устроила всех.

Утечка информации о готовившемся теракте против Троцкого дала повод русскоязычной газете «Общее дело», выходившей в то время во Франции, в октябре 1933 года поместить небольшую статью, начинавшуюся с вопроса: «Правда ли, что во Франции готовилось

покушение на Троцкого?..».

Спецоперации СГОН

Якову Серебрянскому и сотрудникам его Специальной группы приходилось решать задания руководства страны различной направленности. О некоторых из таких заданий, связанных с выполнением народно-хозяйственных планов нашего государства, мы также попытаемся здесь рассказать.

Во второй половине 1930-х годов на очередной сессии Верховного Совета СССР обсуждался план новой пятилетки. Один из пунктов заблаговременно намеченного решения предусматривал необходимость срочной механизации сельского хозяйства. В этой связи, в частности, намечалось строительство ряда заводов по выпуску моторов, без которых поднять сельское хозяйство было невозможно. И здесь обнаружилась масса трудностей.

Строительство первого моторного завода шло полным ходом. Он уже начал выпускать первую продукцию. Но... ее качество, как выяснилось, не отвечало нужной кондиции.

«Беда заключалась в отсутствии качественных подшипников, — подчеркивал в одной из своих книг бывший сотрудник СГОН Герой Российской Федерации Юрий Колесников. — Для серьезных исследований, экспериментов было необходимо время, специальное оборудование. Но времени было в обрез. А моторы были нужны не только для сельского хозяйства, но и для военной промышленности.

В Кремле было созвано специальное совещание в узком кругу. Помимо руководства страны присутствовали лишь чекисты — специалисты особого профиля.

— Конечно, мы освоим выпуск моторов, сомнений нет, — уверенно заявил Сталин, выступая перед собравшимися. — Наладим и массовое производство. Но для этого надо время, а его у нас нет. И качественной технологии изготовления шарикоподшипников тоже нет.

Сталин подчеркнул, что чекистам придется хорошенько поработать, чтобы раздобыть все необходимое для налаживания производства качественной продукции.

Вопросов не задавали. Срок выполнения задания не оговаривали, понимая, что он до предела сжат.

В НКВД выполнение поручения генсека в тот же день возложили на Специальную группу Якова Серебрянского.

Задание — без излишнего шума раздобыть у капиталистов технологию производства шарикоподшипников — подчиненные Якова Серебрянского выполнили достаточно быстро».

Сотрудники Специальной группы еще не успели вернуться из-за кордона, а указ о награждении участников операции уже состоялся. Отличившимся присвоили внеочередные специальные звания, кое-кого повысили в должности, наградили орденами.

В январе 1938 года награжденных чекистов пригласили в Кремль. Как уже отмечалось, 31 декабря 1937 года в советской прессе был опубликован указ о награждении Якова Серебрянского орденом Ленина за операцию, связанную с поставкой самолетов для республиканской Испании. Специально для получения ордена он был вызван на несколько дней из командировки в Москву. Здесь следует подчеркнуть, что столь высокой наградой советское руководство не так уж часто баловало чекистов. Тем более на исходе 37-го года.

Награды чекистам в Кремле вручал председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин в присутствии Иосифа Виссарионовича Сталина.

О том, что происходило на этой встрече, рассказал Юрий Колесников в своей книге «Среди богов». Правда, это единственная информация о данной встрече, которую автору удалось отыскать. И она очень похожа на легенду. Но даже если это и так — такая красивая легенда имеет полное право на жизнь. Ведь Серебрянский занимал и занимает достойное место в ряду видных советских разведчиков-нелегалов, людей, которые создавали разведку нашей страны. Не служили в ней, не работали в ней, а именно проводили крупнейшие операции, являлись ее мозговым центром.

«Выступая перед чекистами, — рассказывал Юрий Колесников, — Сталин отметил: ⁴⁴ У членов Политбюро было мнение наградить начальника Специальной группы и руководителя операции товарища Серебрянского двумя орденами Ленина. Более высокой награды у нас нет, вы знаете. А наш Яша Серебрянский заслуживает ее. И это вы тоже знаете. Мы посоветовались на Политбюро. И пришли к выводу: Ленин у нас один, великий и неповторимый. Это вы тоже знаете. И остановились на одном ордене Ленина».

Чекисты горячо аплодировали. Яков Исаакович даже покраснел от смущения. Искренне и сердечно поблагодарил за высокую награду, заверив руководство страны в своей неизменной преданности и готовности выполнить любое задание, а если потребуется, отдать жизнь.

Генсек обвел чекистов взглядом, остановил его на Серебрянском и

добавил:

— Жертвовать жизнью ради общего дела похвально. Но жизнь надо беречь, как самое драгоценное, что есть у человека. Она дается ему всего один раз. А ваша жизнь, товарищ Серебрянский, еще понадобится Социалистической Отчизне! Мы, к сожалению, не так богаты такими специалистами, мастерами своего дела, как Серебрянский. И мы умеем это ценить».

Напомним, встреча в Кремле состоялась в январе 1938 года.

— Насколько достоверен, по-вашему, этот рассказ? — спросил автор этой книги у сына Серебрянского. — Ведь вокруг имени вашего отца уже возникло немало легенд.

— В таких деталях эта ситуация у нас в семье никогда не обсуждалась. Но я слышал от матери, что кто-то из руководителей страны (может быть, и Сталин) сказал, что за результаты своей работы Серебрянский достоин самой высокой награды, но выше ордена Ленина у нас в стране награды нет. К сожалению, я в свое время не уточнил, кто и в какой обстановке это сказал.

А вот еще один интересный факт.

В санкт-петербургской газете «Загадки истории» (2018. № 50) в разделе «Байки из прошлого» рассказывалось о проведенном в Кремле в середине 1930-х годов совещании директоров советских спичечных фабрик.

Вышедший в комнату заседания к собравшимся Иосиф Сталин якобы молча достал свою трубку, набил ее табаком, потом подошел к столику, где лежали различные коробки спичек, взял один из них и попытался прикурить. Спички из различных коробков гасли, ломались, вообще не зажигались. Прикурив с шестой или седьмой попытки, Сталин пыхнул дымом, посмотрел на руководителей спичечного производства и... пожелал им «хорошей работы».

Вскоре на одной из международных выставок советские спички были признаны самыми надежными в мире.

Автор книги слышал эту историю в самом начале 1960-х годов от одного из ветеранов советской внешней разведки. Являясь перед войной сотрудником группы Серебрянского, тот работал за рубежом и выполнял задания по линии научно-технической разведки. Вместе со своими товарищами ему довелось помогать нашей промышленности решить вопросы, связанные с разработкой технологии особой пропитки древесины для спичек и улучшением качества их зажигательной головки. И в этом вопросе разведка обеспечила советскую промышленность необходимой

документацией, используя свои, только ей присущие методы работы.

Глава шестая

АРЕСТ

Какая странная штука жизнь, какие странные картины рисует она порой.

Альфонс Доде

Невозвращенец Орлов

Яков Серебрянский продолжал выполнять ответственные задания советского руководства в Париже. А на родине разведчика уже всюду раскручивался маховик репрессий, непосредственно затронувших внешнюю разведку и вскоре коснувшихся самого Серебрянского.

13 июля 1938 года исчез прибывший по делам во Францию резидент НКВД в Испании Александр Орлов. Неожиданно вызванный в Москву, он посчитал, что там его ждет арест, и вместе с семьей бежал в США, прихватив солидную сумму средств резидентуры.

Наша справка

Лев Лазаревич Никольский, он же Александр Михайлович Орлов, он же Игорь Константинович Берг, он же Лев Николаев, он же Лейба Лазаревич Фельдбин (это его настоящие имя и фамилия), родился 21 августа 1895 года в белорусском городе Бобруйске в семье лесоторговца.

С началом Первой мировой войны семья переехала в Москву. Молодой Лейба, с блеском закончивший школу, поступил в Лазаревский институт — гуманитарное учебное заведение, которое готовило своих воспитанников к дипломатической и консульской службе. Впоследствии он был преобразован в Институт восточных языков. В институте Лейба изучал английский, немецкий и французский языки. Окончив институт одним из лучших, Лейба тем не менее решил посвятить себя более солидной карьере и поступил на юридический факультет Московского университета. В 1916 году он был призван в армию. Служил рядовым 104-го пехотного полка, который находился в резерве и дислоцировался на Урале. В 1917 году переведен в студенческий батальон, который был расквартирован в Царицыне и в котором проходили службу неблагонадежные элементы.

После Февральской революции 1917 года Фельдбин успешно прошел курс обучения во 2-й школе прапорщиков. В мае того же года вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, во фракцию «интернационалистов», которую возглавлял Соломон Лозовский, а позже, в 1920 году, стал большевиком.

С ноября 1917 года Лейба Фельдбин являлся заместителем заведующего информационным отделом Высшего финансового совета. Однако жизнь обычного служащего среднего ранга его мало привлекала, и молодой человек предпочел службу в Красной армии. В середине 1918 года он добровольно вступил в РККА и был направлен в 12-ю армию, в военную

контрразведку. В качестве сотрудника Особого отдела ВЧК и с документами на имя Льва Никольского он сражался на Юго-Западном фронте, руководил действиями партизанских отрядов в тылу белогвардейцев, организовывал их контрразведывательное обеспечение, участвовал в раскрытии контрреволюционных организаций в Киеве. Молодой чекист лично возглавлял операции на оккупированной территории.

В начале 1921 года Лейба получил назначение в Архангельск в качестве начальника следственно-разыскной части и заместителя начальника секретно-оперативной части губернской ЧК. Поскольку молодому чекисту предстояло заниматься активной оперативной работой и контактировать с иностранцами, он окончательно перешел на новые документы и на ближайшие пять лет стал Львом Лазаревичем Никольским.

В Архангельске он женился на Марии Владиславовне Рожнецкой, являвшейся канцелярским работником штаба Юго-Западного фронта. В сентябре 1923 года у супругов родилась дочь Вероника.

В 1922 году Никольский был направлен на работу в революционный трибунал, где занимал должность помощника прокурора. В 1924 году он завершает обучение на юридическом факультете Московского университета и возвращается на работу в ОГПУ, где занимает высокую должность помощника начальника Экономического управления. Осуществлял надзор за реконструкцией советской промышленности.

В конце 1925 года Никольский был переведен в Закавказье — начальником погранохраны Сухумского гарнизона, обеспечивавшей охрану границы с Ираном и Турцией. Летом 1926 года его переводят на работу в Иностранный отдел ОГПУ. Во внешней разведке он становится Александром Михайловичем Орловым. Поскольку этой фамилией он пользовался весь период работы в разведке и под ней стал широко известен историкам, мы будем называть его так в нашем дальнейшем повествовании.

Уже летом 1926 года с паспортом на имя сотрудника советского торгового представительства во Франции Орлов (оперативный псевдоним «Швед») выезжает в Париж в качестве руководителя одной из крупнейших резидентур ИНО ОГПУ в Европе. В 1928 году он становится руководителем берлинской резидентуры ИНО ОГПУ под прикрытием должности торгового советника полпредства СССР в Германии.

В связи с принятием первого пятилетнего плана экономического развития СССР руководство страны поставило перед разведкой задачу по добыванию на Западе технических секретов, жизненно необходимых для модернизации советской экономики. Параллельно с основной

разведывательной работой в Германии Орлову было поручено координировать деятельность европейских резидентур ИНО ОГПУ по линии научно-технической разведки.

Следует подчеркнуть, что усилия разведчиков очень скоро дали положительные результаты. Как отмечает в своей работе исследователь отечественных спецслужб Дмитрий Прохоров, «по каналам научно-технической разведки в Москву начала поступать информация об испытаниях новой авиационной техники, артиллерийских систем, о радиоаппаратуре военного применения, о переработке нефти и использовании ее побочных продуктов, об установке для гидрирования бурого угля и по многим другим проблемам».

В 1931 году Орлов возвратился в Москву и возглавил 8-е отделение ИНО ОГПУ (научно-техническая разведка). Весной 1933 года он был направлен нелегальным резидентом в Париж. Нелегальная резидентура «Экспресс», которую возглавлял Орлов, вела разработку Второго бюро французского Генерального штаба (военная разведка). Однако уже летом 1934 года Центр принял решение направить его нелегальным резидентом в Лондон.

В английской столице Орлов принял на связь агента-вербовщика Арнольда Дейча. В течение 1934 года Дейч под руководством Орлова завербовал студентов Кембриджского университета Кима Филби, Дональда Маклина и Гая Бёрджесса, вошедших в так называемую «Кембриджскую пятерку» советских разведчиков.

В годы Второй мировой войны эта агентура сыграла выдающуюся роль в обеспечении советского правительства стратегической информацией не только по Англии, но и по США и Германии. Все эти люди были завербованы на идеологической основе, работали на советскую разведку бескорыстно, отказывались от материального вознаграждения, рассматривая свою работу как личный вклад в борьбу против нацизма. Примечательно, что впоследствии все привлеченные Дейчем к сотрудничеству с советской разведкой члены «Кембриджской пятерки» успешно работали на Москву в течение длительного времени.

Пребывание Орлова в Англии было исключительно результативным, хотя и недолгим. После того как 18 июля 1936 года в Испании вспыхнул мятеж франкистов против правительства Народного фронта, именно Сталин предложил руководству НКВД рассмотреть вопрос о переводе Орлова из Лондона в Испанию.

В Мадрид Орлов прибыл 16 сентября 1936 года вместе с семьей. Основной сферой деятельности резидентуры НКВД в Испании было

оказание практической помощи законному правительству страны в создании собственной службы разведки и контрразведки, а также развертывание партизанского движения и организация диверсий в тылу франкистов.

В Испании Орлов привлек к сотрудничеству с советской разведкой добровольца интернациональной бригады имени Авраама Линкольна американца Морриса Коэна, который в дальнейшем сыграл важную роль в получении советской разведкой американских атомных секретов, действовал в США и в Англии в качестве связного видных советских разведчиков-нелегалов Вильяма Фишера (Рудольфа Абея) и Конона Молодого и в 1995 году стал Героем Российской Федерации.

В Испании Орлову вновь пришлось руководить работой Кима Филби, который по заданию советской разведки был аккредитован в качестве фронтового корреспондента одной из английских газет при франкистском правительстве.

Под непосредственным руководством Орлова была проведена операция по подавлению вооруженного мятежа анархистов и троцкистской организации ПОУМ в Каталонии.

В 1937 году в связи с так называемым «заговором генералов», сфабрикованным Ежовым для подавления инакомыслия в Красной армии, над Орловым стали сгущаться тучи. Был отозван в Москву и репрессирован сотрудник его резидентуры, организатор диверсионной работы в тылу франкистов Григорий Сыроежкин.

Однажды в Испании, в тесном кругу сослуживцев, Григорий Сыроежкин высказал свое мнение о невиновности Тухачевского и других военачальников. Он отметил, что многих из них знает лично как честных и преданных командиров и готов поручиться за них. Однако круг сослуживцев оказался не настолько тесным, как предполагал Сыроежкин. На Лубянку полетел донос на разведчика. Он был отозван в Москву под предлогом вручения ему очередного ордена и арестован.

Кроме того, Орлов узнал, что в Москве репрессирован его двоюродный брат. Поэтому, когда в августе 1937 года в Мадрид пришла телеграмма начальника ИНО НКВД Слуцкого, в которой сообщалось, что секретные службы Франко готовят его, Орлова, похитить, он высказал серьезные сомнения на этот счет. На предложение Слуцкого направить в Мадрид специальную охрану из двенадцати человек, которая отвечала бы за его безопасность и сопровождала во время поездок по стране, Орлов ответил категорическим отказом. В то же время он поручил своему заместителю Науму Эйтингону организовать свою личную охрану из

бойцов интернациональных бригад. Она состояла из десяти человек, которые повсюду его сопровождали. Любого, кто приказал бы ликвидировать Орлова, эти люди приняли бы за предателя, потому что, по его словам, они «не верили никому, кроме Сталина».

Вторым сигналом для Орлова послужило прибытие в Мадрид в октябре 1937 года заместителя начальника ИНО НКВД Сергея Шпигельглаза. Не имея никаких конкретных поручений от начальника разведки, Шпигельглаз без ведома Орлова встретился с руководителем мобильной группы Отдела спецопераций в Испании Бородиным и беседовал с ним наедине.

Данные обстоятельства настолько встревожили Орлова, что он вывез жену и дочь во французский город Перпиньян, где снял для них виллу.

9 июля 1938 года Орлов получил приказ от Ежова выехать в бельгийский порт Антверпен для встречи с представителем Центра на борту советского парохода «Свирь».

Разведчик понял, что охота на него началась. Опасаясь ареста и депортации в СССР, 12 июля он уехал из Барселоны в Перпиньян, сообщив своему заместителю, что на время выезжает во Францию по оперативным делам.

Вскоре Орлов обратился в канадское посольство во Франции, где, предъявив дипломатические паспорта, попросил канадскую визу. Получив ее, он с женой и дочерью на канадском пароходе «Монклер» отбыл из Шербура за океан. Прибыв в Канаду, Орлов сразу же вызвал туда из США своего родственника Курника и поручил ему доставить в советское полпредство в Париже письмо, адресованное Ежову. В нем он объяснял, почему после девятнадцати лет работы в органах государственной безопасности вынужден стать невозвращенцем.

Анализируя, в частности, телеграмму наркома, предлагавшего Орлову отправиться в Антверпен для встречи с представителем Центра, разведчик отметил, что это была «коварная ловушка для ни в чем не повинного человека». Напомнив, что он не раз жертвовал своей жизнью при выполнении заданий Центра в Испании, Орлов подчеркнул, что его уже заранее занесли в списки «врагов народа» и приговорили к расстрелу. Указав, что он не намерен разделить участь уже уничтоженных Ежовым резидентов НКВД, которые, по его мнению, не были предателями, Орлов спрашивал у адресата:

«Если «Петр», например, был шпион, то как же продолжают работать с таким человеком, как «Тюльпан», которого он создал?.. Или, если «Манн» был шпион, то как он не предал «Вайзе», «Зенхена» и других, с которыми

продолжают работать до сих пор?»

Отметим, что «Петр» — это оперативный псевдоним резидента парижской «легальной» резидентуры НКВД Станислава Глинского, который в августе 1937 года был отозван в Москву, а затем — расстрелян. Он лично завербовал Марка Зборовского (одним из оперативных псевдонимов которого являлся «Тюльпан»), внедренного в Париже в ближайшее окружение Льва Седова.

«Манн» — это советский разведчик-нелегал Теодор Малли, который сменил в Лондоне Орлова в должности резидента и руководил работой с членами так называемой «Кембриджской пятерки» Дональдом Маклингом («Вайзе») и Кимом Филби («Зенхен»). В марте 1938 года Малли был арестован, а затем — расстрелян.

Далее Орлов подчеркивал, что не является изменником партии и своей страны. «На бегство я решился лишь потому, — писал он, — что моя тяжело больная дочь останется без помощи и защиты». В письме Орлов заверил наркома: «Если вы оставите меня в покое, я никогда не стану на путь, вредный партии и Советскому Союзу. Я даю торжественную клятву: до конца моих дней не проронить ни единого слова, могущего повредить партии, воспитавшей меня, и стране, взрастившей меня».

В заключение письма Орлов сделал приписку: «Прошу вас отдать распоряжение не трогать моей старухи-матери. Ей 70 лет. Она ни в чем не повинна. Я последний из ее 4-х детей, которых она потеряла. Это больное, несчастное существо».

Письмо он подписал оперативным псевдонимом «Швед».

К письму Орлов приложил дополнение на двух страницах. В нем содержалось подробное описание его работы в Испании, участия в оперативных мероприятиях против Троцкого и его сторонников, включая сына «демона революции» — Льва Седова, и многое другое. Кроме того, Орлову была известна практически вся наиболее ценная агентура НКВД в Европе, начиная с «Кембриджской пятерки» и кончая «Красной капеллой», — всего примерно 60 человек. Разведчик предупредил Ежова, что передал фотопленку данного письма своему адвокату, который в случае его гибели опубликует документы.

Угроза была серьезной, и уже в середине августа, когда письмо Орлова попало в руки наркома, все оперативные мероприятия по его задержанию и ликвидации были им отменены. Сам же Орлов 13 августа 1938 года вместе с семьей уехал по дипломатическому паспорту в США.

В Нью-Йорке он зарегистрировался в качестве родственника Курника, отозвавшего его письмо в Париж. Прожив там некоторое время, Орлов

через своих родственников получил вид на жительство на имя Игоря Константиновича Берга и вскоре вместе с семьей переехал в Калифорнию, где вел весьма скромный образ жизни.

Хотя Орлов не выдал ни одного известного ему ценного источника советской внешней разведки, объективно его бегство нанесло серьезный ущерб Службе. После его исчезновения был отозван в Центр ряд разведчиков-нелегалов и были приняты дополнительные меры безопасности в работе с источниками.

В Москве были буквально обескуражены бегством резидента в Испании. Однако сменивший его на посту резидента Наум Эйтингон, взвесив все обстоятельства, предложил Центру продолжить работу с членами «Кембриджской пятерки». По его мнению, Орлов, находясь в США, не мог выдать их, не подвергая себя серьезному риску, поскольку в 1934–1935 годах находился в Англии по фальшивому американскому паспорту.

Через три года после бегства Орлова в США скончалась его дочь, страдавшая неизлечимой болезнью сердца. В 1953 году, после смерти Сталина, Орлов, у которого к тому времени кончились деньги, опубликовал книгу под названием «История сталинских преступлений», в которой описал подготовку и проведение показательных процессов в Советском Союзе. Отрывки из нее были напечатаны американским журналом «Лайф». Только после этого директор ФБР Э. Гувер узнал, что в США в течение пятнадцати лет успешно скрывался видный советский разведчик в ранге генерала. Начались допросы Орлова в ФБР. Однако он ничего не раскрыл, подтвердив на допросах только то, что ФБР и без него знало. Еще раз отметим, что Орлову были известны многие советские разведчики, работавшие в то время в различных странах мира (например, Вильям Фишер, Ким Филби, Иосиф Григулевич).

Проживая в США, Орлов и его жена постоянно покупали и читали советскую прессу, включая газету «Правда» и журнал «Коммунист». Разведчик не изменил своим идеологическим убеждениям, оставаясь лишь политическим противником Сталина.

В 1967 году вашингтонская резидентура ПГУ КГБ установила местонахождение Орлова в США. 14 ноября 1969 года с ним встретился сотрудник резидентуры. Он передал Орлову письмо от его друга — Николая Прокопюка, с которым тот работал в Барселоне. Орлову было сказано, что еще в декабре 1955 года Следственное управление КГБ пришло к заключению, что оснований для возбуждения против него судебного дела нет. Бывшему разведчику было сделано предложение

вернуться на родину. Однако Орлов, внимательно выслушав оперработника, отказался возвратиться в Москву. Через месяц Центр направил в вашингтонскую резидентуру указание оставить Орлова в покое.

В начале 1960-х годов по решению руководства КГБ СССР все претензии к А. М. Орлову были официально сняты и юридически закреплено отсутствие в его деле состава преступления. А в разведке наряду с понятиями «предатель», «изменник» появился термин «невозвращенец».

Орлов продолжал работать над мемуарами. Осенью 1969 года от сердечного приступа скончалась его жена Мария. В марте 1973 года у Орлова была обнаружена серьезная болезнь сердца, он был помещен в госпиталь, где 8 апреля того же года скончался.

Арест и следствие

Бегство Орлова дало наркому внутренних дел Ежову повод заподозрить в измене не только руководящие кадры разведки, но и оперативный состав Специальной группы Серебрянского. Были арестованы многие сотрудники, работавшие с Серебрянским, а также чекисты, в разное время бывшие его начальниками по линии внешней разведки. Да и сам Серебрянский имел, с точки зрения тогдашних стандартов, «уязвимую» биографию: в юности принадлежал к боевому крылу социалистов-революционеров — эсеров-максималистов, несколько раз арестовывался по подозрению в своей эсеровской принадлежности, на работу в органы разведки его рекомендовал небезызвестный Яков Блюмкин.

Осенью 1938 года Серебрянский был отозван из Парижа в Москву. 10 ноября его вместе с женой арестовали в Москве прямо у трапа самолета. Ордер на их арест подписал начальник ГУГБ НКВД СССР Лаврентий Берия. В тот же день в квартире Серебрянских был произведен обыск.

До 21 января 1939 года Яков Исаакович содержался под стражей во внутренней тюрьме на Лубянке. 21 января его перевели в Лефортовскую тюрьму, и до 13 февраля, то есть более трех месяцев после ареста, он содержался под стражей без санкции прокурора. А 21 февраля он был уволен из НКВД в связи с арестом. Конфискованные у него государственные награды были направлены на переплавку.

Отметим, что сразу после ареста Серебрянского разведывательно-диверсионная школа СГОН прекратила свое существование. Строгую даму-иностранку, ее мужа и большинство преподавателей арестовали.

В то же время следует подчеркнуть, что состав слушателей спецшколы, набранных в 1937–1938 годах, практически не пострадал от репрессий. Их распределили по различным подразделениям НКВД. Это были молодые кадры, блестяще показавшие себя в период Великой Отечественной войны. Их успешное использование в тайной войне с противником явилось существенным вкладом их учителя, руководителя спецшколы Якова Серебрянского, в Победу над фашизмом.

Коснулись аресты и сотрудников СГОН. Так, 16 ноября 1937 года был арестован участник операции по похищению генерала Кутепова Андрей Турыжников. Несколько позже были арестованы и расстреляны заместитель Серебрянского по СГОН Альберт Сыркин-Бернарди, а также его жена Вера Сыркина, являвшаяся секретарем спецшколы СГОН. В

сентябре 1939 года был арестован, а в июле 1941 года расстрелян Самуил Перевозников — руководитель нелегальной резидентуры СГОН в Шанхае. Были также расстреляны надежные помощники Серебрянского, входившие в Особую группу практически со дня ее основания, — Юрий Волков и Иван Рачковский (Руперт Эеке).

Сразу после ареста Якова Серебрянского руководимая им Специальная группа особого назначения была расформирована.

Следствие по делу Серебрянского вел начальник следственной части НКВД капитан госбезопасности Виктор Абакумов, а на более поздней стадии — его заместитель Соломон Мильптейн.

Интересно, что за несколько лет до описываемых выше событий на партийном собрании наркомата обсуждалось персональное дело коммуниста Виктора Семеновича Абакумова. Ему инкриминировалось злоупотребление служебным положением во время следственных действий: оскорбление заключенных, провокации, а в отношении арестованного чекиста-разведчика Петра Зубова и рукоприкладство.

Выступавшие на собрании отмечали, что подобными методами следователь Абакумов добивался от подсудимых признания в несовершенных ими преступлениях.

Сотрудникам ИНО НКВД удалось отстоять Зубова, в первую очередь благодаря вмешательству руководителя Иностранного отдела Артура Артузова и его заместителя Сергея Шпигельглаза, которые пользовались большим авторитетом не только в ИНО, но и у подавляющего большинства сотрудников оперативного аппарата наркомата.

Дело прекратили, Зубова восстановили на прежнем месте работы, а Абакумова привлекли к партийной ответственности.

На собрание был приглашен и руководитель Особой группы майор государственной безопасности Яков Серебрянский, поскольку Зубов по роду своей деятельности тесно соприкасался с ним.

Предложений было два: первое — исключить Абакумова из членов ВКП(б); второе — объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку и уволить из органов НКВД. Если за исключением чекиста из партии, как правило, следовал арест с непредсказуемыми трагическими последствиями, то второе наказание оставляло шанс на жизнь.

Присутствовавший на собрании Серебрянский дал исключительно положительную характеристику Зубову, подчеркнув его добросовестность, честность и преданность партии. Касаясь Абакумова, он осудил его аморальные поступки, но заметил, что тот еще молод, взысканий не имел и потому мера наказания ему должна быть воспитательной. Он предложил

ограничиться выговором.

В ходе дискуссии поступило и другое предложение — перевести коммуниста Абакумова из членов партии в кандидаты, но оставить в органах НКВД. В свою очередь Абакумов клятвенно обещал товарищам по партии не допускать при ведении следствия произвола, попросил у них прощения за свое поведение.

В итоге собрание согласилось с предложением перевести Абакумова из членов партии в кандидаты. Его понизили в звании, но оставили в органах госбезопасности.

Через год с небольшим Абакумов был восстановлен в правах члена партии и вернулся на прежнюю должность в следственную часть. Спустя еще некоторое время ему было присвоено очередное звание. Став исполняющим обязанности начальника следственного отделения НКВД СССР, Виктор Абакумов приложил руку к аресту и расстрелу руководителей внешней разведки Артузова и Шпигельглаза, вновь отправил в тюремную камеру разведчика Зубова и многих других чекистов. Он мстил за свое унижение. Мстил жестоко.

Оказался в тюрьме и старший майор госбезопасности Яков Серебрянский, получивший совсем недавно из рук Калинина орден Ленина и обласканный самим Сталиным. Увы, теперь это уже не имело значения.

«Значение имело лишь слово начальника следственной части НКВД капитана госбезопасности Виктора Абакумова, — писал Юрий Колесников. — Того самого, которого несколько лет назад по инициативе Серебрянского спасли от верной гибели. Люди, как и сама жизнь, преподносят подчас коварные сюрпризы. Честный человек остается признателен тому, кто однажды спас ему жизнь, негодяй отнимает жизнь у своего спасителя.

Абакумов, злобный, мстительный, не смог снести унижения, испытанного на том партсобрании, когда ему во спасение карьеры и жизни пришлось просить прощения за произвол, допущенный им при ведении следствия».

В ходе следствия Серебрянского подвергали «интенсивным методам допроса». Первый допрос состоялся 13 ноября 1938 года. Однако нужных признательных показаний от него добиться не смогли. В результате Берия наложил на документ, касающийся арестованного, резолюцию: «Тов. Абакумову! Хорошенько допросить!»

Спустя четыре дня в допросе Серебрянского приняли участие сам Берия, а также его заместитель Кобулов и Абакумов. Разведчика жестоко избили, и, спасая свою жизнь, он вынужден был дать ложные показания и оговорить себя. На допросе Серебрянский назвал вымышленные фамилии

соучастников своей «антисоветской деятельности», что позволяло тянуть время и не бросать тень подозрения на своих коллег. Кстати, на допросе в 1954 году Серебрянский показал, что еще до суда, то есть на предварительном следствии, он отказался от показаний, в которых признавал себя виновным.

Полина Натановна Серебрянская впервые была допрошена 28 февраля 1939 года. Ее обвиняли в недонесении на собственного мужа.

Характерно, что во время следствия в 1939 году, находясь в жутких условиях, Серебрянский писал «Наставление для резидента по диверсии».

В этом «Наставлении» Серебрянский рассматривал боевую нелегальную работу как важный участок обороны страны, позволяющий ослабить противника за счет уничтожения его важных военных и промышленных объектов в случае нападения на Советский Союз. Считая этот участок работы очень ответственным, он подчеркивал: «Только тот имеет право посылать товарищей на опасную для их жизни работу, кто сам готов подвергнуть себя этой опасности. Ты должен быть счастлив, что партия тебе доверяет такой ответственный участок работы». Работа над учебником была завершена 15 октября 1939 года.

Допросы арестованного с применением «интенсивных методов» продолжались. А в перерывах между допросами Серебрянского выводили в специальное помещение или вывозили на Лубянку, где с ним встречались представители центрального аппарата разведки для консультаций по особо важным оперативным вопросам. Ведь Яков Исаакович держал в голове схемы вербовок наиболее ценных агентов, с которыми органы государственной безопасности продолжали поддерживать связь, знал все их слабые и сильные стороны. Его консультации были исключительно важны для представителей различных подразделений внешней разведки.

Из рассказа сына Серебрянских Анатолия Яковлевича:

«В год ареста родителей мне едва исполнилось пять лет. Я жил в нашей квартире с сестрой мамы — бухгалтером Наркомата земледелия СССР Шелли Натановной. Она воспитывала меня, кормила, поила, ухаживала за мной как за сыном. Я ей бесконечно благодарен.

На мои вопросы, где мама и папа, тетя Шелли всегда отвечала: в командировке. Это меня не удивляло, так как к долгому отсутствию родителей я уже привык. Странно только было то, что вскоре мы переехали с Гоголевского бульвара, дом 31, где жили в особняке и где на первом этаже находились служебные помещения отца, в комнату в коммунальной квартире (Тверской бульвар, 9, квартира 26)».

Следствие по делу «врага народа» Якова Исааковича Серебрянского было завершено 4 октября 1940 года.

К этому времени слух о том, что член комиссии ЦК ВКП(б) старший майор госбезопасности Яков Серебрянский, давший высокую оценку операции по дестабилизации Организации украинских националистов, арестован, дошел и до заместителя начальника внешней разведки Павла Судоплатова, руководившего тогда подготовкой операции «Утка» (ликвидация Л. Д. Троцкого, успешно осуществленная 20 августа 1940 года).

«Судоплатов, — отмечал позже Юрий Колесников, работавший вместе с ним, — давно по достоинству ценил способности этого необычайно компетентного руководителя, был наслышан о заслугах Серебрянского перед страной и глубоко переживал трагическую новость. Разумеется, молча, как и остальные коллеги.

Конечно, он не мог знать обстоятельств, предшествовавших аресту Якова Исааковича, не знал, что ему формально инкриминируется. Это было и необязательно. Вероятнее всего, привычный стандарт: обвинение в контрреволюции, попытке свергнуть советский государственный строй, восстановить капитализм... и черт знает что еще могли наплести. Возможно и обвинение в шпионаже. В пользу какого конкретно государства, значения не имело. Следователи сочинят сами. Даже не позаботятся хотя бы о внешней правдоподобности. Главное — придать «делу» весомость!»

Итак, 4 октября 1940 года следователь следственной части ГУГБ НКВД лейтенант госбезопасности П. А. Перепелица составил два обвинительных заключения.

Первое касалось самого Якова Исааковича:

«УТВЕРЖДАЮ

Начальник следственной части

ГУГБ НКВД СССР

капитан государственной безопасности

(Эсаулов)

4 октября 1940 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу № 21782 по обвинению

СЕРЕБРЯНСКОГО Якова Исааковича

в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 1а и II УК РСФСР

10 ноября 1938 года органами НКВД СССР был арестован подозреваемый в шпионской деятельности СЕРЕБРЯНСКИЙ Яков Исаакович.

Проведенным по делу следствием установлено, что СЕРЕБРЯНСКИЙ, в прошлом активный эсер, дважды арестовывался органами ОГПУ и при содействии разоблаченных врагов народа проник в органы советской разведки.

В 1924 году, будучи в Палестине, был завербован эмигрантом ПОКРОВСКИМ для шпионской деятельности в пользу Англии.

В 1927 году СЕРЕБРЯНСКИЙ по заданию английской разведки перебросил из Палестины в СССР группу шпионов-террористов в лице ТУРЫЖНИКОВА, ВОЛКОВА, АНАНЬЕВА, ЗАХАРОВА и ЭСКЕ, которых впоследствии в лаборатории спецгруппы ГУГБ подготовлял к диверсионной и террористической деятельности на территории СССР. Через ТУРЫЖНИКОВА СЕРЕБРЯНСКИЙ передал английской разведке шпионские сведения о политическом и экономическом положении Советского Союза.

В 1933 году СЕРЕБРЯНСКИЙ был завербован разоблаченным врагом народа Ягодой в антисоветскую заговорщическую организацию, существующую в органах НКВД.

По заданию ЯГОДЫ СЕРЕБРЯНСКИЙ установил шпионскую связь с французской разведкой, которую информировал о деятельности советской разведки за кордоном, добывал сильнодействующие яды для совершения террористического акта над руководителями партии и советского правительства.

В предъявленном обвинении виновным себя признал.

На основании изложенного обвиняется СЕРЕБРЯНСКИЙ Яков Исаакович, 1892 года рождения, уроженец гор. Минска, еврей, гр-н СССР, бывший эсер, член ВКП(б) с 1927 года (исключен в связи с арестом), до ареста — начальник специальной группы ГУГБ НКВД СССР в том, что:

- 1) с 1924 года являлся агентом английской разведки,
- 2) с 1933 года по день ареста являлся активным участником антисоветского заговора в НКВД и проводил шпионскую работу в пользу Франции, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 1а и II УК РСФСР.

Считая следствие по настоящему делу законченным, а добытые данные — достаточными для предания суду, руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР

ПОЛАГАЛ БЫ:

Следственное дело № 21782 по обвинению СЕРЕБРЯНСКОГО Якова Исааковича направить в Прокуратуру Союза ССР для передачи по подсудности.

Следователь следственной части
ГУГБ НКВД СССР
лейтенант госбезопасности (Перепелица)
Помощник начальника
следственной части ГУГБ НКВД СССР
капитан госбезопасности (Никитин)».

Второе обвинительное заключение касалось Полины Натановны Серебрянской:

«10 ноября 1938 года органами НКВД СССР была арестована за соучастие во враждебной деятельности своего мужа СЕРЕБРЯНСКАЯ Полина Натановна.

Проведенным по делу следствием установлено, что муж СЕРЕБРЯНСКОЙ — СЕРЕБРЯНСКИЙ Я. И. являлся активным участником контрреволюционного заговора в НКВД и проводил шпионскую деятельность в пользу английской и французской разведок.

СЕРЕБРЯНСКАЯ, работая вместе с ним на закордонной работе по линии ИНО ОГПУ — НКВД, знала о его шпионской деятельности в пользу английской и французской разведок, но не донесла об этом, чем способствовала ему в проведении враждебной деятельности. <...>

В 1930 году СЕРЕБРЯНСКОЙ стало известно, что ее муж, СЕРЕБРЯНСКИЙ Я. И., по заданию английской разведки перебросил из-за кордона в СССР группу бывших белогвардейцев в лице ТУРЫЖНИКОВА, АНАНЬЕВА, ЗАХАРОВА, ВОЛКОВА и ЭСКЕ для шпионской и террористической деятельности на территории Советского Союза.

В 1937 году ей стало известно о сотрудничестве СЕРЕБРЯНСКОГО с французской разведкой.

В предъявленном обвинении виновной себя признала.

На основании изложенного обвиняется СЕРЕБРЯНСКАЯ Полина Натановна <...> до ареста сотрудница спецгруппы ГУГБ НКВД, в том, что являлась соучастницей во враждебной деятельности своего мужа, бывшего начальника спецгруппы ГУГБ НКВД СЕРЕБРЯНСКОГО Я. И., шпиона английской и французской разведок, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 17–58 п. 1а и II УК РСФСР.

Считая следствие по настоящему делу законченным, а добытые данные — достаточными для предания суду, руководствуясь ст. 208 УПК

РСФСР

ПОЛАГАЛ БЫ:

Следственное дело по обвинению СЕРЕБРЯНСКОЙ Полины Натановны направить в Прокуратуру Союза ССР для передачи по подсудности.

Следователь следственной части

ГУГБ НКВД СССР

лейтенант госбезопасности (Перепелица)».

Однако до суда оставалось еще долгих девять месяцев.

Приговор

7 июля 1941 года, когда на просторах Советского Союза уже полыхала война, состоялись закрытые судебные заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делам Якова Исааковича и Полины Натановны Серебрянских.

В протоколе судебного заседания по делу Я. И. Серебрянского, в частности, указывается:

«Председательствующий объявляет судебное заседание открытым, а также о том, что подлежит рассмотрению дело по обвинению СЕРЕБРЯНСКОГО Якова Исааковича в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1а и 58-П УК РСФСР».

Здесь следует пояснить, что данная статья, являвшаяся «политической», устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность, наносящую ущерб мощи Союза ССР, его государственной независимости, шпионаж «на сторону врага», измену родине. Она предусматривала ответственность в виде расстрела с конфискацией имущества или десяти лет лишения свободы с конфискацией имущества. После освобождения «политические» заключенные не имели права поселиться ближе чем в 100 километрах от крупных городов (в оговоренные судом сроки).

После выполнения всех положенных судебных формальностей председательствующий зачитал резолютивную часть обвинительного заключения и выяснил у подсудимого, понятно ли предъявленное ему обвинение и признает ли он себя виновным.

В ответном слове подсудимый виновным себя не признал и заявил, что на предварительном следствии оговорил себя после того, как к нему были применены физические методы воздействия...

В 1924 году он действительно был в Палестине, но его никто для шпионской работы там не вербовал. О его политических настроениях можно судить по конкретной работе, которую, если бы следствие пожелало, могло бы проверить.

В последнем слове подсудимый Серебрянский заявил, что суду он доверяет и просит объективно разобраться в его деле.

Суд удалился на совещание.

Когда суд вернулся из совещательной комнаты, председательствующий огласил приговор:

«Военная коллегия Верховного Суда СССР в составе председательствующего, дивизионного военного юриста Дмитриева, бригадных военных юристов Климина и Наумова и секретаря, военного юриста 1-го ранга Чумало, в закрытом судебном заседании в городе Москве 7 июля 1941 года рассмотрела дело по обвинению СЕРЕБРЯНСКОГО Якова Исааковича, 1892 года рождения, бывшего начальника специальной группы ГУГБ НКВД СССР, в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1а, 58-П УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что СЕРЕБРЯНСКИЙ с 1933 года был участником антисоветской заговорщической организации, существовавшей в органах НКВД, куда был завербован врагом народа ЯГОДОЙ.

Одновременно СЕРЕБРЯНСКИЙ являлся агентом английской и французской разведок, которые снабжал секретными материалами, составляющими государственную тайну, чем он и совершил преступление, предусмотренное статьями 58-1а, 58-П УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь статьями 319 и 320 УПК РСФСР (полномочия судьи по делу частного обвинения и с обвинительным актом. — В. А.), Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА

СЕРЕБРЯНСКОГО Якова Исааковича подвергнуть высшей мере уголовного наказания с конфискацией лично ему принадлежавшего имущества.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Следует отметить, что, как и в большинстве случаев на подобных процессах, приговор был predetermined заранее.

В тот же день состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Полины Натановны Серебрянской.

Вот выдержки из протокола судебного заседания по ее делу:

«Председательствующий объявляет судебное заседание открытым, а также о том, что подлежит рассмотрению дело по обвинению СЕРЕБРЯНСКОЙ Полины Натановны в преступлениях, предусмотренных статьями 17-58-1а, 58-П УК РСФСР (цифра 17 означает, что применяются статьи Уголовного кодекса с изменениями, внесенными постановлением ВЦИКа от 17 июня 1929 года. — В. А.).

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимой, которая сообщила о себе нижеследующие биографические данные:

СЕРЕБРЯНСКАЯ Полина Натановна, 1899 года рождения, уроженка города Баку, состояла членом ВКП(б) с 1921 года, до ареста являлась сотрудницей спецгруппы ГУГБ НКВД. Арестована 10 ноября 1938 года.

После выполнения процедурных формальностей председательствующий зачитывает обвинительное заключение и спрашивает подсудимую, понятно ли предъявленное ей обвинение и признает ли она себя виновной.

Подсудимая СЕРЕБРЯНСКАЯ показала: «Я виновной себя не признаю. Я следователю и помощнику начальника следственной части заявляла, что о шпионской деятельности моего мужа СЕРЕБРЯНСКОГО я услышала только в 1940 году на следствии, когда мне зачитывали его показания».

Председательствующий. Но вы ведь на предварительном следствии давали иного рода показания.

Подсудимая. Да, на предварительном следствии я оклеветала себя, так как устала от допросов.

Председательствующий. Вы где работали с мужем — СЕРЕБРЯНСКИМ Я. И.?

Подсудимая. Я работала вместе с мужем во Франции по линии ИНО ОГПУ-НКВД.

Председательствующий. Значит, вы свои показания, которые давали на предварительном следствии, не подтверждаете?

Подсудимая. Нет, не подтверждаю.

Председательствующий объявляет судебное следствие оконченным и предоставляет последнее слово подсудимой.

Последнее слово подсудимой: «Я прошу суд учесть все то, что я показала на суде».

Суд удаляется на совещание.

По возвращении суда из совещательной комнаты председательствующий оглашает и разъясняет приговор.

«Военная коллегия Верховного Суда СССР в составе председательствующего, военного юриста 1-го ранга Бука-нова, двух членов коллегии и секретаря, военного юриста 3-го ранга Шур в закрытом судебном заседании в городе Москве 7 июля 1941 года рассмотрела дело по обвинению СЕРЕБРЯНСКОЙ Полины Натановны, 1899 года рождения, бывшей сотрудницы спецгруппы ГУГБ НКВД, в преступлениях, предусмотренных статьями 17-58-1а, 58-П УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что СЕРЕБРЯНСКАЯ, будучи сотрудницей спецгруппы ГУГБ НКВД, являлась

соучастницей по контрреволюционной деятельности своего мужа, бывшего начальника спецгруппы ГУГБ НКВД СЕРЕБРЯНСКОГО Я. И. - шпиона английской и французской разведок, т. е. совершила преступление по статьям 17-58-1а, 58-П УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь статьями 319 и 320 УПК, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА

СЕРЕБРЯНСКУЮ Полину Натановну подвергнуть лишению свободы на 10 лет, с поражением в избирательных правах на 5 лет, с конфискацией имущества.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

И в этом случае, как нам представляется, судьба Полины Натановны была решена заранее, вне стен совещательной комнаты.

В тот же день, 7 июля 1941 года, одновременно с судебным разбирательством дел Якова и Полины Серебрянских Военной коллегией Верховного суда СССР были приговорены к расстрелу ближайшие сотрудники Якова Исааковича Серебрянского: Самуил Маркович Перевозников и Вера Яковлевна Сыркина. Несколько ранее, 20 сентября 1938 года, расстреляли Теодора Степановича Малли; 20 февраля 1939 года — Георгия Николаевича Косенко; 3 марта 1939 года — Андрея Николаевича Турыжникова; 29 января 1940 года — Сергея Михайловича Шпигельглаза; 9 марта 1940 года — Альберта Иоахимовича Сыркина-Бернарди.

Из рассказа Анатолия Яковлевича Серебрянского:

«Моя мама Полина Натановна, маленькая хрупкая женщина ростом несколько ниже метра шестидесяти сантиметров, оказалась, как потом стало мне известно, в Карелии на лесоповале. Сложно себе представить, что она могла сделать там с деревом или даже с обычной веткой. Безусловно, первые месяцы заключения были для нее самыми сложными».

Что касается Якова Исааковича Серебрянского, то он продолжал находиться в камере смертников, ожидая приведения приговора в исполнение.

Глава седьмая

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Или победить, или у стен отечества лечь... Надо драться, пока Россия может и пока люди на ногах, ибо война теперь не обыкновенная, а национальная.

П. И. Багратион

Ни одно правительство не устояло бы перед такими страшными жестокими ранами, которые нанес Гитлер России. Но Советская Россия не только выстояла и оправилась от этих ран, но и нанесла германской армии удар такой мощи, какой не могла бы нанести ей ни одна другая армия в мире.

Уинстон Черчилль

Первые месяцы войны

Сегодня, когда после Великой Победы Красной армии и советского народа над немецко-фашистскими захватчиками прошло уже семь десятилетий и мы знаем практически все о том, как она начиналась и чем закончилась, не мешало бы вспомнить, что было известно о предстоящей войне советской внешней разведке и, следовательно, высшему руководству нашей страны.

Это тем более необходимо, что в последнее время в некоторых средствах массовой информации можно встретить безапелляционные утверждения о том, что, дескать, Сталин из донесений разведки и сообщений своих дипломатов из-за границы знал все подробности плана «Барбаросса» и даже точную дату нападения Гитлера на Советский Союз, которую ему якобы сообщил военный разведчик-нелегал Рихард Зорге. Но советский руководитель доверился Гитлеру, которому удалось обвести его вокруг пальца.

Вместе с тем анализ документов внешней разведки, рассекреченных еще в 1995 году, свидетельствует об ином.

Как явствует из документов, 18 декабря 1940 года Гитлер подписал Директиву № 21, получившую название план «Барбаросса» — условное наименование комплекта документов, в которых нашли отражение методы и средства ведения агрессивной войны фашистской Германии против Советского Союза. Название плана происходит от имени императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы, который в XII веке возглавлял походы крестоносцев на Восток.

Разработка плана началась по распоряжению Гитлера 21 июля 1940 года и была окончена к 18 декабря. В разработке участвовали главнокомандующий сухопутными войсками немецкой армии генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич, начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель и заместитель начальника Генерального штаба сухопутных войск генерал-лейтенант Фридрих Паулюс.

Первое предварительное обсуждение плана «Барбаросса» состоялось 5 декабря. Он предусматривал закончить подготовку к нападению на Советский Союз к 15 мая 1941 года.

Главная цель плана — полный разгром и ликвидация СССР, выселение коренного населения за Урал, замена его немецкими колонистами.

Предполагалось нанести внезапные массированные удары в направлении Москвы и Ленинграда, Украины и Северного Кавказа, захватить жизненно важные центры СССР, выйти на линию Волга — Архангельск, за которой, по мнению немецкого командования, организованного сопротивления со стороны Красной армии уже не будет.

Войну планировалось закончить до зимы 1941 года.

31 января 1941 года в дополнение к Директиве № 21 была издана «Директива по стратегическому сосредоточению и разворачиванию войск», которая конкретизировала и уточняла задачи и способы действий вооруженных сил. Одновременно в ней уточнялись требования по материально-техническому обеспечению, подготовке театра военных действий, маскировке и дезинформации.

Конечную цель всех этих детально разработанных многостраничных документов можно сегодня сформулировать несколькими словами, произнесенными в середине июня 1941 года на одном из совещаний Альфредом Розенбергом — будущим имперским министром по делам оккупированных восточных территорий: «Понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты».

Разведка НКВД, ослабленная предвоенными репрессиями, план «Барбаросса» получить не сумела. Не смогли его также получить ни британская, ни американская разведки, имевшие, как они утверждали, «своих людей» в окружении Гитлера.

Еще непосредственно накануне Великой Отечественной войны со всей остротой дала о себе знать нехватка профессиональных кадров как в разведке, так и в общей системе государственной безопасности.

Павел Судоплатов, в то время заместитель начальника внешней разведки, с позиций своей должности пошел, казалось бы, на безрассудный шаг: пренебрегая правилами служебного поведения и естественным чувством самосохранения, обратился со служебной запиской в Коллегию НКВД СССР.

Обрисовав бедственное положение за границей агентурной разведки из-за крайне низкого уровня компетентности уцелевшего кадрового состава, Судоплатов поставил перед руководством НКВД СССР вопрос о пересмотре ряда дел некоторых бывших сотрудников внешней разведки, «арестованных или осужденных советским судом, возможно, по недостаточно убедительным основаниям». При этом он ссылаясь на приближающуюся войну с Германией и настоятельную необходимость их немедленного включения в борьбу против предстоящего врага. Фамилий не называл умышленно. Как бы мимоходом упомянул Особую группу

Серебрянского. О бывшем ее руководителе — ни слова.

Обеспокоенность Судоплатова можно было понять. Из донесений резидентур ему было известно, что немецкое военное командование «начало привлекать под свои знамена всех, кто имел свои счета с Советской властью. Армянские, азербайджанские, грузинские, латышские, литовские, румынские, эстонские и другие националистические группировки рассматривались руководством спецслужб Германии в качестве основы для формирования «пятой колонны»^[15] на территории СССР».

Кроме того, гитлеровская разведка и контрразведка приступили к массовой вербовке агентов в среде армянских («Дашнакцутюн»), азербайджанских («Мусават») и грузинских («Шамиль») политэмигрантов.

Следует признать, что нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года застало руководство страны врасплох. Правда, разведка докладывала о готовности Гитлера к такому шагу. Так, 16 июня 1941 года из берлинской резидентуры пришло срочное сообщение о том, что «Гитлер принял окончательное решение совершить нападение на СССР 22 июня». Однако Сталин посчитал это сообщение дезинформацией.

В своей книге «Воспоминания и размышления» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отмечал, что «внезапный переход в наступление <...> сразу всеми имеющимися и притом заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами <...> нами не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники — Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков — и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов».

Тем временем усилия Красной армии остановить наступление немцев контрударами успехом не увенчались. Советские войска понесли колоссальные потери. Удар фашистов оказался настолько сильным, а наступление настолько стремительным, что уже в первую неделю войны подразделения 2-й танковой группы генерала Гудериана захватили столицу советской Белоруссии — город Минск.

30 июня 1941 года «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, напавшему на нашу Родину», постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) был создан Государственный Комитет

Обороны (ГКО) в составе: И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (заместитель председателя), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков и Л. П. Берия (члены ГКО). 3 февраля 1942 года в состав ГКО были введены А. И. Микоян и Н. А. Вознесенский, а 20 февраля — Л. М. Каганович.

Этим же постановлением предписывалось сосредоточить в руках ГКО всю полноту власти в государстве, а всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные организации обязать беспрекословно выполнять его решения и распоряжения. Постановления ГКО имели силу законов военного времени.

Большое внимание ГКО уделял руководству борьбой советского народа в тылу врага. Во многих городах прифронтовой полосы были образованы местные чрезвычайные органы — городские комитеты обороны, объединившие под своим руководством всю гражданскую и военную власть.

Таким образом, Государственный Комитет Обороны руководил в годы войны деятельностью всех государственных ведомств и учреждений, направлял их усилия на всемерное использование материальных, духовных и военных возможностей страны для победы над врагом.

С 30 июня 1941 года (дня образования) по 4 сентября 1945 года (дня упразднения) Государственным Комитетом Обороны было принято около десяти тысяч постановлений и распоряжений.

Уже на одном из своих первых заседаний только что созданный Государственный Комитет Обороны СССР рассмотрел вопрос о внешней разведке и уточнил ее задачи. Они были подчинены одной цели — скорейшему разгрому врага.

Внешняя разведка в этот период строила свою работу по двум основным направлениям. Первое — активизация деятельности «легальных» и нелегальных резидентур для своевременного получения важной политической и военной информации, а также результативного проведения активных мероприятий.

Разведывательные аппараты внешней разведки органов госбезопасности в США, Англии, Турции, Швеции, Иране, Китае и ряде других стран были нацелены на сбор сведений по Германии, Италии, Японии и оккупированным ими странам. Главной задачей ставилось создание агентурных возможностей в правительственных учреждениях, промышленных и научных организациях, разведывательных и контрразведывательных службах этих государств.

Вторым основным направлением деятельности внешней разведки в период Великой Отечественной войны являлись формирование и заброска

на оккупированные немцами советские территории разведывательно-диверсионных отрядов и групп.

Для руководства зафронтовой работой органов государственной безопасности в составе НКВД в дальнейшем были последовательно созданы Особая группа при наркоме внутренних дел СССР, 2-й отдел НКВД СССР и 4-е Управление НКВД СССР.

Бессменный руководитель этих подразделений старший майор государственной безопасности Павел Анатольевич Судоплатов одновременно являлся заместителем руководителя советской внешней разведки. Костяк руководителей этих подразделений составляли кадровые сотрудники внешней разведки.

Итак, 7 июля 1941 года, в условиях жесточайшего дефицита профессиональных кадров в органах государственной безопасности и тяжелейшего положения на фронте борьбы с немецко-фашистскими агрессорами, Военная коллегия Верховного суда СССР в ходе закрытых судебных заседаний вынесла двум советским разведчикам — старшему майору госбезопасности Якову Исааковичу Серебрянскому и его жене лейтенанту госбезопасности Полине Натановне Серебрянской — суровые и надуманные приговоры.

А за два дня до этого, 5 июля, при наркоме внутренних дел была создана Особая группа, которую возглавил Павел Судоплатов, его заместителем был назначен Наум Эйтингон.

В приказе НКВД СССР № 00882 от 5 июля 1941 года, подписанном народным комиссаром внутренних дел Союза ССР генеральным комиссаром государственной безопасности Л. Берией, говорилось:

«1. Для выполнения специальных заданий создать Особую группу НКВД СССР.

2. Особую группу подчинить непосредственно народному комиссару.

3. Начальником Особой группы назначить майора государственной безопасности тов. Судоплатова П. А.

Заместителем начальника Особой группы назначить майора государственной безопасности тов. Эйтингона Н. И.».

На Особую группу были возложены задачи по активизации разведывательно-диверсионной работы советских органов государственной безопасности в тылу германской армии. Главными из них являлись: ведение разведывательных операций против Германии и ее сателлитов, организация партизанской войны, создание агентурной сети на территориях, находившихся под немецкой оккупацией.

Костяк Особой группы, как уже отмечалось, было решено создать из

оперативных сотрудников с опытом разведывательной и контрразведывательной работы, а также партизанских действий во время гражданской войны в Испании. «Мы с Эйтингоном стали активно подбирать таких людей, — вспоминал позже Судоплатов. — Но специалистов все равно катастрофически не хватало».

18 июля 1941 года, когда немецкими войсками уже были оккупированы почти вся Белоруссия, Западная Украина, Прибалтика, вышло постановление ЦК ВКП (б) «Об организации борьбы в тылу германо-фашистских войск», в котором партийным организациям и органам государственной безопасности предписывалось «создать невыносимые условия для германских интервентов, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, помогать созданию партизанских отрядов, диверсионных истребительных групп». В постановлении подчеркивалось, что важную роль в организации партизанского движения, боевых дружин и диверсионных групп должны играть органы государственной безопасности.

Генерал Судоплатов позже отмечал: «При отборе чекистов на должности командиров партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп нами прежде всего учитывалась их прошлая деятельность. В первую очередь назначали командиров, имевших боевой опыт. Будущие Герои Советского Союза Прокопюк, Рабцевич, Ваупшасов, Орловский — все они не только участвовали в партизанской войне против белополяков в 1920-е годы, но и сражались в Испании. В резерве была большая группа, воевавшая на Дальнем Востоке».

Особая группа НКВД СССР немедленно приступила к подготовке разведывательных и диверсионных резидентур для выполнения специальных заданий за линией фронта, а также в отдельных городах и районах СССР на случай угрожаемого положения. Среди них были оперативные группы «Форт» Владимира Молодцова и «Местные» Виктора Лягина, действовавшие, соответственно, в Одессе и Николаеве с июля 1941 года; нелегальная резидентура в Киеве, возглавляемая Иваном Кудрей (оперативный псевдоним «Максим»), действовавшая с сентября 1941 года, и другие.

Необходимо подчеркнуть, что 27 июня 1941 года, еще до официального оформления Особой группы, Политбюро ВКП(б) и СНК СССР приняли важное решение о создании специальных войск при Народном комиссариате внутренних дел СССР — отрядов особого назначения, предназначенных для выполнения особых заданий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

В октябре 1941 года для проведения специальных операций в тылу немецких оккупантов приказом наркома НКВД сформированные ранее отряды особого назначения были сведены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР — легендарный спецназ периода Великой Отечественной войны, прославившийся своими операциями в тылу врага.

Перед ОМСБОН ставились следующие задачи: оказание помощи Красной армии посредством разведывательных, диверсионных, военно-инженерных и боевых действий; содействие развитию массового партизанского движения; дезорганизация фашистского тыла; выведение из строя коммуникаций врага, линий связи и других объектов; осуществление стратегической, тактической и агентурной разведки; проведение контрразведывательных операций.

В ОМСБОН брали только добровольцев, которые проходили специальную подготовку для диверсионной работы и выполнения заданий особой важности. Бригада состояла из двух полков (восемь батальонов), а также включала в себя специальные подразделения: четыре отдельные роты (саперно-подрывная, связи, автомобильная и парашютно-десантная), разведывательно-диверсионный отряд, школу младшего начсостава и специалистов.

В разное время бригадой командовали начальник Себежского военного училища НКВД полковник Михаил Федорович Орлов и кадровый сотрудник внешней разведки полковник Вячеслав Васильевич Гриднев.

В составе бригады особого назначения насчитывалось до двенадцати тысяч солдат и офицеров. Исполком 3-го Коммунистического интернационала направил в войска Особой группы около двух тысяч политических эмигрантов (немцев, австрийцев, испанцев, американцев, китайцев, вьетнамцев, поляков, чехов, болгар, румын) из числа бывших интербригадовцев, имевших опыт гражданской войны в Испании.

Помимо чекистов, студентов ряда столичных институтов, молодых рабочих с передовых московских предприятий в бригаду влились свыше восьмисот спортсменов, среди которых было немало заслуженных мастеров спорта, известных тренеров, чемпионов и рекордсменов СССР, Европы и мира. Среди них — знаменитые легкоатлеты братья Знаменские, штангист Николай Шатов, конькобежец Анатолий Капчинский, гребец Александр Долгушин, боксер Сергей Щербаков, дискболы Леонид Митропольский и Али Исаев, велосипедист Виктор Зайпольд, гимнаст Сергей Коржуев, борец Григорий Пыльнов, лыжница Любовь Кулакова, группа футболистов минского «Динамо» и многие другие известные

спортсмены. Они стали основой диверсионных формирований, посылавшихся на фронт и забрасывавшихся в тыл врага. В первые годы войны не каждая стрелковая дивизия могла сравниться с ОМСБОН по численности и по обученности.

Одним из первых в бригаду пришел выдающийся боксер, блиставший на всесоюзном и международных рингах довоенной поры, — Николай Королев, многократный чемпион СССР в тяжелом весе, абсолютный чемпион Советского Союза, победитель Всемирной рабочей олимпиады 1937 года в Антверпене.

Именно Королеву было доверено место в отряде специального назначения «Митя», в котором он стал адъютантом его командира — Дмитрия Медведева.

Незадолго до окончания рейда в районе населенного пункта Клетня отряд попал в окружение. В бою с карателями Медведев был в очередной раз ранен. Николай Королев стал выносить командира из-под огня, но неожиданно столкнулся с немцами. Разведчиков ждала неминуемая гибель. Однако Николай пошел на хитрость: он опустил командира на землю и поднял руки вверх. Солдаты под охраной проводили Королева к землянке, где находились немецкие офицеры. Неожиданными ударами Николай послал трех охранников в нокаут и бросил в землянку гранату. Воспользовавшись замешательством противника, бойцы отряда вырвались из кольца. Королев много километров нес Медведева на себе.

С июня 1942-го по сентябрь 1944 года Дмитрий Медведев командовал разведывательно-диверсионным отрядом специального назначения «Победители», действовавшим в Ровенской и Львовской областях. За образцовое выполнение заданий командования в тылу противника и проявленные при этом мужество и героизм указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Местом формирования бригады стал Центральный стадион «Динамо», расположенный в старинном Петровском парке. На подмосковном стрельбище «Динамо» в Мытищах бойцы отряда особого назначения изучали минное дело, подрывную технику противника, овладевали тактикой действий небольшими группами, приемами ведения ночной разведки, топографией, радиоделом, совершали марш-броски, прыжки с парашютом. Короче, учились всему, что необходимо на войне.

Бойцом ОМСБОН была в молодости и выдающаяся советская разведчица-нелегал испанка Африка де Лас Эрас. В мае 1942 года она окончила ускоренные курсы радистов и была направлена в

формированный в то время в Москве разведывательно-диверсионный отряд специального назначения «Победители», о котором шла речь выше. Почти два года Африка передавала в Центр сообщения разведчика-нелегала, боевика отряда «Победители», будущего Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Позже она вспоминала:

«На следующий день после окончания курсов я пришла в отряд. Меня представили комиссару отряда товарищу Стехову. А вскоре, уже с вещами и санитарной сумкой через плечо, я входила в казарму. Там я встретила товарищей, вместе с которыми сражалась потом в тылу врага более двух лет.

Началась интенсивная подготовка. Марш-броски с полной выкладкой, многокилометровые кроссы, стрельба, специальные дисциплины. Отдыхать было некогда, да об отдыхе никто и не думал.

Через некоторое время я дала клятву радиста. Я торжественно поклялась, что живой врагу не сдамся и, прежде чем погибну, подорву гранатами передатчик, кварцы, шифры...

Мне вручили две гранаты, пистолет, финский нож. С этого момента все это снаряжение я постоянно носила с собой.

В ночь на 16 июня 1942 года наша группа была выброшена на парашютах близ станции Толстый Лес в Западной Украине».

ОМСБОН была во всем необычной бригадой. В одном батальоне, предназначенном для решения диверсионных заданий, было немало спортсменов-лыжников, парашютистов, снайперов, причем лучших из тех, кого мог рекомендовать комсомол.

В другом батальоне были почти одни иностранцы. Тут было много испанцев, старых знакомых и учеников Эйтингона.

Верховное командование и руководство органов государственной безопасности поставили перед бригадой следующие задачи:

оказание помощи Красной армии средствами разведывательно-диверсионных и боевых действий;

содействие развитию партизанского движения;

дезорганизация тыла противника;

осуществление агентурной разведки на временно оккупированных территориях;

проведение контрразведывательных операций.

Уже в сентябре 1941 года в тыл врага ушли опергруппы Д. Медведева, А. Флегонтова, В. Зуенко, Я. Кумаченко и М. Филоненко. Последнему предстояло со своими бойцами совершить рейд по Подмосковию в самый сложный период обороны Москвы. Круг действий разведывательно-

диверсионного отряда «Москва», возглавляемого сотрудником внешней разведки Филоненко, был очерчен на штабных картах населенными пунктами: Апрелевка, Рогачево, Ахматово, Дорохово, Петрищево, Бородино, Верея, Крюково. В ходе рейда, который продолжался 44 дня, бойцы отряда Михаила Филоненко полностью выполнили поставленные перед ними задачи.

В октябре — ноябре 1941 года, когда тяжелое положение сложилось непосредственно под Москвой в результате широкого наступления немцев, которые сосредоточили здесь более 50 дивизий, включая 13 танковых, а ресурсы защитников были на исходе, крайне важно было перекрыть наступающим подходы к столице. В «Очерках истории российской внешней разведки» об этом периоде рассказывается:

«На выполнение заградительных работ был брошен сводный отряд ОМСБОНа. Бойцы отряда минировали шоссейные и грунтовые дороги в районах Можайска, Волоколамска, Каширы, на Ленинградском шоссе в районе Химок и канала Москва — Волга, по реке Сетунь и близ Переделкино, западнее Чертаново на Киевском шоссе, на Пятницком, Рогачевском, Дмитровском шоссе. С 23 октября по 2 ноября 1941 года они установили более 11 тысяч противотанковых и 7 тысяч противопехотных мин, более 160 мощных фугасов, подготовили к взрывам 19 мостов и 2 трубопровода.

Сводный отряд ОМСБОНа участвовал в параде на Красной площади 7 ноября 1941 года, после чего двинулся к фронту. В период с 27 ноября по 27 декабря 1941 года, в разгар боев под Москвой, бойцы отряда сумели уничтожить 30 немецких танков, 20 бронемашин, 68 грузовых машин, нанести противнику большие потери в живой силе и технике».

Вторым основным направлением работы спецназа Особой группы в тот период являлась подготовка подпольных окружных комитетов в населенных пунктах Московской области на случай захвата их противником. Из этих населенных пунктов осуществлялась срочная эвакуация предприятий, рабочих, правительственных учреждений.

Из камеры смертников — на войну

Великая Отечественная война, принявшая неожиданный для руководства страны трагический оборот, потребовала концентрации всех сил на отпор врагу. В этих условиях органам государственной безопасности приходилось перестраиваться на военный лад, а не заниматься ведомственными разборками и поисками внутренних врагов. Враг был налицо, невиданно жестокий и могучий. В задачи Особой группы входили организация зафронтной разведки и развертывание диверсионной борьбы в тылу врага. Но из-за репрессий этому подразделению явно не хватало профессионалов, подобных Серебрянскому. Начальник Особой группы Судоплатов обратился теперь уже непосредственно к Берии с просьбой освободить из заключения ожидавшего расстрела Серебрянского и еще ряд чекистов. Вот как он позже вспоминал об этом в своих мемуарах:

«В начале войны мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах. Я и Эйтингон, который в 1930-е годы был заместителем Серебрянского по СГОНу, предложили, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности. Циничность Берии и простота в решении людских судеб ясно проявились в его реакции на наше предложение. Берию совершенно не интересовало, виноваты или не виноваты те, кого мы рекомендовали для работы. Он задал единственный вопрос:

- Вы уверены, что они нам нужны?
- Совершенно уверен, — ответил я.
- Тогда свяжитесь с Кобуловым, пусть освободит. И немедленно их используйте.

Я получил для просмотра дела запрошенных мною людей. Из дел следовало, что все чекисты были арестованы по инициативе и прямому приказу высшего руководства. К несчастью, Шпигельглаз, Карин, Малли и ряд других разведчиков к этому времени были уже расстреляны».

Позже Судоплатов не исключал, что о его служебной записке в Коллегию НКВД СССР непосредственно накануне войны и его повторной просьбе, адресованной Берии, относительно освобождения ряда находившихся в заключении чекистов было доложено лично Сталину.

Для лучшего понимания происходивших в то время событий остановимся на интересном эпизоде, о котором рассказал в одном из своих произведений известный российский писатель, ветеран советской внешней

разведки, бывший сотрудник СГОН НКВД СССР, считавший Серебрянского своим учителем, Юрий Колесников:

«Июль 1941 года был на исходе. Шла пятая неделя войны. На чашу весов легла судьба Отечества.

Заседание Государственного Комитета Обороны давно закончилось. Последний задержавшийся в кабинете генсека ВКП(б) нарком внутренних дел Берия, выдержав паузу после затянувшегося разговора со Сталиным, тоже собирался уходить.

Берия уже стоял с папкой в руке, когда Сталин вышел из-за стола и в некоторой задумчивости, не торопясь, направился к двери. Однако, сделав несколько шагов, он остановился, медленно повернул голову в сторону шедшего рядом Берии и, как бы между прочим, спросил:

— Где тот эсер, который наповал уложил начальника жандармского управления Могилева?

Память наркома мгновенно подсказала исполнителя акции, но полной уверенности не было в том, что именно его имеет в виду генсек. Ошибиться очень не хотелось.

Сталин искоса скользнул взглядом по озабоченному лицу Берии и, недовольный недогадливостью соратника, нехотя пояснил:

— В Париже он возился с бандой Кутепова... Потом неплохо помогал немецким фашистам вывозить сырье из Норвегии...

— Серебрянский? — поспешно выпалил Берия, довольный, что память не подвела, но продолжать, на всякий случай, не стал.

Он хорошо знал своего хозяина. И в данный момент не обманулся: Сталин спрашивал о том, что самому было хорошо известно. В то же время с иронией ли говорит, что Серебрянский «помогал фашистам», или нет? Определить сразу было непросто. Немецкие суда, загруженные в Норвегии никелем или цинковой рудой, редко достигали порта назначения. Что было тому причиной, он тоже знает.

Сталин спросил:

— Чем он занимается?

У Берии перехватило дыхание, но тут же сообразив, несколько сдавленным голосом ответил:

— В камере смертников дожидается приведения приговора...

— Что за чушь! Есть там у вас голова на плечах?..

Берия невольно подумал — «пока она есть» и объяснил о данном распоряжении воздержаться с исполнением приговора суда.

Оборвав его, Сталин неожиданно участливо спросил:

— Как он себя чувствует?

— Ничего, здоров.

— Это хорошо...

Явно удовлетворенный ответом, Сталин решительно шагнул к выходу. Стало ясно — именно это, последнее, интересовало его.

Прибыв в наркомат, Берия срочно вызвал к себе с «делом» Серебрянского начальника Первого специального отдела НКВД майора госбезопасности Леонида Фокеевича Баштакова.

Учитывая развитие событий на фронте, Баштаков быстро связал вызов к наркому с его интересом к бывшей сфере деятельности Серебрянского, с которой он был достаточно знаком.

Баштаков прекрасно понимал также, что, не окажись страна в столь тяжелом положении, вряд ли кто-либо поинтересовался бы участью верой и правдой послужившего режиму разведчика-чекиста, как и освобождаемых в последнее время из тюрем и лагерей военачальников. Выручили военные события. Правда, далеко не всех.

...Берия перестал листать «дело» и, вскинув голову, устремил пронзительный взгляд на начальника спецотдела.

— Хорошо... С него уже сняты все обвинения.

— С Серебрянского? — удивился Баштаков.

— А о ком, по-вашему, говорим? — хмуро отреагировал Берия. — В течение ближайшего часа он будет поднят наверх. Направим бумагу на его восстановление во всех правах. Также и в отношении жены».

По согласованию со Сталиным Берия отдал распоряжение освободить из заключения более двадцати сотрудников разведки. Среди них были и Серебрянские.

Согласно постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года Яков Серебрянский и его жена Полина были амнистированы. Они вышли из тюрьмы и были восстановлены в партии.

22 августа 1941 года, рассмотрев ходатайство НКВД, Секретариат Президиума Верховного Совета СССР (протокол № 97, дело № 15902) постановил:

«1. Возвратить Серебрянскому Якову Исааковичу ордена Ленина и Красного Знамени с орденскими документами.

2. Ввиду того, что принадлежащие Серебрянскому Я. И. орден Ленина за № 3363 и орден Красного Знамени за № 20171 сданы в переплавку на Монетный Двор, разрешить Отделу по учету и регистрации награжденных взамен их выдать Серебрянскому Якову ордена из фонда очередного вручения.

3. Выдать Серебрянскому Я. И. орденские документы; книжку денежных купонов — с 1.VIII. 1941».

Документ подписал секретарь Президиума Верховного Совета СССР Александр Горкин.

Яков Серебрянский был восстановлен в специальном звании старшего майора государственной безопасности и после двухмесячного отдыха и лечения назначен начальником группы во 2-й отдел НКВД СССР, в который 3 октября 1941 года была преобразована Особая группа НКВД СССР.

Кроме Серебрянского во 2-й отдел НКВД СССР были зачислены еще двое его бывших сослуживцев по СГОН: приговоренный к длительному сроку тюремного заключения один из организаторов партизанского движения Иван Каминский и находившийся в Лефортовской тюрьме НКВД специалист по белой эмиграции Петр Зубов.

А несколько позже, по инициативе уже самого Серебрянского, во 2-й отдел были также направлены на работу уволенные в 1938 году из внешней разведки Вильям Фишер (на должность начальника отделения связи) и Рудольф Абель (в опергруппу по обороне Главного Кавказского хребта).

В период Великой Отечественной войны они блестяще проявили себя, принимая участие в разработке и осуществлении оперативных радиоигр с противником, а также руководя подготовкой и заброской в тыл противника специальных разведывательно-диверсионных групп.

О деятельности Якова Исааковича в период Великой Отечественной войны довольно сложно рассказывать, и этому есть несколько причин.

Во-первых, Серебрянский не оставил никаких воспоминаний. Из жизни он ушел, находясь под следствием.

Во-вторых, большинство документов и материалов о разведывательно-боевой деятельности специальных структур НКВД — НКГБ СССР, в которых работал Серебрянский в 1941–1945 годах, до настоящего времени хранятся под грифом «Совершенно секретно». Это же касается и некоторых аспектов деятельности советских спецслужб по проведению оперативно-боевой работы в тот период в странах Восточной Европы.

В то же время отечественные историки Иосиф Линдер и Сергей Чуркин в одной из своих работ несколько приподнимают завесу секретности над деятельностью разведчика: «Серебрянский интенсивно включился в работу, возглавив 3-е отделение 2-го отдела НКВД... Он лично курировал вербовку агентуры для глубинного оседания в странах Западной Европы, а также отвечал за перепроверку разведывательной информации и за дополнительный контрразведывательный контроль в подразделениях НКВД в тылу противника...

Яков Исаакович работал в тесном контакте с Михаилом Маклярским, который возглавил специальное отделение по негласному штату. Отделение

курировало спецагентов, проходивших строго индивидуальную подготовку и затем переходивших из разряда секретных сотрудников в оперативников. Одним из таких людей был Н. И. Кузнецов».

К этому следует добавить, что Серебрянский также курировал разведывательно-диверсионную сеть одного из немногих уцелевших секретных сотрудников СГОН Иосифа Григулевича, успешно действовавшего в Аргентине в 1940–1944 годах.

Благодаря активной работе Григулевича и его коллег значительная часть грузов, предназначавшихся для отправки из Буэнос-Айреса в гитлеровскую Германию, была повреждена или уничтожена в результате пожаров в складских помещениях либо отправилась на морское дно вместе с взорванными судами.

Из воспоминаний Анатолия Яковлевича Серебрянского: «Началась Великая Отечественная война. Меня вместе с тетей Шелли, бухгалтером Наркомата земледелия СССР, направили в эвакуацию. Поселили нас на окраине Омска. Внезапно, в декабре 1941 года, приходит машина, и тетю отвозят в НКВД. Попрощавшись на всякий случай со всеми, она уезжает. Возвращается очень взволнованная. Оказывается, вышедшие из тюрьмы (а для меня — возвратившиеся из командировки) родители разыскивают меня.

Вскоре в Омск приехала мама, и зимой, в начале 1942 года, мы возвратились в Москву.

Я хорошо помню, как на перроне московского вокзала нам навстречу быстрым шагом шел, а скорее — бежал, высокий человек в длинном кожаном пальто и в кепке. Это был отец! Сильные руки подхватили меня и подняли высоко-высоко...

Для меня встреча с отцом на вокзале означала, что родители окончательно вернулись из командировки.

Мы жили в гостинице «Москва», в номере 646. Окна номера выходили прямо на Госплан, нынешнюю Думу. Рядом с нами, где-то в 650-м номере, жил Дмитрий Николаевич Медведев, у которого я бывал время от времени.

Помню, что у мамы тогда был тяжелейший ревматизм. Все суставы болят, заплывшие глаза, запах мази Вишневского в номере...

С возвращением родителей наша семья собралась практически полностью вместе. К сожалению, не вся.

Дедушка Исаак, отец моего отца, которого я помню очень смутно, жил перед войной у нас на даче в Серебряном Бору. Перед самой войной он отправился в Минск навестить родных и там погиб во время очередной немецкой облавы. Позже двоюродный брат мне рассказал историю о том,

как это было.

Дедушка жил в доме у двоюродной сестры отца. После захвата Минска немцами дом оказался на территории гетто. Каждый раз, когда начиналась облава, а это так или иначе становилось известным, вся семья пряталась в туалете. А туалет был расположен так, что входная дверь, будучи открытой, перекрывала вход в туалет. Немцы врываются в дом, а там никого нет. И в какой-то момент дед сказал, что он не может так дальше жить, и остался. Его забрали, и, естественно, он погиб».

Битва за Москву

Осенью 1941 года обстановка на фронте стала приобретать критический характер. В ноябре танки Гудериана вплотную подошли к Москве. Началась эвакуация правительственных учреждений в Куйбышев. В столице было введено осадное положение.

Известный московский журналист и публицист Леонид Репин писал: «Эвакуировалось более 500 заводов и фабрик, более миллиона человек в считанные дни покинули город. Заминированы фабрики, на крышах зданий установлены зенитные орудия, в подвалах домов оборудованы пулеметные гнезда. Военные заводы не переставали работать — делали самолеты, оружие, снаряды. Улицы оцетинились противотанковыми ежами. Да, Москва обезлюдела, но сдаваться не собиралась».

Захватчики уже готовились вступить в город. Для поднятия духа в германских войсках были отпечатаны и повсюду раздавались приглашения на участие в триумфальном параде на Красной площади, принимать который должен был сам Гитлер. Министр пропаганды Германии Геббельс направил в Подмосковье транспортный самолет с журналистами и операторами кинохроники, чтобы увековечить победное вступление гитлеровцев в Москву. В это же время в Подмосковье из Германии прибыл эшелон, груженный красным гранитом, из которого предполагалось соорудить памятник победы. (Поспешили, как оказалось. После войны московские власти облицевали этим гранитом первые этажи нескольких домов в центре столицы.)

Советский народ готовился к решающему сражению. Часть сотрудников ОМСБОН была оставлена в Москве на случай захвата ее немцами.

Одновременно руководство страны распорядилось готовить диверсионное подполье, чтобы продолжать борьбу даже в захваченной врагом Москве. По линии НКВД — разведки и контрразведки — операцией по подготовке Москвы к возможной оккупации руководил Берия. В составе руководства московского подполья в городе должны были остаться Судоплатов и Эйтингон.

Отдел Судоплатова получил приказ: заминировать объекты на подступах к городу и в самой Москве; подготовить разведывательную сеть для работы в условиях оккупации; разработать детальный план ликвидации Гитлера на случай, если тот надумает посетить Москву.

Чекисты приступили к подготовке и реализации диверсионного плана на случай взятия города гитлеровскими войсками. Где Гитлер и другие нацистские бонзы могут устроить торжества по случаю падения советской столицы? Либо в Кремле, либо в Большом театре. Значит, рассудили в ведомстве Берии, надо готовить взрывы этих объектов. При этом в НКВД исходили из того, что Гитлер и другие руководители Третьего рейха, прежде чем реализовать угрозу «сровнять Москву с землей», непременно примут личное участие в намеченных торжественных мероприятиях.

Сотрудникам 2-го отдела НКВД СССР предстояло вести тайную войну уже на своей земле. Практической боевой подготовкой чекистов руководил старший майор госбезопасности Яков Серебрянский. В условиях абсолютной секретности создавались диверсионные группы. Часть разведчиков и контрразведчиков перешла на нелегальное положение непосредственно в Москве. Сотрудники госбезопасности минировали малоизвестные штольни и подземные тоннели глубокого залегания в центральной части города, израсходовав для этого несколько вагонов взрывчатки. Мины были заложены в Кремле и под Большим театром. Одного нажатия кнопки минером из НКВД было достаточно, чтобы за несколько секунд превратить эти московские достопримечательности в развалины.

Сотрудники внешней разведки и 2-го отдела НКВД СССР разместили в Москве ряд подпольных радиостанций, которые позволили бы поддерживать постоянную связь с Куйбышевом (Самарой), куда эвакуировались правительственные учреждения. Одна из таких радиостанций была размещена в подвале строившегося тогда Театра кукол Сергея Образцова.

Одной из активных участниц тех событий стала выпускница Школы особого назначения (ШОН) НКВД, сотрудница центрального аппарата внешней разведки, с первых дней Великой Отечественной войны прикомандированная к Особой группе, Анна Федоровна Камаева (в дальнейшем по мужу — Филоненко).

В самом начале войны 22-летней Анне Камаевой довелось работать непосредственно под началом Эйтингона и Серебрянского. Ей по личному указанию Берии отводилась ключевая роль — осуществить покушение на... самого Гитлера. Отрабатывались различные варианты выполнения задания, однако все они однозначно показывали, что шансов уцелеть у разведчицы не было. Давая такое задание, глава НКВД посылал девушку на верную смерть, но зато был уверен: Камаева приказ выполнит.

К счастью, этот план так и остался на бумаге. Москва выстояла под

натиском вермахта. Войскам Западного фронта под командованием генерала армии Жукова удалось остановить, а затем отбросить гитлеровских захватчиков на несколько сотен километров от столицы.

Из сообщения Совинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы 11 декабря 1941 года:

«С 16 ноября 1941 года германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву.

Противник имел целью путем охвата и одновременного глубокого обхода флангов фронта выйти нам в тыл и окружить и занять Москву. Он имел задачу занять Тулу, Каширу, Рязань и Коломну на юге, далее занять Клин, Солнечногорск, Рогачев, Яхрому, Дмитров на севере и потом ударить на Москву с трех сторон и занять ее...

6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и спешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери».

В битве за Москву ученица Серебрянского Анна Камаева снова оказалась в самой гуще событий. Ее забросили в тыл немецких войск в родном Подмосковье для проведения диверсионных операций. Анна была радистом одной из разведывательно-диверсионных групп, действовавшей в тылу врага.

Как отмечалось в рапорте командира ОМСБОН полковника Гриднева, «Камаева принимала активное участие в проведении специальных крупномасштабных диверсионных акций против немецко-фашистских войск на ближних подступах к Москве».

«Тайфун», так называлась операция по захвату Москвы, у ее стен рухнул и осыпался, — писал Леонид Репин. — Немецкие генералы перед фюрером оправдывались: снега, морозы, русское бездорожье... И сейчас нет-нет да и некоторые историки ссылаются на нашу зиму, сковавшую мощь вермахта, только не там они копают. Нет, не морозом, а силой духа и оружия Москва опрокинула врага. Не успел он отдышаться, как наши войска перешли в контрнаступление, которому суждено было стать поворотным моментом в истории Великой Отечественной войны».

Несмотря на огромные трудности в начальный период войны, внешняя разведка сумела в кратчайшие сроки перестроиться в соответствии с требованиями военного времени, сохранить ценную агентуру и наладить с ней надежную связь.

«Битва под Москвой, — подчеркивали И. Линдер и С. Чуркин, — стала хорошей школой для руководителей и оперативников 2-го отдела НКВД СССР, командиров и бойцов ОМСБОН. Эффективность разведывательно-диверсионных операций постепенно нарастала. Масштаб решаемых отделом задач перерос те рамки, что были очерчены приказом наркома внутренних дел СССР в октябре 1941 года».

Новые горизонты борьбы

С целью активизации проведения специальной работы в тылу противника, а также организации и осуществления мероприятий по выводу из строя и уничтожению промышленных предприятий и других важнейших сооружений на территории, которой угрожает противник, руководством НКВД СССР было принято решение о преобразовании 2-го отдела НКВД СССР в 4-е Управление НКВД СССР (разведка, террор и диверсии в тылу противника). Костяк руководящего состава управления снова составили кадровые сотрудники внешней разведки.

Приказ НКВД СССР № 00145 о преобразовании 2-го отдела НКВД СССР в 4-е Управление НКВД СССР был подписан народным комиссаром внутренних дел СССР Л. Берией 18 января 1942 года. В документе указывалось:

«Для проведения специальных операций в тылу противника, а также организации и осуществления мероприятий по выводу из строя и уничтожению промышленных предприятий и других важных сооружений на территории, занятой противником, приказываю:

1. Организовать 4-е Управление НКВД СССР.
2. Расформировать 2-й отдел НКВД СССР, обратив его штаты и личный состав на укомплектование 4-го Управления НКВД СССР.
3. Передать в 4-е Управление НКВД СССР 9-е отделение 4-го спецотдела со всем личным составом и техническим оборудованием.
4. Назначить:
 - а) начальником 4-го Управления НКВД СССР — старшего майора государственной безопасности тов. Судоплатова П. А., освободив его от должности начальника 2-го отдела НКВД СССР;
 - б) заместителями начальника 4-го Управления НКВД СССР: старшего майора государственной безопасности тов. Мельникова Н. Д., освободив его от должности заместителя начальника 2-го отдела НКВД СССР;
майора государственной безопасности тов. Какучая В. А., освободив его от должности заместителя начальника 2-го отдела НКВД СССР;
 - в) начальником 1-го отдела 4-го Управления НКВД СССР — старшего майора государственной безопасности тов. Мельникова Н. Д. по совместительству;
 - г) начальником 2-го отдела 4-го Управления НКВД СССР — майора

государственной безопасности тов. Дроздова В. А.;

д) начальником 3-го отдела 4-го Управления НКВД СССР — капитана государственной безопасности тов. Осипова В. П., освободив его от занимаемой должности зам. начальника 4-го спецотдела НКВД СССР;

е) начальником 4-го отдела 4-го Управления НКВД СССР — майора государственной безопасности тов. Филимонова М. П., освободив его от должности начальника 10-го отдела 1-го Управления НКВД СССР.

5. Прилагаемые структуры, штаты и расстановку личного состава^[16] 4-го Управления НКВД СССР утвердить.

Начальнику 4-го Управления НКВД СССР тов. Судоплатову П. А. немедленно приступить к организации работы Управления в соответствии с данными ему указаниями».

На 4-е Управление НКВД СССР возлагались следующие задачи:

формирование в крупных населенных пунктах, захваченных противником, нелегальных резидентур и обеспечение надежной связи с ними;

восстановление контакта с ценными и проверенными агентами органов госбезопасности, оставшимися на временно оккупированной советской территории;

внедрение проверенных агентов в создаваемые противником на захваченной территории антисоветские организации, разведывательные и административные органы;

подбор и переброска квалифицированных агентов чекистских органов на оккупированную врагом территорию для их дальнейшего продвижения на территорию Германии и других европейских стран;

направление в оккупированные противником советские районы маршрутных агентов с разведывательными и специальными задачами;

подготовка и переброска в тыл врага разведывательно-диверсионных групп и обеспечение надежной связи с ними;

организация в районах, находящихся под угрозой вторжения противника, резидентур из преданных и проверенных на оперативной работе лиц;

обеспечение разведывательно-диверсионных групп, одиночных агентов, специальных курьеров и маршрутных агентов оружием, боеприпасами, продовольствием, средствами связи и соответствующими документами.

Помимо решения этих задач сотрудники управления сыграли, в частности, ведущую роль в реализации оперативных игр «Монастырь» и «Березино». Эти чекистские операции до сих пор считаются эталоном

проведения стратегических радиоигр с противником и вошли в учебники по подготовке разведчиков для спецслужб многих стран.

На 4-е отделы региональных органов НКВД возлагался также допрос пленных, перебежчиков, членов экипажей самолетов и танков, отдельных парашютистов и диверсантов, захваченных органами госбезопасности и советскими войсками.

4-е Управление НКВД СССР действовало всю войну и было упразднено только приказом по МГБ 9 октября 1946 года.

Специальная группа 2-го отдела НКВД СССР, которую возглавлял старший майор государственной безопасности Яков Серебрянский, в составе 4-го Управления НКВД СССР становится 3-м отделением и занимается подготовкой и заброской в тыл врага разведывательно-диверсионных групп и отдельных агентов для выполнения специальных разведывательных заданий.

Яков Серебрянский принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении многих разведывательных операций за линией фронта, а также в оперативных радиоиграх с противником «Монастырь», «Березино» и других.

Оперативная радиоигра «Монастырь»

Следует подчеркнуть, что оперативная игра под названием «Монастырь» имела важное значение в плане дезинформации разведывательных органов противника, выявления и пресечения его подрывной деятельности и считается специалистами одной из наиболее крупных и эффективных радиоигр, проведенных 4-м Управлением НКВД СССР.

Начало оперативной игры относится ко времени разгрома немцев под Москвой.

С изменением военной обстановки немецкие разведорганы стремились получать более полную и обширную информацию о Советском Союзе, его вооруженных силах, политическом и экономическом положении. С этой целью они активизировали агентурную разведку не только в прифронтовой полосе, но и в глубоком тылу страны.

Чтобы снизить разведывательную активность противника и парализовать его деятельность, НКВД поставил задачу установить связь с германскими разведорганами и использовать эти каналы для дезинформации противника, выявления и пресечения враждебных замыслов фашистской разведки и проникновения в их разведывательные органы.

Оперативный замысел игры сводился к подставе разведцентру немцев якобы существовавшей в Москве антисоветской церковно-монархической организации. Легенда базировалась на использовании любимившейся немцам официальной доктрины фашистской разведки о существовании в СССР «пятой колонны» и на объективно имевшихся в НКВД материалах о намерении бывшего придворного поэта Бориса Садовского сколотить в Москве контрреволюционную церковно-монархическую организацию и связаться с немцами, чтобы оказывать им помощь в борьбе с советской властью.

В начале февраля 1942 года, когда немецкие войска впервые после начала Второй мировой войны потерпели сокрушительное стратегическое поражение в Битве под Москвой, к немцам за линию фронта перешел агент органов госбезопасности «Гейне» — Александр Петрович Демьянов. Он происходил из знатного дворянского рода: его прадед Антон Головатый был первым атаманом кубанского казачества. В роду Демьянова все мужчины традиционно были военными. Завербован он был в 1929 году и

использовался контрразведкой для разработки связей оставшихся в Советском Союзе лиц дворянского происхождения с зарубежной эмиграцией. Александр Демьянов работал в Москве в Главкинопрокате, был знаком со многими известными актерами театра и кино, часто бывал на бегах, держал в Манеже собственную лошадь и был широко известным человеком среди московской богемы.

Выбор «Гейне» в качестве подставы гитлеровским спецслужбам не был случайным. К моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз он уже был опытным агентом.

Из характеристики на секретного сотрудника «Гейне», относящейся к середине 1930-х годов:

«Надежный, способный и абсолютно честный во взаимоотношениях с органами госбезопасности работник. Он научился концентрировать волю, отличается активным восприятием жизни, умением глубоко проникать в психологию людей. Обладает великолепной памятью, молниеносной реакцией, способностью самостоятельно принимать решения».

Еще в довоенный период «Гейне» вышел на представителей германской торговой миссии в Москве и в разговоре с ними назвал ряд фамилий русских эмигрантов, поддерживавших контакт с его семьей в предреволюционный период. Германская разведка заинтересовалась «Гейне» и стала вести его разработку. Абвер^[17] присвоил ему псевдоним «Макс».

В поле зрения органов государственной безопасности в предвоенное время находились некоторые представители русской аристократии: бывший предводитель Дворянского собрания Нижнего Новгорода Глебов, поэт Садовский, член-корреспондент Академии наук СССР Сидоров и некоторые другие. В свое время они учились в Германии, были известны немецким спецслужбам, а в Москве жили на территории Новодевичьего монастыря, где нашли прибежище потомки некогда знаменитых дворянских родов. Немцы проявляли интерес к этим лицам. Им, в частности, было известно, что поэт Садовский, практически не издававшийся в СССР, написал большую поэму в честь «немецких войск, освободителей Европы». В июле 1941 года руководство 4-го Управления НКВД приняло решение создать из этих и других лиц с помощью агентуры легендированную прогерманскую подпольную церковно-монархическую организацию «Престол» и внедрить в нее агента «Гейне» с дальнейшим выводом его в Германию. Операция получила кодовое название «Монастырь».

В феврале 1942 года «Гейне» был доставлен на фронт в районе

Можайска. Войсковая разведка перебросила его на нейтральную полосу, которая, как оказалось позже, была немцами заминирована. С рассветом «Гейне» встал на лыжи и направился к немцам с белым флагом. Только по счастливой случайности он не подорвался на минах.

Сам «Гейне» о переходе нейтральной полосы писал так: «Когда я добежал до бруствера, немцы помогли мне перебраться, и один из них, отведя в укрытие, попросил по-русски немного подождать. Затем последовала серия непрерывных допросов, днем и ночью. Я находился под неустанным наблюдением. Меня привели в блиндаж к майору. Тот по-русски спросил меня, почему я предал Родину. Остро резанул его взгляд, полный холодного презрения, взгляд кадрового офицера, типичного тевтонца, гордого своим превосходством. Он демонстративно встал из-за стола, когда капитан усадил меня пить чай, безглаголиво бросил реплику «предатель Родины» и вышел. Затем меня увезли в штаб».

«Гейне» рассказал немцам о существовании в Москве монархической организации, которая желает установить связь с немецким командованием и выполнять его задания. Ее цель — борьба с коммунизмом. Гитлеровцы вновь подвергли «Гейне» допросу, затем имитировали его расстрел. Разведчик держался стойко, спокойно отвечал на все вопросы, и немцы сделали вид, что поверили ему.

Однако проверка «Гейне» продолжалась. Он был отправлен в Смоленск. Его поместили в концлагерь вместе с предателями и изменниками родины. В лагере продолжались допросы «перебежчика». Офицеры абвера постоянно интересовались историей его перехода через линию фронта, проверяли знания в области радио-и электротехники. Через некоторое время «Гейне» перевели на городскую квартиру в Смоленске, где два инструктора занимались его подготовкой в качестве агента абвера. Под их руководством он изучал тайнопись, шифровальное и радиодело. Впоследствии Александр Демьянов вспоминал, что труднее всего ему было скрывать свое умение бегло работать на телеграфном ключе.

Через некоторое время состоялась встреча «Гейне» с высокопоставленным представителем абвера, который сообщил, что скоро его отправят обратно в Москву с заданием по подрывной работе в столице. Были уточнены некоторые детали задания, способы и время связи. Условились, что курьеры, прибывающие в Москву, будут приходить к его тестю, профессору медицины, практикующему на дому, а тот в свою очередь будет связывать их с «Гейне».

После этой беседы «Гейне» переправили в Минск, откуда он должен был вылететь самолетом через линию фронта, прыгнуть с парашютом, а

дальше добираться до Москвы. В Минске его поселили на частной квартире, в которой проживали несколько соседей, и в течение трех дней не беспокоили, оставив одного. Это тоже был один из элементов проверки разведчика со стороны гитлеровских спецслужб. В частности, под окнами квартиры постоянно прогоняли группы людей, жестоко избивая их при этом. «Соседи» поясняли, что на казнь ведут очередную группу партизан, а сами внимательно следили за его реакцией.

15 марта 1942 года за «Гейне» пришла машина. Его отвезли на аэродром, выдали деньги для организации «Престол» и посадили в самолет.

Приземлился «Гейне» в лесу около районного центра Арефино Ярославской области. Захватившим его в плен красноармейцам он сообщил свой оперативный псевдоним и попросил немедленно связаться с Москвой. Из Москвы поступило распоряжение доставить разведчика в Ярославль. Там он проживал некоторое время, затем в сопровождении сотрудников госбезопасности был доставлен в Москву. Первые две недели потребовались для написания подробного отчета. «Гейне» не выходил из дома, так как было не исключено, что немцы могли проверить, когда он вернулся. А слишком быстрое возвращение могло вызвать подозрение. Через две недели «Гейне» вышел в эфир и передал немцам первую дезинформацию, подготовленную Генеральным штабом Красной армии. Одновременно он сообщил немцам, что устроился под другой фамилией на должность младшего офицера группы связи в Генштаб.

В течение первых четырех месяцев органы госбезопасности сознательно избегали ставить перед немцами какие-либо вопросы. Только в августе 1942 года им было передано, что имеющийся у организации «Престол» передатчик пришел в негодность и требует замены. Вскоре в Москву пожаловали курьеры абвера. 24 августа 1942 года они пришли к тестю «Гейне», а затем встретились и с ним. Курьерами оказались предатели Станкевич и Шакуров. Они вручили «Гейне» новую рацию, батареи, блокноты для шифрования и деньги. Одеты они были в советскую военную форму и прибыли в Москву для совершения диверсий. К вечеру Эйтингон отдал приказ усыпить курьеров. Пока курьеры спали, их сфотографировали, обыскали, заменили патроны в револьверах на холостые. Утром им дали возможность погулять по Москве под плотным наружным наблюдением, а затем одного из них арестовали на вокзале, когда он пытался подсчитать воинские эшелоны. Второй курьер был арестован в доме женщины, с которой успел познакомиться.

«Гейне» сообщил немцам по радиации, что Станкевич и Шакуров благополучно прибыли, но новую рацию не доставили, так как она якобы

была повреждена при приземлении. 7 октября 1942 года абвер забросил еще двух курьеров, которые без лишнего шума были арестованы органами госбезопасности. «Гейне» информировал немцев, что и эти курьеры благополучно прибыли и приступили к выполнению задания. В дальнейшем радиоигра с немцами велась по двум линиям: по радиостанции «Гейне» от имени монархической организации «Престол» и по рации прибывших 7 октября 1942 года диверсантов, которые были перевербованы органами государственной безопасности. Руководство 4-го Управления учитывало тот факт, что прибывшие первыми агенты Станкевич и Шакуров имели указание вернуться назад. Было принято решение скомпрометировать одного из них. «Гейне» сообщил немцам по радио, что Шакуров «трусит, много пьет и становится для нас опасным». Абвер приказал его ликвидировать.

12 октября 1942 года немцы попросили «Гейне» передать сведения о месте работы членов организации «Престол». Агент ответил, что члены его организации работают в Москве и некоторых других городах. Абвер интересовало наличие членов организации в Ярославле, Муроме и Рязани. Немцы потребовали переслать им адреса и пароли для связи с этими лицами. Чтобы не вызвать подозрений, «Гейне» сообщил, что в названных городах организация «Престол» своих людей не имеет, однако располагает возможностью принять курьеров в Горьком. Немцы запросили адрес явочной квартиры и пароль. Игра с гитлеровской военной разведкой расширялась. Абвер высоко оценил работу «Гейне». 18 декабря 1942 года «Гейне» была передана шифровка из Берлина о том, что он и Станкевич (к тому времени он был перевербован советской контрразведкой и стал принимать активное участие в операции «Монастырь») награждены немецким Орденом с мечами за храбрость.

Вскоре «Гейне» информировал немцев, что его организация приобрела еще одну явочную квартиру. На самом деле в ней проживал сотрудник НКВД. Курьеры абвера все чаще прибывали в Советский Союз. Их встречали не только в Москве, но и в других городах, в том числе в Горьком, Свердловске, Челябинске, Новосибирске. Одному из курьеров даже разрешили вернуться обратно, чтобы подтвердить немцам, что организация «Престол» работает под контролем абвера.

Радиостанции «Гейне» и Станкевича продолжали передавать «важную стратегическую информацию», которая на самом деле готовилась в Генеральном штабе Красной армии для дезинформации германского военного командования.

Среди сведений, передаваемых за линию фронта, были донесения о

«важнейших решениях» Ставки, данные о совещаниях у маршала Шапошникова и другая информация. Шифровки «Гейне» высоко ценились в отделе «Иностранные армии Востока» германского Генерального штаба и учитывались при планировании операций на Восточном фронте.

«Гейне» активно передавал выгодные советскому командованию сведения о железнодорожных перевозках воинских частей, боеприпасов и военного снаряжения. Для подтверждения фактов о якобы проведенных организацией «Престол» диверсиях чекистами были организованы соответствующие публикации в прессе. Приходилось даже имитировать акты вредительства на железных дорогах страны, в частности под Горьким. В отдельных случаях, когда это было выгодно советскому командованию, «Гейне» передавал немцам и настоящую информацию определенного целевого назначения. В ее подготовке принимал непосредственное участие начальник оперативного управления Генерального штаба генерал С. М. Штеменко. Некоторые важные операции Красной армии на фронте действительно осуществлялись там, где их предсказывал «Гейне», но имели отвлекающее, вспомогательное значение.

Характерными в этом отношении стали дезинформационные мероприятия, проведенные через «Гейне» накануне Сталинградской и Орловско-Курской операций.

Так, перед контрнаступлением под Сталинградом Ставка Верховного командования довела до немцев стратегическую дезинформацию относительно направления главного удара Красной армии на Западном фронте. При разработке и подготовке Сталинградского котла Сталин 13 ноября 1942 года пригласил в Кремль членов Политбюро и членов Государственного Комитета Обороны. На этом совещании присутствовали также генералы Василевский и Жуков. При обсуждении плана контрнаступательной операции Жуков и Василевский обратили внимание присутствующих на то, что германское командование может перебросить в район Сталинграда на помощь группировке Паулюса часть своих войск из района Вязьмы. Чтобы этого не случилось, необходимо было дезинформировать германское командование относительно направления удара Красной армии, что наступление на советско-германском фронте планируется осуществить в районе Ржевского выступа.

На Жукова возлагалась задача подготовить наступление Калининского и Западного фронтов, чтобы убедить немцев, что именно здесь наносится главный удар. Действительно, появление Жукова на Западном фронте дезориентировало немецкое военное командование, которое сочло, что именно здесь Красная армия планирует перейти в контрнаступление. Более

того, сосредоточение стратегических резервов Красной армии в районе Москвы также укрепило немцев в этой мысли. На самом деле задача Жукова была более скромной: сковать силы немцев на этом участке фронта. Для перехода в контрнаступление у него было недостаточно сил и средств.

Германское командование стало срочно усиливать группировку своих войск в районе Ржевского выступа. Предупрежденные «Гейне» о том, что Красная армия готовит удар именно под Ржевом, немцы предприняли меры по его отражению, а с началом Сталинградской наступательной операции оказались не в состоянии перебросить из-под Ржева войска на помощь окруженной группировке генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. Сражение под Ржевом носило ожесточенный и затяжной характер, хотя контрнаступления здесь, как уже отмечалось, не планировалось. В наши дни отдельные средства массовой информации пытаются доказать, что Жуков под Ржевом потерпел поражение. Как мы видим, Жуков сумел блестяще выполнить поставленную перед ним задачу, сковав в районе Ржевского выступа немецкие войска, и тем самым способствовал их разгрому под Сталинградом. Следует отметить, что только под Сталинградом армии фашистского блока потеряли до полутора миллиона человек, то есть четверть всех сил, действовавших тогда на Восточном фронте.

Относительно летней кампании 1943 года «Гейне» информировал немцев о том, что советское командование планировало осуществить военные операции к северу от Курска и на Южном фронте. В результате переход советских войск в районе Курска и Орла к стратегической обороне, а затем к наступлению оказался для немцев неожиданным.

Интересно отметить, что стратегическая дезинформация, передававшаяся советскими разведчиками для гитлеровского командования в ходе операции «Монастырь», подчас возвращалась в органы госбезопасности от их источников в абвере и британской разведке. Так, в 1942 году внешней разведкой в одной из оккупированных немцами стран удалось наладить непродолжительное, но весьма продуктивное сотрудничество с одним из руководителей шифровальной службы абвера полковником Шмитом. До своего провала он успел передать нам ряд ценных разведывательных материалов абвера, полученных из Москвы. При анализе этих материалов было установлено, что они являются «информационными» сообщениями «Гейне».

Кроме того, британская разведка, имевшая свою агентуру в абвере, также получала по своим каналам материалы «Гейне», которые возвращались в Москву в виде агентурных донесений от члена

«Кембриджской пятерки» Энтони Бланта. Англичане настолько уверовали в то, что абверу удалось завербовать агента в окружении маршала Шапошникова, что даже Черчилль сообщил Сталину в 1943 году, что в Генштабе Красной армии есть немецкий агент.

Объем зашифрованной переписки «Гейне» с абвером, включавшей в себя помимо «информационных» материалов множество запросов и ответов по организационно-оперативным вопросам, составил три объемных, ныне архивных тома.

Оперативная игра «Монастырь» продолжалась до конца Великой Отечественной войны. В ходе операции органами государственной безопасности было разоблачено и задержано более пятидесяти агентов абвера, переброшенных к нам в тыл, семь немецких пособников в городе Москве, а также получено четыре радиостанции, из которых две введены в игру, и несколько миллионов рублей, предназначенных на активизацию деятельности легендированной чекистами церковно-монархической организации «Престол».

О ходе операции «Монастырь» народный комиссар государственной безопасности Союза ССР комиссар госбезопасности 1-го ранга Всеволод Меркулов доложил в Государственный Комитет Обороны 4 ноября 1944 года (сообщение НКГБ СССР № 4843/М).

За успешное содействие стратегическим операциям Красной армии руководители операции «Монастырь» Павел Судоплатов и Наум Эйтингон были награждены орденами Суворова 2-й степени, что в системе органов государственной безопасности было единственным раз. Серебрянский был удостоен второго ордена Красного Знамени. Сам «Гейне» — Александр Петрович Демьянов — получил орден Красной Звезды, его жена, Татьяна Георгиевна Березанцева, и ее отец — награждены медалями «За боевые заслуги».

Но эти награждения последовали уже в ноябре 1945 года. А пока наступил 1944-й. Война шла к концу, Красная армия подходила к государственной границе СССР. Близилась к завершению и одна из наиболее удачных операций разведывательных органов государственной безопасности военного периода — операция «Монастырь». Однако на совещании с руководством государственной безопасности, состоявшемся в Кремле 4 апреля 1944 года, Сталин предложил наркому Меркулову и начальнику диверсионно-разведывательного управления НКГБ Судоплатову изучить вопрос о продолжении радиоигры и расширении ее рамок.

Первоначально чекистами обсуждалась возможность заслать к немцам

координатора от «Престола». Прорабатывался также вопрос о повторном направлении «Гейне» за линию фронта. Сам «Гейне» предлагал направить одного из якобы активных членов организации «Престол» в качестве переводчика Красной армии в лагерь немецких военнопленных, с тем чтобы в дальнейшем организовать его «побег» совместно с несколькими немецкими офицерами. Явившись к немцам, этот переводчик должен был создать условия для более активной связи «Гейне» с абвером.

Операция «Монастырь» была продолжена. Теперь основные ее усилия были направлены на проведение дезинформационных мероприятий в отношении противника с целью достижения стратегических преимуществ на заключительной стадии Великой Отечественной войны.

В начале августа 1944 года «Гейне» был включен в новую оперативную игру с немецким командованием, разработанную органами государственной безопасности и получившую кодовое название «Березино». В очередной шифровке он информировал немецкую разведку о том, что переведен из группы связи Генштаба Красной армии в технические части с присвоением звания инженер-капитана. В связи с этим ему требовалась еще одна рация для продолжения связи из Москвы, где его функции будет выполнять другой радист, подготовленный организацией «Престол». Свою рацию он берет с собой и выйдет на связь из тех мест, где будет находиться по долгу службы. Таким образом, связь с абвером по линии операции «Монастырь» не прекращалась, а «Гейне» быстрыми темпами вводился в новую оперативную игру.

Венгерские мотивы в Карпатах

В годы войны Серебрянский лично участвовал в реализации многих разведывательных операций. Павел Судоплатов так характеризовал работу своего подчиненного: «За время Отечественной войны лично подготовил и перебросил в тыл противника несколько оперативных групп и агентв-одиночек, которые успешно справились с возложенными на них заданиями. Дисциплинированный, активный сотрудник. К порученной работе относится исключительно добросовестно».

Из воспоминаний Анатолия Яковлевича Серебрянского:

«В годы войны я видел папу очень мало. Причина банальная — режим папиной работы. Отец возвращался домой в 4–5 часов ночи, перед самым рассветом, несколько часов спал и в 10–11 часов утра вновь уезжал на работу. Иногда приезжал домой на час к обеду, чаще всего к 17 часам».

Такой ритм работы, о котором рассказывает его сын, не мог не сказаться на здоровье Серебрянского, прошедшего до этого тюремные застенки Лубянки и Лефортова. В 1942 году Яков Исаакович перенес инфаркт. Лежал в стационаре поликлиники НКВД, что в Варсонофьевском переулке в Москве. Врачи довольно быстро поставили его на ноги.

Портили настроение и другие «мелочи». Так, весной 1943 года, когда в органах государственной безопасности происходила замена специальных званий на общевойсковые, Серебрянскому присвоили звание «полковник», хотя подавляющее большинство старших майоров государственной безопасности стали генерал-майорами, к чему и приравнивалось это специальное звание. По всей видимости, в случае с Серебрянским сказалось то, что ранее он был репрессирован, приговорен к смертной казни и, возможно, вызывал сомнения у некоторых руководителей НКВД.

В ноябре 1943 года Серебрянского, занимавшего должность начальника отделения в 4-м Управлении НКВД СССР, перевели в особый резерв управления на должность руководителя группы, правда, на правах начальника отделения. Он лично подготовил и перебросил в тыл врага несколько оперативных групп и агентв-одиночек, которые успешно справились с поставленными задачами.

Но разведчик не придавал всем этим «мелочам» особого значения. Во всяком случае — внешне. Он продолжал активно работать над выполнением стоявших перед ним задач.

В этом небольшом разделе хотелось бы остановиться на судьбе одной

из разведывательно-диверсионных групп, созданной, тщательно подготовленной и переброшенной в тыл противника в Закарпатье Яковом Серебрянским и его сотрудниками. Командовал группой ровесник Серебрянского, которого он знал по совместной работе в Особом отделе ВЧК еще в 1921 году. А начиналась эта история так.

Вечером 18 августа 1943 года со взлетной полосы подмосковного аэродрома поднялся бомбардировщик Пе-8 и взял курс на юго-запад. Помимо экипажа в салоне находились семь разведчиков-парашютистов. Разведчики выглядели достаточно молодо, не старше тридцати лет. Лишь их руководителю Яну на вид было около пятидесяти. Группу молчаливо-сосредоточенных парашютистов сопровождали несколько сотрудников госбезопасности.

Наконец в салон выглянул штурман и подал знак: самолет над целью — склоном горы Менчул (Закарпатье). Старший лейтенант госбезопасности проворно открыл бортовую дверь. Первым шагнул в зияющую темень Ян. За ним по одному ушли остальные парашютисты. Сопровождавшие разведчиков чекисты сбросили в проем открытой двери грузовые контейнеры, и самолет взял курс домой.

Однако тщательно подготовленная спецоперация группы Яна началась не совсем так, как предполагалось. Порывистый ветер разметал группу, а часть парашютистов-разведчиков забросил на сосны над скалистым обрывом. Потребовались особая ловкость и изобретательность, чтобы, освобождая стропы парашюта, не сорваться в ущелье.

Потеряв немало времени, разведчики собрались наконец вокруг Яна. И здесь возникло первое осложнение.

Включенный в состав разведывательно-диверсионной группы офицер-словак Вацлав Цемпер при приземлении сломал ногу. Он должен был проникнуть в Братиславу (Словакия) и там, действуя самостоятельно, приступить к выполнению спецзадания.

Теперь оставалось только надеяться, что группе удастся добраться до конспиративной квартиры в одном из окрестных сел, где Вацлаву окажут медицинскую помощь и где он сможет дожидаться выздоровления.

Возникло еще одно непредвиденное обстоятельство. Выяснилось, что один контейнер с одеждой, снаряжением и рацией отнесло на окраину близлежащего села, где размещались жандармы. Как только они обнаружат грузовой мешок, то сразу же организуют преследование и окружат гору, где высадился десант.

Ян приказал немедленно уходить из опасного района. Вытянувшись в цепочку на едва приметной каменистой тропе и поддерживая сильно

хромавшего Вацлава, бойцы устремились с горы.

Жандармы прибыли, когда на горе уже никого не было, но они не прекратили поиска. В Будапешт было отправлено срочное сообщение об обнаружении высадки вражеского десанта и о том, что жандармерия организует его преследование.

Ну а теперь пришло время немного рассказать о Яне — командире разведывательно-диверсионной группы, которого судьба на шестом десятке лет забросила в Карпатские горы. Оперативным псевдонимом Ян в советской разведке пользовался большевик и чекист-интернационалист венгр Ференц Патаки.

Ференц Владиславович Патаки родился 1 декабря 1892 года в небольшом местечке Геркулеш-Фюрде (Румыния) в семье столяра. С пяти лет остался сиротой, воспитывался в детском католическом приюте «Гизелла» в расположенном поблизости городе Тимишоаре. В 1906 году окончил четырехклассное городское училище и был отправлен в учительскую семинарию на средства муниципалитета. Однако найти место учителя в Будапеште Ференцу не удалось, и в 1911 году он поступил на завод подмастерьем. Помимо родного венгерского он освоил немецкий и английский языки.

В 1913 году Патаки был призван на военную службу. Окончил офицерскую школу, после которой в чине прапорщика с мая 1915 года находился на фронте.

В результате наступления российских войск (Брусиловский прорыв) попал в плен под городом Перемышлем и был отправлен сначала в Симбирский, а затем в Красноярский лагерь военнопленных. Здесь, в далекой Сибири, он овладел русским и французским языками, сблизился с местными социал-демократами, участвовал в подпольном революционном движении.

Освобожденный из плена Февральской революцией, Ференц организовал и редактировал венгерскую газету «Красный факел», сотрудничал в немецкой газете «Вперед». В марте 1918 года вступил в РКП(б), стал членом бюро секции иностранных коммунистов при Красноярском губ-коме РКП(б). В Красноярске вступил в Красную гвардию, создал интернациональный отряд из бывших военнопленных, участвовал в боях с мятежными частями чехословацкого корпуса.

Вскоре был захвачен в плен белогвардейцами-колчаковцами. Чехословацкий военно-полевой суд приговорил его к расстрелу. В числе 250 заложников оказался «в эшелоне смерти», который следовал на восток к атаману Семенову для расправы. Черемховские рабочие дружины и

партизаны сумели на станции Забитуй остановить эшелон и спасти смертников. Патаки вместе с местными активистами и венгерским интернационалистом Э. Радо, тоже узником «эшелона смерти», вошел в штаб по руководству действиями партизан, объединивший отряды всего Черемховского бассейна. Именно этим отрядам удалось задержать «золотой эшелон» и вместе с наступающими частями Красной армии с помощью местных шахтеров и железнодорожников способствовать возвращению в казанские кладовые большей части захваченного золотого запаса страны, который отступавшие части Колчака, используя охрану мятежного чехословацкого корпуса, пытались вывезти за рубеж.

После освобождения Сибири Патаки перешел на чекистскую работу. А когда ВЧК запросила прислать для работы в Центре сотрудника, имеющего опыт борьбы с бандитизмом, выбор пал на него. 27 сентября 1920 года Патаки был назначен помощником уполномоченного Секретного отдела ВЧК, сотрудником для особых поручений. 19 ноября 1921 года стал начальником отдела по борьбе с бандитизмом. В то время это была очень важная проблема. Видную роль в ее решении играли войска ВЧК. В связи с этим президиум ВЧК признал целесообразным совместить руководство отделом по борьбе с бандитизмом и руководство войсками в одних руках. Патаки стал начальником Управления войск ВЧК. До конца июля 1922 года он исполнял две должности.

Патаки проявил себя крупным организатором, провел большую работу по реорганизации войск ГПУ, сокращению их численности и сохранению боеспособности, закреплению опыта боевой и служебной деятельности. Новая структура войск была изложена в приказе войскам ГПУ Республики № 191 от 9 июня 1922 года.

Одновременно Патаки вел большую общественную работу, в 1921 году был избран депутатом Моссовета от 36-го отдельного батальона войск ВЧК.

1 августа 1922 года Ференц Патаки назначен помощником начальника контрразведывательного отдела ГПУ, на него возложено руководство охраной госграниц. Он подготовил доклад о необходимости сосредоточить все вопросы, связанные с охраной государственных границ, в ГПУ. Доклад был одобрен начальником КРО А. Х. Артузовым, свои соображения по этому вопросу Ф. Э. Дзержинский представил В. И. Ленину и получил его одобрение. Постановлением правительства от 27 сентября 1922 года охрана границ была возложена на ГПУ. С этой целью был создан Отдельный пограничный корпус, командиром которого по совместительству назначается начальник КРО ГПУ А. Х. Артузов.

23 апреля 1923 года Ференц Патаки по состоянию здоровья освобождается от службы в ГПУ. Начальник КРО дает ему следующую характеристику: «Знаю товарища Патаки по работе с 1920 года как весьма энергичного, неутомимого работника, дисциплинированного и обладающего большой личной инициативой, и прекрасного товарища. Патаки принадлежит значительная доля заслуг в ликвидации бандитизма... Исключительно болезнь заставила тов. Патаки сделать перерыв в работе в ГПУ».

Этот перерыв длился 20 лет. Забегая вперед скажем, что совместная работа с Артузовым и другими видными чекистами, впоследствии объявленными «врагами народа», отразилась и на судьбе Ференца Патаки.

Наступил период его активной административно-хозяйственной деятельности. Патаки был направлен в Туркестан на восстановление текстильного производства, работал заместителем директора текстильной фабрики в Ташкенте. Учился на экономическом отделении Среднеазиатского государственного университета.

В 1924 году по приглашению Ф. Дзержинского Патаки вернулся в Москву и поступил на работу в ВСНХ, где возглавил ревизионную комиссию по текстильному производству, затем работал во главе аналогичной комиссии треста «Москвауголь». Он стал экономистом высшей квалификации. В 1927–1929 годах работал заместителем ректора Коммунистического университета трудящихся Востока. Здесь пригодилось его знание языков. В 1929–1930 годах трудился в аппарате ЦК ВКП(б), учился в Академии снабжения. Внес свой вклад в развитие киноиндустрии: руководил московским трестом «Совкино», затем Совэкрэн, четыре года занимал должность заместителя директора Межрабпомфильма.

Но тут Патаки настиг неожиданный удар. В 1938 году по клеветническому обвинению в связях с троцкистами он был исключен из партии, в вину ему поставили то, что он «не сумел своевременно распознать подлинные политические лица» некоторых своих знакомых.

С началом Великой Отечественной войны Патаки решил с оружием в руках защищать Советский Союз, ставший для него новой родиной. Он обратился с заявлением в ЦК ВКП(б) и НКВД СССР, предложив использовать его возможности, богатый жизненный и чекистский опыт, а также свободное владение немецким, венгерским и румынским языками для разведывательно-диверсионной работы в тылу противника. В феврале 1942 года Патаки пригласили на Лубянку и закрепили за отделением Серебрянского, в котором ему поручили работу среди захваченных в плен венгерских хортистских военнослужащих.

В начале 1943 года Патаки предложили возглавить разведывательную группу. Началась интенсивная подготовка группы, проводившаяся 3-м отделением 4-го Управления НКВД, которым руководил Яков Серебрянский.

Для группы Яна требовались одежда и нижнее белье, оружие и снаряжение, медикаменты и продукты питания иностранного производства. Все это подбиралось на складах того же 4-го Управления НКВД. Группе выделили четыре рации: две, работавшие в радиусе до двух тысяч километров, и две — с дальностью до 800 километров. Были изготовлены все необходимые документы.

Яков Серебрянский лично подобрал в группу Яна пять человек. Это были уроженцы Закарпатья — русины, закарпатские украинцы, свободно говорившие на местном языке, а также по-венгерски и по-словацки. Некоторые из них как интербригадовцы были обстреляны в ходе гражданской войны в Испании, побывали в эмиграции на угольных копях Бельгии.

На роль заместителя начальника группы был подобран зрелый боец-интернационалист Шугай, обладавший большими организаторскими способностями. Это было тем более важно, что в дальнейшем предусматривалось оставить в Карпатах заместителя, радиста и двух связников, а самому Яну с одним из радистов уйти в Будапешт.

Потребность в разведывательной информации из данного региона была огромной. Поэтому перед группой ставились задачи не только диверсионного, но и информационного плана. Так, в задании для Яна предусматривался, например, сбор информации о политическом курсе правительства Венгрии и намечавшихся в нем изменениях в связи с осложнением общей военно-политической обстановки, о деятельности политических партий, группировок и видных общественных деятелей страны, в том числе об их отношении к правительству, о проявлении недовольства венгерского населения политикой правительства и его деятельностью. Москву также интересовали отношения Венгрии с соседней Румынией.

В Центре не могли не понимать, что такое информационное задание для группы в условиях боевой обстановки является слишком сложным, но требования решили не снижать.

В ночь на 19 августа 1943 года разведгруппа «Закарпатцы» во главе с Ф. Патаки была доставлена в район Ужгорода, установила связи с местными подпольщиками и приступила к партизанским действиям.

Обосновавшись в районе Ужгород — Мукачево — Севлюша — Хуст,

группа Яна пополнилась до 190 человек за счет местных партизан и скоро дала о себе знать: под откос полетели первые военные эшелоны, в том числе с материалами и оборудованием, предназначенными для строительства оборонительного вала на пути Красной армии.

Затем Ян и радист перебрались в Будапешт и разместились на конспиративной квартире. Ян наводил справки об интересовавших его лицах, заводил знакомства, с интересом приглядывался к городу, который покинул более тридцати лет назад.

Тем временем жандармы в Карпатах активизировались, чтобы пресечь деятельность диверсионно-разведывательной группы. Агентура жандармерии вычислила конспиративную квартиру в поселке Хуст. В ходе нападения на окруженных в доме разведчиков-партизан часть из них была перебита, а уцелевшие уведены в районное отделение жандармерии. Одновременно были проведены массовые аресты местного населения, подозреваемого в связях с партизанами. Побоями и пытками жандармы вырвали у арестованных сведения о том, что руководит антифашистским подпольем на территории Закарпатской Украины некто «Фери-Бачи» (дядя Федя), «Федор Владимирович», «Попович» — имена, под которыми действовал Патаки. Однако его адреса в Будапеште никто из связных не выдал.

Жандармам помогла случайность. В марте 1944 года по распоряжению Гитлера войска вермахта оккупировали Венгрию в наказание за сепаратные переговоры с англо-американскими союзниками. На дорогах были выставлены смешанные немецко-венгерские контрольно-пропускные пункты. Михаил, радист Яна, после очередного радиосеанса с Центром, который он проводил за городом, возвращался в Будапешт, но был задержан на заставе. Он был в форме венгерского солдата, с правильно оформленным отпускным удостоверением, не вызывающим подозрения. Рация помещалась в обычном с виду чемодане. На требование жандармов открыть чемодан Михаил ответил, что он принадлежит офицеру, у которого находится и ключ, но, если надо, он готов сходить за ним. Жандармы забрали чемодан и потребовали, чтобы за ним явился офицер.

Разведчики недооценили противника и поплатились за свою ошибку.

На другой день за чемоданом с доверенностью, имевшей необходимые подписи и печати, отправился венгр Сукич, один из связников Патаки. Сам командир наблюдал за комендатурой с улицы.

Едва войдя в комендатуру, Сукич увидел на столе открытый чемодан и в нем рацию. Реакция была мгновенной: разведчик выбил окно и, выпрыгнув наружу, побежал с площади. Патаки, наблюдавший за ним,

бросился в противоположную сторону. Его заметили и скоро догнали.

Патаки был помещен в Мараморошскую тюрьму, известную тем, что живым из нее никто не выходил. Разведчика ежедневно пытали, сулили золотые горы, если он встанет на путь предательства. Но все было тщетно. Следователи только узнали, что его зовут Федором и что он заброшен из Советского Союза. И ничего больше.

Не добившись нужных показаний, следователи направили его дело в суд. 30 августа 1944 года суд приговорил Федора к смертной казни.

Под ударами Красной армии немецко-венгерские войска откатывались на запад. Всех узников Марамороша эвакуировали в Шопрон, город на венгеро-австрийской границе.

Казнили отважного разведчика 4 ноября 1944 года на территории городской тюрьмы.

Много лет спустя на месте казни Ференца Патаки был установлен памятник. Его имя высечено на мраморе мемориала — Пантеоне героев в Будапеште.

23 июня 1983 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ, который гласил: «За мужество и героизм, проявленные в борьбе за установление Советской власти в Сибири и при выполнении задания советского командования в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, наградить Патаки Ференца Владиславовича орденом Красного Знамени (посмертно)».

Оперативная радиоигра «Березино»

Итак, в результате оперативной игры со спецслужбами гитлеровской Германии, носившей кодовое наименование «Монастырь», одним из активных действующих лиц которой являлся агент НКВД — НКГБ Александр Петрович Демьянов (оперативный псевдоним — «Гейне»), до немецкого военного командования и руководства абвера доводилась выгодная Генеральному штабу Красной армии направленная дезинформация стратегического характера.

В начале августа 1944 года «Гейне» был подключен к проведению новой оперативной игры, получившей кодовое название «Березино». Операцию разработал начальник 3-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР полковник Маклярский.

«Я поддержал идею операции, — писал позже в своих воспоминаниях генерал Судоплатов. — Планировалась заманчивая радиоигра с немецким Верховным командованием. О ее замысле во исполнение указания Ставки было доложено лично Сталину, Молотову и Берии. Санкция на проведение операции была получена.

Для непосредственного руководства этой операцией в Белоруссию на место событий выехали офицеры, которым предстояло ею руководить: Эйтингон, Маклярский, Серебрянский, Фишер и Мордвинов».

А начиналась оперативная игра «Березино» так.

Летом 1944 года «Гейне» был командирован в освобожденный Минск. Вскоре он сообщил в Москву, что, по некоторым сведениям, в белорусских лесах скрываются попавшие в окружение разрозненные группы немецких солдат и офицеров. Это соответствовало действительности. После успешной наступательной операции «Багратион» солдаты и офицеры разгромленных немецких частей в массовом порядке выходили на магистральные шоссе, складывали оружие и сдавались в плен.

Это обстоятельство было использовано руководством 4-го Управления НКГБ СССР для продолжения радиоигры с немцами. По согласованию с Генштабом было решено довести до немецкого командования информацию о том, что в тылу Красной армии действуют остатки немецких войск, попавшие в окружение. Замысел заключался в том, чтобы ввести германское командование в заблуждение, заставить его использовать свои ресурсы на поддержку этих частей и побудить их сделать серьезную попытку пробиться к своим. В данном случае немцы были бы вынуждены

открыть один из участков фронта для прохода «окруженцев», в который можно было бы ввести заранее подготовленное и соответствующим образом экипированное соединение Красной армии.

18 августа 1944 года «Гейне» информировал немцев о том, что в Белоруссии в районе реки Березины будто бы скрывается крупная немецкая воинская часть численностью более двух тысяч человек, потерявшая связь со своим командованием и испытывающая нужду в продовольствии, медикаментах и боеприпасах. Немецкие солдаты и офицеры якобы стремятся прорваться за линию фронта.

Командование вермахта приняло решение оказать помощь своим военнослужащим. Таким образом, операция «Березино» явилась логическим продолжением операции «Монастырь». Возглавлять комплекс оперативных мероприятий по данной операции, включая координацию действий с белорусскими чекистами, было поручено заместителю начальника диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР полковнику Науму Эйтингону.

По инициативе Эйтингона была сформирована специальная оперативная группа сотрудников 4-го Управления НКГБ и направлена в район Березино. Группе было поручено подобрать подходящее место из числа бывших партизанских баз, где якобы укрывается легендируемая немецкая часть. Необходимо было подготовить площадки для приема груза и парашютистов, а также на случай возможного приземления немецких самолетов. Оперативной группе предстояло обеспечить встречу немецких десантников, в том числе и радистов, принимать сброшенные немцами грузы и осуществлять другие мероприятия, связанные с проведением данной операции.

Помимо чекистов в оперативную группу были включены агенты-немцы, бывшие военнопленные, одетые в форму германской армии, 20 автоматчиков Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКГБ СССР и военнопленный немецкой армии подполковник Шерхорн, которому предстояло сыграть роль командира легендированной части.

Из оперативной справки

«Подполковник Генрих Шерхорн, кадровый офицер, по профессии администратор коммунального имущества. Член НСДАП с 1933 года.

Командовал охранным полком одной из дивизий, входивших в состав группы немецких армий «Центр». Взят в плен 9 июля 1944 года в районе Минска. В период пленения был настроен пессимистично, в победу Германии не верил.

Завербован органами государственной безопасности. Оперативный

псевдоним — «Шубин».

Из материалов оперативного дела на «Шубина» следовало, что вербовал его лично начальник диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР генерал-лейтенант Судоплатов.

На роль командира части Шерхорн был выбран в связи с тем, что его охранный полк и он сам были мало известны в вермахте, что позволяло Центру использовать его в оперативной игре с противником.

Специальная оперативная группа 4-го Управления НКГБ оборудовала расположение легендированной немецкой части во главе с Шерхорном на бывшей партизанской базе на восточном берегу озера Песочное, у деревни Глухое Червенского района Минской области.

Ответа из Берлина долго не было. Как стало известно позже, получив телеграмму «Гейне», германское командование дало указание контрразведке тщательно проверить по своим каналам личность подполковника Генриха Шерхорна. В случае положительных результатов планировалось использовать подразделение известного диверсанта Отто Скорцени, который намеревался под видом рабочих батальонов военнопленных передислоцировать свой отряд к линии фронта со стороны советских войск и совместно с отрядом Шерхорна ударить в тыл частям Красной армии. Однако на начальном этапе от этого варианта решили отказаться.

В конечном итоге было принято решение сделать на «окруженцев» ставку как на возможный будущий очаг военных действий в тылу Красной армии в случае, если удастся остановить тотальное советское наступление, а пока использовать их для диверсий на армейских коммуникациях и разнообразных мелких ударов тактического характера.

25 августа 1944 года «Гейне» получил ответную телеграмму: «Благодарим за ваши сообщения. Просим связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы послать радиста, который мог бы оттуда связаться со здешними руководящими органами. Для этого мы должны знать местонахождение этой части, чтобы наш радист мог найти ее, и место, подходящее для сброски груза.

Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан, так как придет в обмундировании Красной Армии.

Пароль — Ганновер».

В тот же день в район озера Песочное для руководства операцией на месте выехала группа из шестнадцати ведущих оперативных сотрудников

4-го Управления НКГБ во главе с Эйтингоном. В ее состав входили опытные сотрудники внешней разведки полковники Михаил Маклярский, Георгий Мордвинов и Яков Серебрянский, а также майор Вильям Фишер, ставший в 1960-е годы известным под именем Рудольфа Абея. Группе были приданы дополнительно десять надежных агентов из числа немцев, которые должны были принимать парашютистов в качестве солдат «части» Шерхорна.

«Гейне» начал действовать. Для абвера он пользовался легендой, что в последнее время был «прикомандирован» к 51 — му отдельному дорожно-строительному отряду, расположенному в местечке Березино, что в 100 километрах западнее города Могилева. Уже 7 сентября он направил немцам радиogramму об «установлении контакта с воинской частью подполковника Шерхорна», сообщил ее координаты и подтвердил пароль. Одновременно им были переданы некоторые биографические данные на Шерхорна для подтверждения легенды встречи с ним. «Гейне» также информировал Берлин, что для сброски грузов и посадки самолетов «окружении» подобрали в районе озера Песочное удобную площадку — бывший партизанский аэродром, о котором немцам было известно в период оккупации Белоруссии.

Об информации «Гейне» было доложено Гитлеру и Герингу, которые дали указание сообщить Шерхорну, что со стороны Берлина будет предпринято все возможное для спасения его отряда, и распорядились оказывать отряду всемерную помощь боеприпасами, продуктами и медикаментами.

В ночь на 16 сентября 1944 года чекистами были задержаны два парашютиста, которые на допросе рассказали, что по приказу штаба группы армий «Центр» направлены для установления связи с окруженной немецкой воинской частью. В дальнейшем немецкое командование неоднократно забрасывало своих военнослужащих в советский тыл для оказания помощи «немецкой группе в Белоруссии», регулярно направляло ей продовольствие и боеприпасы. Прибывавшие сотрудники абвера перевербовывались чекистами и включались в радиоигру с немецким командованием под контролем сотрудников оперативной группы.

В конце сентября 1944 года командующему группой немецких армий «Центр» генерал-полковнику Рейнгарду была доложена очередная информация, полученная от «Гейне». Согласно содержащимся в ней сведениям часть подполковника Шерхорна насчитывала более 1500 человек, в том числе 200 русских — бывших полицейских, спасавшихся от возмездия. Отряд Шерхорна якобы был разбит на группы в целях

мобильности и скрытности действий. Группы под командованием майора Дитмана, подполковников Шиффера, Михаэлиса и Эккардта (на самом деле все они были завербованы чекистами) продвигаются к линии фронта для соединения с частями вермахта.

С декабря 1944 года связь с вермахтом осуществлялась уже по трем каналам. Чтобы не допустить посадки немецких самолетов в районе дислокации легендированной части, «Гейне» по заданию Эйтингона направлял германскому командованию сообщения о мнимых боевых столкновениях отряда Шерхорна с подразделениями Красной армии. В начале марта 1945 года «Гейне» радировал в абвер о выходе передовых групп отряда подполковника Шерхорна к границе с Литвой. Для обеспечения продвижения «соотечественников» в Восточную Пруссию командование вермахта направило Шерхорну большую группу своих агентов, состоявшую из поляков, которые по прибытии в СССР были арестованы сотрудниками НКГБ.

Верховное командование германской армии присылало лично Шерхорну, а также солдатам и офицерам его «части» по случаю праздников поздравления с благодарностью за службу. Однажды с грузом боеприпасов были присланы боевые награды — Железные кресты с незаполненными бланками удостоверений к ним. Шерхорну предоставлялось право по своему усмотрению наградить отличившихся.

Как рассказывали позже очевидцы, заместитель руководителя оперативной группы полковник Георгий Мордвинов построил одно из подразделений обеспечения операции в две шеренги и раздал Железные кресты первой из них. Затем отдал команду «кругом» и, когда строй повернулся, приказал шеренге с крестами прикрепить их к штанам стоящих впереди в районе мягкого места.

— До конца дня так и ходить, не снимать! — перед тем как распустить строй, отдал Мордвинов последнее распоряжение.

Присутствовавший при этом Эйтингон, которого Мордвинов не посвятил в свое намерение перед построением, хохотал — не мог остановиться.

28 марта 1945 года подполковник Шерхорн получил телеграмму за подписью начальника штаба немецких сухопутных войск генерал-полковника Гудериана, в которой говорилось, что ему присвоено звание полковника и что он награжден Рыцарским крестом 1-й степени. Одновременно ему было приказано прорываться со своей частью через линию фронта, а затем следовать в Польшу и Восточную Пруссию. Однако войска Красной армии стремительно продвигались на запад, и «часть»

Шерхорна никак не могла их «догнать» — бои шли уже на территории Германии.

1 мая 1945 года немцы сообщили Шерхорну, что Гитлер погиб, а 5 мая по всем радиостанциям, участвовавшим в оперативной игре «Березино», передали последнюю радиограмму:

«Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправке снабжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем также больше поддерживать с вами радиосвязь. Что бы ни принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с вами, которым в такой тяжелый момент приходится разочаровываться в своих надеждах». Это был конец оперативной игры.

Из архивной справки по делу «Березино», составленной 8 марта 1947 года:

«Агентурное дело «Березино» заведено в сентябре 1944 года в целях радиоигры с немецкими разведорганами и верховным командованием германской армии о наличии якобы крупных соединений немецко-фашистских войск в районе Березино Белорусской ССР.

Для поддержания морального и боевого духа своих солдат и офицеров в советском тылу германское главное командование систематически перебрасывало в указанный район с самолетов свою агентуру и различные грузы.

Так, с сентября 1944 года по май 1945 года немцами в советский тыл было совершено 39 самолето-вылетов и выброшено 22 германских разведчика, которые были арестованы 4-м Управлением НКГБ СССР, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и один миллион семьсот семьдесят семь тысяч рублей советских денег.

Агентурное дело «Березино» состоит из 117 томов и двух альбомов, в которых сосредоточены материалы, относящиеся к этому делу».

В начале 1950-х годов Генрих Шерхорн и его помощники из числа немецких военнопленных были освобождены и уехали в ГДР.

Александр Петрович Демьянов, как и до войны, жил в Москве и был связан с кинопрокатом. Скончался он в 1978 году и похоронен на Немецком кладбище.

5 ноября 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Науму Исааковичу Эйтингону за успешно проведенную операцию было присвоено звание генерал-майор. Яков Исаакович Серебрянский в том же году был награжден вторым орденом Красного Знамени и медалью

«Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Гроссадмирал Эрих Редер

Один из заключительных эпизодов боевой деятельности Якова Серебрянского в разведке в период Великой Отечественной войны связан с личностью гроссадмирала Эриха Редера, командующего ВМФ Германии в 1928–1943 годах.

Известный немецкий флотоводец Эрих Йоханн Альберт Редер родился 24 апреля 1876 года в небольшом городке Вандсбек неподалеку от Гамбурга в семье школьного учителя.

В мае 1895 года он начал службу кадетом в имперском флоте. В октябре 1897 года в чине младшего лейтенанта назначен вахтенным офицером на броненосец. В 1905 году он уже капитан-лейтенант. Окончил военно-морскую академию, причем три месяца находился в России, где изучал русский язык. Некоторое время служил штурманом на броненосце береговой обороны.

В 1906 году перешел в Управление информации ВМС, где заведовал зарубежной прессой и редактировал журнал «Морское обозрение» и ежегодник «Наутилус». С 1910 года служил штурманом наливной яхте Вильгельма II, чем впоследствии гордился, так как являлся монархистом.

В апреле 1911 года произведен в старшие офицеры — в корветген-капитана (капитан 3-го ранга).

В годы Первой мировой войны Редер спланировал несколько успешных операций по постановке мин у берегов Великобритании. Участвовал в боевых действиях. Награжден двумя Железными крестами. С 1917 года — начальник штаба командующего крейсерскими силами адмирала фон Хиппера. С октября 1918 года — начальник Центрального бюро командования ВМС.

Весной 1920 года Редер поддержал так называемый Капповский путч — мятеж консервативных сил против правительства Веймарской республики, начавшего сокращение численности германских вооруженных сил. Он был снят с поста начальника Центрального бюро командования ВМС и переведен в архив ВМС.

За годы работы в архиве Редер опубликовал ряд научных работ, став крупнейшим специалистом по крейсерским операциям флота. Владел английским, французским и русским языками.

С 1922 года — контр-адмирал. В октябре 1924 года назначен командующим крейсерскими силами Северного моря. С 1925 года — вице-

адмирал. В январе 1925 года назначен командующим Балтийским военно-морским районом.

В августе 1927 года в Германии вскрылось тайное финансирование строительства кораблей, запрещенное Версальским договором. Скандал повлек смену командования. В результате 1 января 1928 года Редер стал начальником военно-морского командования, а 1 октября с согласия рейхстага произведен в адмиралы.

Редер поддержал приход к власти нацистов. Возлагая надежды на развитие флота, он приветствовал программу его перевооружения. Тем не менее он пытался оградить ВМФ от нацистского влияния, старался сохранить кастовость офицерского корпуса, настаивал на том, чтобы на флоте не было агентов гестапо.

С 1935 года — главнокомандующий ВМФ. В 1937 году стал почетным членом НСДАП. 1 апреля 1939 года Редеру было присвоено звание гроссадмирала.

В этом же году Редер вступил в конфликт с Гитлером по поводу назначения военно-морского адъютанта фюрера. Этот конфликт сильно испортил их отношения.

После начала Второй мировой войны Редер провел минирование английских вод и начал крейсерские операции в Атлантике. Являлся инициатором и руководителем плана оккупации Норвегии. 30 сентября 1939 года награжден Рыцарским крестом.

В ходе войны немногочисленный германский флот понес большие потери. 6 января 1943 года Гитлер приказал Редеру расформировать надводный флот, после чего последний потребовал отставки и 30 января был заменен Карлом Дёницем.

В мае 1945 года Редер был взят в плен советскими войсками и переправлен в Москву.

Якову Серебрянскому было поручено попытаться привлечь Редера к сотрудничеству. Эту задачу разведчик решал с позиций немецкого бизнесмена, также интернированного в СССР и проживавшего «под домашним арестом» на даче П. А. Судоплатова. Серебрянский блестяще справился с заданием. Ему удалось добиться согласия Редера на восстановление его контактов и связей в высших политических, военных и промышленных кругах послевоенной Германии.

Редеру было обещано, что Советский Союз не будет предъявлять ему обвинений как военному преступнику в рамках Нюрнбергского процесса. «Это было стратегически взаимовыгодное сотрудничество, а не банальная вербовка осведомителя из числа генералитета», — подчеркивали в своей

работе историки спецслужб И. Линдер и С. Чуркин. Но дальше события развивались уже не по сценарию разведки.

В конечном счете Редер был выдан англо-американским союзникам наряду с другими плененными немецкими военачальниками в обмен на бывшего царского генерала Краснова, который активно сотрудничал с фашистским режимом.

В ходе Нюрнбергского процесса Эрих Редер был приговорен к пожизненному заключению, которое он отбывал в берлинской тюрьме Шпандау.

После нескольких лет пребывания в тюрьме Редер ходатайствовал о замене пожизненного заключения на расстрел. Однако контрольная комиссия нашла, что «не может увеличивать меру наказания».

17 января 1955 года Эрих Редер был освобожден из тюрьмы по состоянию здоровья. Написал мемуары «Моя жизнь». После выхода из тюрьмы выехал в Западную Германию, жил в Липпштадте (Вестфалия). Скончался в Киле (ФРГ) 6 ноября 1960 года.

Глава восьмая

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Серебрянский никогда не считал себя героем. Он просто честно делал свою сложную, незримую работу, как того требовала государственная безопасность страны.

Юрий Колесников, Герой Российской Федерации, сотрудник СГОН

Пенсионер Серебрянский

Деятельность разведчиков, в период Великой Отечественной войны входивших в состав разведывательно-диверсионных отрядов и групп НКВД СССР, а также их руководителей в тылу врага и в центральном аппарате 4-го Управления, получила высокую оценку Маршала Советского Союза Георгия Жукова. «Безусловно, благодаря блестящей работе советской разведки весной 1943 года, — писал он, — мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением... Хорошо работающая разведка <...> была одним из слагаемых в сумме прочих, обеспечивающих успех этого величайшего сражения».

Оценивая действия советских разведчиков и партизан, советскому полководцу вторил гитлеровский генерал Гейнц Гудериан: «Малая война за линией фронта оказала решающее влияние на исход целых сражений, например в 1944 году на центральном участке Восточного фронта».

Эти оценки можно по праву отнести и к Якову Исааковичу Серебрянскому, занимавшемуся в период Великой Отечественной войны формированием и подготовкой разведывательно-диверсионных отрядов и групп, засылаемых в тыл врага.

За конкретные заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками полковник Серебрянский был удостоен второго ордена Красного Знамени (1945) и второго ордена Ленина (1946), а также медалей «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, «За оборону Москвы» и «За победу над Германией».

После окончания войны всем казалось, что теперь наступят новые, более счастливые времена. Но полковника Серебрянского вновь ждали суровые испытания.

15 марта 1946 года в Советском Союзе произошла реорганизация наркоматов в министерства, в результате которой было образовано Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР.

Как мы помним, в 1920—1930-е годы Серебрянский активно создавал агентурную сеть в боевом сионистском движении на Ближнем Востоке. Однако в 1938 году, в связи с арестом Якова Исааковича и большинства его сотрудников, агентурные позиции советской разведки в Палестине были свернуты. Во время Великой Отечественной войны Серебрянскому по личной инициативе удалось кое-что восстановить через Еврейский антифашистский комитет. Но это лишь кое-что. В то же время в начале

апреля 1946 года старые контакты разведки в данном регионе оказались срочно востребованы.

Дело заключалось в том, что два заместителя министра иностранных дел — А. Я. Вышинский и В. Г. Деканозов — направили в правительство докладную записку, в которой высказали обоснованные опасения относительно того, что намечившееся создание в Палестине еврейского государства может произойти без участия Советского Союза. А это было крайне нежелательно. Ведь, во-первых, участвуя в создании еврейского государства, СССР мог бы усилить свое влияние на Ближнем Востоке. И во-вторых, нельзя было допустить усиления британских позиций в этом регионе.

4-е Управление МГБ получило указание восстановить разведывательные позиции в Палестине, чтобы можно было контролировать ситуацию. Яков Серебрянский начал разрабатывать план операции, но в дело вновь вмешался «его величество случай».

4 мая 1946 года министром государственной безопасности СССР был назначен генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов — тот самый Абакумов, который руководил следствием арестованного в ноябре 1938 года Серебрянского и на представленных документах которого Берия наложил резолюцию: «Тов. Абакумову! Хорошенько допросить!» В том же мае Абакумов был назначен членом Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам.

В своих мемуарах Павел Судоплатов по этому поводу писал: «Через неделю Эйтингона и меня вызвали к Абакумову.

— Почти два года назад, — начал он, — я принял решение никогда с вами не работать. Но товарищ Сталин, когда я предложил освободить вас от выполняемых вами обязанностей, сказал, что вы должны продолжать работать в прежних должностях. Так что, — заключил новый министр, — давайте срабатываться.

Сперва мы с Эйтингоном почувствовали облегчение — подкупила его искренность. Однако последующие события показали, что нам не следовало слишком предаваться благодушию.

Через несколько дней нас с Эйтингоном вызвали на заседание специальной комиссии ЦК ВКП(б), на котором председательствовал новый куратор органов безопасности секретарь ЦК Алексей Кузнецов.

Комиссия рассматривала «преступные ошибки» и случаи служебной халатности, допущенные прежним руководством Министерства госбезопасности. Это было обычной практикой: всякий раз при смене руководства в министерствах (обороны, безопасности или иностранных

дел) Центральный комитет назначал комиссию для рассмотрения деятельности старого руководства и передачи дел.

Среди вопросов, которые изучала комиссия Кузнецова, был и такой: приостановление предшественником Абакумова наркомом государственной безопасности Всеволодом Меркуловым в 1941–1945 годах уголовного преследования сторонников Троцкого. Неожиданно всплыли мои и Эйтингона подозрительные связи с известными «врагами народа» — руководителями разведки ОГПУ — НКВД в 1930-е годы.

Абакумов прямо обвинил меня и Эйтингона в «преступных махинациях»: мы вызволили своих «друзжков» из тюрьмы в 1941 году и помогли им избежать заслуженного наказания.

Сказанное возмутило меня до глубины души: речь шла о клевете на героев войны, людей, преданных нашему делу. Охваченный яростью, я резко оборвал его.

— Не позволю топтать сапогами память героев, погибших в войне, тех, которые проявили мужество и преданность своей Родине в борьбе с фашизмом. В присутствии представителя Центрального комитета я докажу, что дела этих чекистов были сфабрикованы в результате преступной деятельности Ежова, — заявил я в запальчивости.

Кузнецов (он знал меня лично), вмешавшись, поспешил сказать, что вопрос закрыт. Обсуждение на этом закончилось, и я ушел.

Вернувшись к себе, я тут же вызвал в кабинет Серебрянского, Зубова, Прокопюка, Медведева и других сотрудников, подвергавшихся арестам и увольнениям в 1930-х годах, и предложил им немедленно подать в отставку. Особенно уязвимым было положение Зубова и Серебрянского, чьи дела вел в свое время Абакумов».

Так полковник Серебрянский покинул службу в «добровольно-принудительном» порядке. 29 мая 1946 года его отправили на пенсию «по состоянию здоровья». Яков Исаакович обратился в Управление кадров министерства с просьбой уволить его в отставку по возрасту, однако в изменении формулировки ему было отказано.

Из рассказа Анатолия Яковлевича Серебрянского:

«Значительно чаще я стал видеть отца после его выхода в отставку в 1946 году. Но и тогда он был занят: много читал, переводил, писал, и я старался его особенно не беспокоить.

Находясь на пенсии, отец получил заказ на перевод и переводил с французского для издательства Иностранная литература справочники «Канада» и «Португалия».

Между тем операция по Палестине развивалась по разработанному Серебрянским сценарию. Для работы по окончательно принятому плану сам Судоплатов подобрал нескольких сотрудников своего управления, уже имевших значительный опыт нелегальной работы. Однако, обосновавшись в Хайфе, они выполняли роль чисто наблюдательного порядка, своевременно информируя Центр о происходящих там событиях.

4-е Управление МГБ СССР, действовавшее всю войну, было упразднено только приказом МГБ 9 октября 1946 года. Павлу Анатольевичу Судоплатову удалось избежать очередной чистки в органах государственной безопасности и продолжить службу в центральном аппарате МГБ.

Так, после образования МГБ СССР он совмещал должности руководителя 4-го Управления и Отдела «С» министерства. Приказом министра МГБ СССР от 15 февраля 1947 года на генерал-лейтенанта Судоплатова была возложена организация Службы «ДР» (диверсия и террор), созданной для развертывания в случае войны разведывательно-диверсионной агентурной работы против военно-стратегических баз США и их союзников, расположенных вокруг СССР. 30 мая Отдел «С» МГБ СССР был расформирован, и Павел Анатольевич полностью сосредоточился на организации Службы «ДР» министерства.

В 1949 году министр госбезопасности Абакумов неожиданно предложил ликвидировать Службу «ДР». Решение вопроса затянулось. Только осенью следующего года началась реорганизация Службы. На основании специальных постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) приказом МГБ № 00532 от 28 сентября 1950 года было создано Бюро № 1 МГБ СССР (начальник — генерал-лейтенант П. А. Судоплатов), а приказом МГБ № 00533 от 28 сентября 1950 года — Бюро № 2 МГБ СССР (начальник — генерал-майор В. А. Дроздов). Обе структуры действовали на правах управлений и подчинялись непосредственно министру.

На Бюро № 1 возлагались те же функции и задачи, что и на Службу «ДР». Что касается Бюро № 2, то оно было организовано для выполнения специальных мероприятий внутри Советского Союза.

Согласно секретному постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), Судоплатов совместно со своим заместителем Эйтингоном приступил к разработке боевых операций во Франции, Турции, Иране, Австрии, Норвегии и ряде других зарубежных стран. Однако в силу разных причин эти операции так и не были осуществлены.

По свидетельству Эйтингона, министр МГБ Абакумов проявлял определенную нерешительность в отношении активных чекистских

мероприятий за границей, опасаясь нежелательных последствий. Случалось, что проведение подобных мероприятий запрещал в последний момент лично Сталин.

В июле 1951 года Виктор Абакумов был освобожден от должности министра госбезопасности и арестован. Официальный предлог — не проявил должной активности в разработке «дела врачей». Неофициальный — являясь выдвиженцем Берии, превратился в его соперника. Следует отметить, что после ареста Абакумов в течение трех лет в полной мере испытает на себе все то, на что в свое время он обрек Серебрянского. Итог — пуля в затылок.

После Абакумова пост министра государственной безопасности СССР занял Семен Денисович Игнатъев, являвшийся с 11 июля 1951 года представителем ЦК в МГБ.

Роковой 1953 год

5 марта 1953 года умер Иосиф Виссарионович Сталин.

В течение суток с момента его смерти МГБ и МВД были объединены в единое Министерство внутренних дел СССР под руководством Лаврентия Павловича Берии, который был одновременно назначен заместителем председателя Совета министров СССР. Первым заместителем Берии в МВД стал генерал-полковник Сергей Никифорович Круглов. Семен Денисович Игнатьев был избран секретарем ЦК КПСС.

Павел Судоплатов получил назначение на должность начальника нового, 9-го отдела МВД с подчинением непосредственно министру.

Для Судоплатова открывались широкие перспективы большой и интересной работы. Начался пересмотр главных задач в деятельности органов госбезопасности, которые касались непосредственно 9-го отдела. Этот отдел, более известный в то время в системе госбезопасности как Бюро специальных заданий, должен был иметь в своем подчинении бригаду специальных войск особого назначения для проведения в случае войны диверсионных операций за рубежом.

«Берия приступил к осуществлению еще одной инициативы, — писал Судоплатов. — На сей раз она касалась моего участка работы. На совещании начальников разведслужб Министерства обороны и МВД он резко критиковал Ряс-ного, последнего начальника зарубежной разведки МГБ, выдвиженца Хрущева, за примитивные и малоэффективные методы.

Берия сказал, что сейчас главной задачей является создание мощной базы для проведения разведывательных операций в Германии, для этого нужно использовать то, что осталось от прежней агентурной сети «Красной капеллы»^[18]. В странах, граничащих с Соединенными Штатами Америки, надлежало усилить позиции нелегалов. Необходимо также, продолжал он, подготовить решение правительства, обязывающее МИД, Министерство внешней торговли, ТАСС и другие советские загранучреждения расширить поддержку операций советской разведки за рубежом. <...>

На следующий день Берия вызвал Круглова и меня и распорядился выделить мне дополнительные штаты и средства. Мы решили сформировать бригаду особого назначения. Такая же бригада находилась под моим командованием в годы Великой Отечественной войны и была распущена Абакумовым в 1946 году».

Интересно, что данная идея была реализована значительно позже, в

период афганских событий и ввода в эту страну ограниченного контингента советских войск.

Так, на состоявшемся 19 августа 1981 года совместном заседании Политбюро ЦК КПСС и Совета министров СССР высшее руководство страны приняло решение о создании в Комитете государственной безопасности СССР секретного отряда специального назначения для проведения операций за пределами СССР в «особый период». В результате был создан Отдельный учебный центр КГБ СССР. Поскольку инициатором создания данного центра был руководитель нелегальной разведки 1-го Главного управления КГБ СССР генерал-майор Юрий Дроздов, спецотряд, получивший наименование «Вымпел», был закреплен за подразделением нелегальной разведки, а его бойцов стали называть «разведчиками специального назначения».

Сам Юрий Иванович Дроздов так объяснял выбор термина: «Мы выбрали термин «разведчик специального назначения», потому что он в первую очередь вбирает в себя различия между функциями обычного разведчика, действующего под дипломатическим или другим прикрытием в мирных условиях, спокойных условиях разведывательной работы и никогда не привлекавшегося к выполнению острых разведывательных задач, и разведчика-диверсанта, призванного выполнять именно такие задачи и работающего в особых условиях. Кроме того, разведчик-диверсант должен обладать более широким диапазоном знаний, навыков, позволяющих справиться с выполнением таких острых задач».

А в интервью газете «Аргументы и факты» генерал Дроздов особо подчеркивал, что в документах КГБ было строго оговорено, что «особые мероприятия» за пределами СССР проводятся только на основании специального решения Политбюро и Совета министров.

Но вернемся вновь в 1953 год. Рассказывая о совещании, состоявшемся у Берии, генерал Судоплатов подчеркнул:

«В связи с формированием бригады особого назначения Берия и Круглов одобрили мое предложение привлечь к активной работе в новой структуре внутренних дел наших специалистов по разведке и партизанским операциям. Василевский, Зарубин и его жена, Серебрянский, Афанасьев, Семенов, уволенные из органов, вновь были возвращены на Лубянку и заняли высокие должности в расширенном 9-м отделе МВД».

Таким образом, огромный опыт разведывательной работы Серебрянского в очередной раз был востребован. В марте 1953 года он вернулся на службу в 9-й отдел центрального аппарата МВД, ставший преемником 4-го Управления НКВД — НКГБ — МГБ, на должность

оперативного работника негласного штата 1-й категории.

Рассказывает Анатолий Яковлевич Серебрянский:

«В марте 1953 года Судоплатов пригласил отца на работу в МВД. Отец был очень рад. Ведь это было то, чему он посвятил все зрелые годы своей жизни.

Но мама испытывала очень большое беспокойство по этому поводу.

В мае мы с отцом в очередной раз побывали на Красной площади, смотрели парад и демонстрацию. Для нас это всегда было большим событием. Всеобщее воодушевление, улыбающиеся лица. Атмосфера настоящего торжества».

Увы, четвертое пришествие Серебрянского в органы государственной безопасности продлилось недолго.

Между тем в высшем руководстве страны обстановка становилась все более напряженной, о чем ни Судоплатов, ни его коллеги, в частности Серебрянский, увлеченные новой работой, видимо, не догадывались. Позже Судоплатов отмечал в своих мемуарах: «В описании событий 1953 года ряд наших и зарубежных историков упускал из виду, что фактическое руководство страной после смерти Сталина в марте — июне 1953 года было в руках не «тройки» — Маленков, Берия и Молотов, а «четверки» вместе с Хрущевым. Его роль была весьма значимой, ибо решением Пленума ЦК КПСС от 5 марта 1953 года именно ему, совместно с Маленковым и Берией, было поручено «привести в порядок все документы в секретариате товарища Сталина». Положение Хрущева в руководстве ставило его в исключительно выгодную позицию поочередного блокирования с любым влиятельным членом Президиума ЦК. Именно он, почувствовав уязвленность Молотова амбициями Берии во внешней политике, устроил заговор первоначально против Берии, а затем и против Маленкова».

26 июня 1953 года в кремлевской борьбе за власть была поставлена точка. В этот день на заседании Президиума ЦК был арестован Берия. Он был обвинен в шпионаже в пользу западных держав, попытке ликвидации Советского государства и установления власти буржуазии. Лично Хрущев объявил участникам заседания, что Берия планировал совершить государственный переворот и арестовать весь состав Президиума ЦК ВКП(б).

«Берия, как известно, пробыл во власти после смерти Сталина неполных четыре месяца, — писал в одной из своих работ известный санкт-петербургский журналист Валерий Нечипоренко. — Но у него были

весьма широкие планы по многим спорным проблемам. В частности, он высказывался за мирное объединение Германии, предлагал отменить существовавший тогда еще сталинский план ликвидации Тито и наладить дружественные отношения с Югославией. Вскоре эти его инициативы были расценены как предательство идеалов социализма».

Таким образом, секретарь ЦК КПСС Хрущев и под державшие его Булганин, Маленков и Молотов одержали победу в кремлевской борьбе за власть.

Вскоре стали известны детали победы, одержанной над всемогущим министром МВД. Писатель Виктор Степаков в одной из своих книг писал: «Приказ на арест Лаврентия Павловича был отдан лично Хрущевым, при единодушном одобрении Булганина, Маленкова и Молотова. Выполнение важного задания Президиума ЦК КПСС было поручено группе военных: первому заместителю министра обороны маршалу Жукову, командующему войсками Московского района ПВО генерал-полковнику Москаленко и его начальнику штаба генерал-майору Баксову, начальнику штаба ВВС Московского военного округа генерал-майору Батицкому. <...>

Затем группа «захвата» спряталась в помещении рядом с кабинетом Маленкова, где началось заседание Президиума ЦК КПСС. Примерно в 13.00, по условленному сигналу (звонку), группа вошла в кабинет.

— Встать! Вы арестованы!! — подойдя к Берии, что было сил грянул Жуков.

Берия был в шоке. Не давая ему опомниться, Георгий Константинович вывернул арестованному руку, плеснул «леща» и поволол к комнате отдыха, где имелся запасной выход.

В этой комнате Лаврентия Павловича держали до вечера, после чего на ЗИСе вывезли из Кремля. Берию доставили в тюрьму Московского военного округа, где он содержался до конца следствия и суда».

Позже генерал Судоплатов вспоминал, что когда он 27 июня пришел на Лубянку, его пригласили в малый конференц-зал, где собрались все руководители самостоятельных отделов и управлений, а также все заместители министра, кроме Богдана Кобулова. Сидевший на председательском месте Сергей Круглов сообщил, что «за провокационные антигосударственные действия, предпринятые в последние дни, по распоряжению правительства Берия арестован и содержится под стражей» и что министром внутренних дел назначен он. Круглов обратился к собравшимся с просьбой продолжить спокойно работать и выполнять его приказы.

Выступивший затем первый заместитель министра внутренних дел

Иван Серов сообщил, что за преступную связь с Берией были арестованы его заместитель Богдан Кобулов и брат Богдана Амаяк Кобулов, являвшийся с мая 1953 года заместителем начальника Контрольной инспекции при МВД, начальник военной контрразведки Сергей Гоглидзе, министр внутренних дел Украины Павел Мешик, начальник охраны Берии Рафаэль Саркисов и начальник секретариата Берии Борис Людвигов.

Вообще следует отметить, что арест Берии стал крахом карьеры для многих сотрудников органов госбезопасности. Только по линии МГБ — МВД были отправлены в отставку или арестованы и лишены воинских званий более ста генералов и полковников.

Вслед за арестом Берии, 1 июля 1953 года, Г. М. Маленков назначил секретаря ЦК партии Н. Н. Шаталина первым заместителем министра внутренних дел СССР. По сути дела, в МВД СССР он выполнял роль представителя ЦК партии, как бы чрезвычайного комиссара, без которого не решался ни один вопрос.

15 июля Маленков и Шаталин выступили на закрытом собрании партийного актива руководящего состава МВД с объяснением причин ареста Берии и исключения его из партии. Шаталин, в частности, рассказал, что для усыпления бдительности Берии ЦК КПСС сознательно пошел на обман, принимая заведомо ложные решения и отдавая соответствующие неправильные распоряжения, так как «совсем непросто было спланировать и провести арест такого злодея».

По словам участника собрания генерала Судоплатова, эти объяснения для них, профессионалов, звучали наивно и по-детски беспомощно. Далее Судоплатов продолжал: «Эйтингон, Райхман^[19] и я, сидевшие рядом, обменялись многозначительными взглядами. Мы сразу поняли, что никакого бериевского заговора не существует, был антибериевский заговор в руководстве страны.

Сразу после Шаталина слово взял заместитель министра по кадрам Обручников и назвал Райхмана, Эйтингона и меня лицами, не заслуживающими доверия. Он вовсе не был нашим врагом — он выполнял то, что ему приказали.

Обручников обрушился на меня за то, что я окружил себя одиозными и подозрительными личностями вроде Эйтингона, Серебрянского и Василевского, ранее арестовывавшимися и отстраненными от работы в разведке. Все мои попытки ответить на эти обвинения пресекались председательствовавшим Серовым».

Вскоре 9-й (разведывательно-диверсионный) отдел МВД СССР был расформирован. Судоплатов продолжал аккуратно появляться на работе, но

никаких существенных дел ему не поручали.

21 августа 1953 года по ложному обвинению в причастности к «заговору Берии» Судоплатов был арестован. Ему также инкриминировали преступные связи с «врагами народа» Серебрянским, Малли, Сосновским, Шпигельглазом и другими разведчиками-нелегалами.

Через пару месяцев после ареста Судоплатова всех принятых им на службу в 1953 году бывших «врагов народа» снова уволили.

А 8 октября 1953 года решением Генерального прокурора СССР Серебрянский вновь был арестован «за тяжкие преступления против КПСС и Советского государства». В тот же день была снова арестована и его жена — Полина Натановна.

Из воспоминаний Анатолия Яковлевича Серебрянского:

«Вечером 7 октября 1953 года я, как всегда, пожелал отцу и маме спокойной ночи. Я не мог предположить, что отца я больше никогда не увижу, а с мамой буду разлучен на долгие три года.

Днем 8 октября возвращаюсь из института. В прихожей меня встречает незнакомый человек в штатском. Дверь в кабинет отца, выходящая в прихожую, открыта. В кабинете слышатся звуки падающих на пол книг.

— Ваши родители арестованы. Заканчивается обыск.

— За что?

— Надо будет — вам объяснят.

В голове пустота. Молча наблюдаю, как с полок снимают книги, бегло просматривают их и бросают на пол.

Через некоторое время все уходят, опечатав в квартире две комнаты из трех».

Долгая дорога к реабилитации

Сначала Якова Исааковича обвинили в причастности к «делу Берии», а также в том, что он избежал высшей меры наказания в начале войны только благодаря заступничеству Судоплатова, связанного с «делом Берии».

В процессе следствия по уголовному делу, возбужденному против Серебрянского Военной прокуратурой, какой-либо его связи с «делом Берии» выявлено не было. Да и каким он мог быть сообщником Берии, если именно по распоряжению последнего был арестован, а затем приговорен к расстрелу?

Рассматривая данную ситуацию, историк отечественных спецслужб Олег Капчинский писал: «Но и освободить Серебрянского, как «слишком много знающего», не собирались. И тогда сделан был еще более подлый шаг: реанимировали дело 1938 года. 27 декабря 1954 года было отменено решение об амнистии от 9 августа 1941 года. И это несмотря на очевидную абсурдность обвинения Серебрянского в шпионаже и на то, что после освобождения из тюрьмы в 1941 году он всей своей деятельностью в годы военного лихолетья еще раз доказал, что является патриотом своей страны».

Кстати, отметим, что именно в конце 1954 года началась реабилитация некоторых советских граждан, незаконно репрессированных в 1930-е годы. Видимо, поэтому старое дело Серебрянского было поднято из архива и направлено в Верховный суд СССР с предложением заменить ему высшую меру наказания на 25 лет лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовом лагере. Однако решение по данному вопросу так и не было принято.

Следствие растянулось на годы. Интенсивные допросы разведчика следователями Военной прокуратуры СССР продолжались. Правда, меры физического воздействия к Серебрянскому не применялись, однако на него оказывалось постоянное психологическое давление, цель которого — получить нужные признательные показания. Всего этого сердце даже много повидавшего на своем жизненном пути разведчика-нелегала не выдержало.

30 марта 1956 года в Бутырской тюрьме в ходе очередного допроса у следователя Военной прокуратуры Яков Исаакович Серебрянский скончался на шестьдесят четвертом году жизни от сердечного приступа. Тело родственникам не выдали, его кремировали. О месте захоронения праха не сообщили, оно до сих пор точно неизвестно.

Из воспоминаний Анатолия Яковлевича Серебрянского:

«В 1956 году на мое имя пришел вызов из Военной коллегии Верховного суда СССР. Приезжаю. Меня проводили в большой кабинет. За столом сидел какой-то важный чин, который сухо и обыденно сообщил мне о смерти отца. И сразу же неожиданно задал мне вопрос:

— А вы знаете, что ваш отец был эсером?

— Знаю, — автоматически ответил я.

Далее последовала немая пауза. Я вышел из кабинета».

А Полина Натановна Серебрянская продолжала все это время находиться в тюрьме. Периодически ее вызывали на допросы, пытаясь доказать, что она являлась соучастницей контрреволюционной деятельности своего мужа.

Наконец в середине 1956 года Серебрянскую просто выпустили из-под ареста «на волю», но не реабилитировали. Естественно, как и было положено в то время по отношению к «политическим» заключенным, проживать в Москве ей запретили. Полина Натановна поселилась в небольшом городке Щёкино Тульской области, что в 200 километрах от столицы, у племянника — сотрудника местного военкомата.

Началась долгая и тяжелая борьба за свою реабилитацию и за посмертную реабилитацию мужа. Полина Натановна писала жалобы, просьбы, обращения в различные инстанции. Ничего не помогало.

Дело сдвинулось с мертвой точки только через десять лет.

4 августа 1966 года Военная коллегия Верховного суда Союза ССР в составе председательствующего генерал-майора юстиции Терехова, полковника юстиции Курбатова и подполковника юстиции Смирнова пересмотрела дело по обвинению П. Н. Серебрянской.

Члены Военной коллегии приняли решение «приговор от 7 июля 1941 года в отношении Серебрянской П. Н. отменить и дело прекратить за недоказанностью ее участия в совершении преступления».

8 августа 1966 года в Главной военной прокуратуре Серебрянской была выдана справка Военной коллегии о ее полной реабилитации. Вручая справку, сотрудница прокуратуры рассказала, что они подготовили аналогичную справку и на Якова Исааковича, однако «в последний момент Руденко не разрешил».

Полина Натановна вернулась в Москву, получила комнату, оформила пенсию и с новой силой продолжила борьбу за восстановление честного имени своего мужа. На многочисленные письма Серебрянской, как правило, приходил стандартный ответ: «Оснований для реабилитации не

имеется».

Помог случай.

В марте 1971 года Серебрянская направила жалобу в адрес XXIV съезда КПСС. Примерно в то же время в Комитете государственной безопасности началась подготовка первого учебника по истории отечественной внешней разведки. Лично курировавший эту работу председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов узнал о героической и вместе с тем трагической судьбе Якова Серебрянского и распорядился провести по делу разведчика тщательное расследование. Его указание было выполнено.

Не исключено, что Андропов, в то время кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и уже тогда имевший большое влияние, был также ознакомлен и с жалобой Полины Натановны в адрес съезда.

Во всяком случае, уже 12 апреля 1971 года Полина Натановна получила письмо из Верховного суда СССР, в котором говорилось: «Сообщаем, что ваша жалоба от 3 марта 1971 года, адресованная XXIV съезду КПСС, передана для рассмотрения в Верховный Суд СССР, откуда она вместе с уголовными делами в отношении вашего мужа, Серебрянского Я. И., возбуждавшимися в 1938 и 1953 годах, направлена для дополнительной проверки Генеральному Прокурору СССР с просьбой сообщить о результатах вам».

Кампания по реабилитации Серебрянского начала набирать обороты. Уже 3 мая 1971 года Главная военная прокуратура в связи с недоказанностью обвинения в его адрес прекратила дело в отношении Серебрянского, возбужденное 7 октября 1953 года (по «делу Берии»). 13 мая решением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор в отношении Серебрянского от 7 июля 1941 года был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Разведчик был полностью реабилитирован. 18 мая Полина Натановна получила справку Военной коллегии Верховного суда СССР о посмертной реабилитации Якова Исааковича.

7 февраля 1972 года Управление КГБ по городу Москве и Московской области выплатило П. Н. Серебрянской единовременное пособие — 333 рубля 33 копейки.

31 октября 1989 года Президиум Контрольно-ревизионной комиссии Московского горкома КПСС принял решение посмертно восстановить Якова Исааковича и Полину Натановну в партии. Правда, Полина Натановна, к сожалению, об этом не узнала. Она скончалась 6 мая 1983 года.

19 апреля 1993 года Военная коллегия Верховного суда Российской

Федерации выдала Анатолию Яковлевичу Серебрянскому справки о том, что Яков Исаакович Серебрянский и Полина Натановна Серебрянская «реабилитированы как жертвы политических репрессий».

И, наконец, в реабилитационной истории Я. И. Серебрянского последняя точка была поставлена 22 апреля 1996 года. Указом Президента Российской Федерации Серебрянский был посмертно восстановлен в правах на изъятые у него при последнем аресте государственные награды. Сыну Серебрянских, Анатолию Яковлевичу, были переданы два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, медали «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «XX лет РККА».

Таким образом, было не только восстановлено честное имя выдающегося разведчика-нелегала, но и подтверждены его заслуги перед нашим государством.

Глава девятая

О ЛИЧНОМ

И если уж смотреть на мир глазами других людей, то разве только, чтобы сразу со всех точек зрения.

Евгений Антонюк, публицист

Несмотря на различные невзгоды и удары судьбы, подлинное утешение Серебрянский всегда находил в работе, в семье, а также в общении с друзьями и коллегами. Последние всегда отвечали ему взаимностью.

Так, после ареста Серебрянского в 1938 году товарищи делали все возможное, чтобы вернуть его в чекистские ряды. И это им удалось в самом начале Великой Отечественной войны.

К сожалению, после очередного ареста Серебрянского в 1953 году его соратники, с которыми он начинал свою активную чекистскую деятельность, — Павел Судоплатов, Наум Эйтингон и многие другие, — сами оказались в тюрьме, а некоторые даже понесли «суровое наказание». Его ученики и друзья Вилли Фишер, Константин Квашнин, Юрий Колесников и Иосиф Григулевич находились на оперативной работе за границей. Но Серебрянский всегда трезво относился ко всему происходящему.

Настоящей опорой и поддержкой во всем стала для Серебрянского жена, Полина Натановна. Как уже упоминалось, в 1924 году она была нелегально направлена к мужу в Палестину и с тех пор сопровождала его практически во всех зарубежных поездках, являясь надежной помощницей. Ей, лейтенанту государственной безопасности с 1937 года, приходилось лично участвовать во многих оперативных мероприятиях и самостоятельно решать важные задания Центра.

«Воспитанием моим занималась главным образом мама, которая после 1941 года отошла от активной работы в разведке, — рассказывал позже сын Серебрянских Анатолий Яковлевич. — Именно маме, ее постоянной заботе и вниманию к моему образованию и воспитанию, я обязан знанием английского языка, школьной медалью и, в общем, всей своей дальнейшей жизнью.

Кстати, сами родители свободно владели несколькими иностранными языками, и, если им не хотелось, чтобы я понимал, о чем они между собой говорят, они переходили на французский язык, которого я не знал...

В своем раннем детстве я отца практически не помню. В то же время я всегда чувствовал его присутствие. Это проявлялось книжками-малышками или какими-нибудь другими неожиданными, а потому очень приятными безделушками, которые я время от времени находил утром у себя под подушкой.

Иногда, в еще более редкие свободные воскресенья, отец водил нас с мамой в театр.

Фактически мой отец из детства — это высокий улыбающийся человек в кожаном пальто и в кепке, который зимой 1941 года подхватил меня на руки на вокзале после нашего с мамой возвращения из эвакуации.

Отец был спокойным, сдержанным, очень внимательным, но немногословным человеком, достаточно скупым на ласку. При этом я не могу припомнить случая, чтобы он повысил на меня голос, хотя, как я себе представляю, поводов для этого было немало.

Мама была более эмоциональная. В то же время я не помню ни одной ссоры между родителями. Не помню также и повышенных тонов при общении родителей между собой».

Полину Натановну освободили в 1956 году, а реабилитировали лишь спустя десять (!) лет — в 1966-м.

С первых же дней после освобождения она делала все возможное и невозможное для восстановления честного имени мужа, и только в 1971 году он был реабилитирован посмертно как жертва политических репрессий. Саму Полину Натановну признали жертвой политических репрессий лишь в апреле 1993 года.

«Мама и после выхода из заключения в 1956 году не потеряла своей женственности и привлекательности, — подчеркивал Анатолий Яковлевич. — Ее даже звали замуж, но она всегда отказывала. Как она мне говорила потом, она не могла изменить памяти отца.

Каждый раз, уезжая в командировку, я ежедневно посылал маме открытку. Она отвечала большими подробными письмами. Время от времени я перечитываю эти письма, полные тепла и любви».

Что касается Якова Исааковича, то здесь следует отметить его исключительную скромность в быту. Впрочем, данная черта являлась характерной практически для всех представителей его поколения разведчиков. Во время зарубежных командировок, как уже отмечалось, Серебрянский вел образ жизни, соответствующий текущей легенде,

стараясь при этом всячески экономить государственные средства. Многолетняя работа в разведке не принесла ему ни капиталов, ни недвижимости.

При увольнении на пенсию в 1946 году у него не оказалось ни своей дачи (дачу снимали на лето в Подмоскowie за свои средства), ни машины. Правда, в том же году Якову Исааковичу предложили приобрести за символическую плату какую-нибудь списанную эмку, но он категорически отказался, хотя очень хорошо водил машину и любил это делать.

В Москве Серебрянским приходилось часто переезжать с квартиры на квартиру: арестовывали в 1938 и 1953 годах — отбирали жилплощадь. Возвращались из тюрьмы — жили в гостинице, а затем получали комнату в коммуналке или новую квартиру.

Как-то, уже в наши дни, сыну Серебрянских Анатолию Яковлевичу позвонили из редакции «Энциклопедия Москвы», готовившей материал о его отце, и попросили уточнить адреса в Москве, по которым проживали его родители. Он стал вспоминать. Список оказался внушительным.

По приезду в Москву в 1920 году молодоженам дали комнату в коммунальной квартире в бывшем доходном доме 9 на Тверском бульваре.

Затем семья переехала в небольшую квартирку на том же бульваре, но с окнами, выходившими на памятник Пушкину, до того как он «переехал» в 1950 году на противоположную сторону Пушкинской площади.

В середине 1930-х годов последовал переезд в двухэтажный особняк на Гоголевском бульваре (дом 31), где Серебрянские жили на втором этаже, а на первом этаже был кабинет Якова Исааковича, в котором он время от времени проводил рабочие встречи с различными людьми.

Во время ареста в 1938 году особняк отобрали, а после освобождения в 1941-м семью поселили практически на весь военный период в гостинице «Москва».

После войны Серебрянские получили квартиру в знаменитом «динамовском» доме 41 на улице Горького (ныне 1-я Тверская-Ямская улица). Эту квартиру отобрали после ареста в 1953 году.

И во всех квартирах практически на всей мебели и других крупных вещах, которыми пользовалась семья, — инвентарные номера, чему очень удивлялись люди, проводившие обыски. При последнем аресте опись конфискованного личного имущества уместилась на одном листке бумаги.

Впервые фамилия Серебрянского в открытой печати появилась лишь в 1993 году в книге Валерия Гоголя «Бомба для Сталина».

К настоящему времени в литературе, посвященной отечественной

внешней разведке, о Серебрянском написано уже немало. Практически в любой книге по истории разведки, вышедшей в последние годы, содержатся небольшие разделы, рассказывающие о его напряженной, полной опасностей работе, которой он посвятил всю свою жизнь. Во всех этих публикациях подчеркиваются его профессионализм и исключительные организаторские способности, в ряде материалов отмечаются его острый ум и личное обаяние, позволившие ему стать хорошим вербовщиком.

К сожалению, количество воспоминаний соратников Серебрянского, лично с ним общавшихся, весьма невелико. Это объясняется просто: мало кто из его коллег дожил до того времени, когда стала приоткрываться завеса над деятельностью разведки и разведчиков. Поэтому тем более ценны личные впечатления общавшихся с ним сотрудников, сына, с которым автор много беседовал, а также российских журналистов, писателей и историков, изучавших биографию разведчика.

И мы попробуем создать портрет Серебрянского-человека, основываясь на высказываниях о нем этих людей.

Анатолий Яковлевич Серебрянский:

«Отец внимательно следил за моей школьной жизнью, знал всех заходивших ко мне школьных друзей. Он был очень доволен, когда после окончания школы я поступил в Московский энергетический институт...

В беседах со мной отец никогда не распространялся по поводу своей работы, особенно за рубежом. Но мама мне рассказывала, что, как правило, накануне каждой серьезной операции, которые он проводил за границей, отец шел в кино. Это для него было психологической разрядкой. Он полностью отстранялся от тех проблем, которые ему предстояло решать на следующий день. Видимо, чисто психологически, ему это помогало.

Я никогда не видел отца «навеселе». Единственная слабость отца — курение. Пережив два инфаркта, он так и не смог бросить курить. И когда летом мы снимали дачу в Подмосковье, каждое утро после завтрака отец уходил гулять, чтобы подальше от маминых глаз тайком выкурить папироску.

Я до вполне зрелого возраста не представлял, чем занимается отец. Только в конце 1950-х годов я впервые услышал от мамы слово «нелегал» и понял, какая полная риска жизнь в этом слове заключена.

Наиболее полно о работе отца я узнал из личных встреч и бесед с Павлом Анатольевичем Судоплатовым, с которым имел честь быть лично знакомым, и из его книги «Разведка и Кремль», вышедшей в 1996 году. По словам П. А. Судоплатова, отец действовал по службе настолько аккуратно,

что его фамилия вплоть до начала 1990-х годов ни разу не упоминалась ни в отечественных, ни в зарубежных публикациях о работе советской внешней разведки».

Генерал Павел Анатольевич Судоплатов:

«Яков Исаакович Серебрянский занимает важное место в истории советских органов государственной безопасности и в истории внешней разведки нашей страны.

Это был человек уникальных способностей успешно работать во враждебной опасной среде. Его можно назвать родоначальником теории нанесения упреждающих ударов по боевым центрам антисоветских организаций и агентуре специальных служб западных стран, которые были нацелены на активную работу против Советского Союза в случае начала войны.

Серебрянский являлся создателем мощных точек сопротивления фашизму и автором концепции саботажа военной промышленности противника. Его опыт очень пригодился при развертывании массового партизанского движения в тылу фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны.

Серебрянский стоит в ряду крупнейших нелегалов — людей, которые создавали советскую разведку, не служили в ней, а именно реализовывали крупнейшие операции, были мозговым центром разведки и внесли существенный вклад в победу над фашизмом».

Ветеран органов государственной безопасности, историк спецслужб полковник Николай Николаевич Лузан:

«Серебрянский — гений спецопераций. Хотя по жизни это был очень скромный человек. Он был первоклассным вербовщиком, чему способствовало его обаяние. У него были ум, талант, дар убеждения».

Из воспоминаний ветерана органов государственной безопасности, сотрудника СГОН, Героя Российской Федерации Юрия Антоновича Колесникова:

«Глаза у Якова Исааковича были большие, карие, всегда ясные, чистые, спокойные. Будто смотрели на мир индифферентно, отстраненно.

Но так только казалось. Проницательный взгляд мгновенно фиксировал главное и, что любопытно, тотчас же уходил куда-то в сторону. Почти отвлеченный, мельком скользнувший взгляд этот оставался незамеченным посторонними.

Еще одно качество Серебрянского, способствовавшее успеху в постоянно рискованной профессии: он не любил выделяться. Очевидно, потому и немного сутулился».

В личном архиве Колесникова, оставшемся после его смерти, есть фотокарточка Серебрянского середины 1930-х годов. В военной форме, с орденами Ленина и Красного Знамени на груди. На обороте надпись, сделанная рукой Юрия Антоновича: «Дорогой Яков Исаакович Серебрянский, которому обязан жизнью. Ю. Колесников. 1944 год».

Ветеран органов государственной безопасности, слушатель разведывательно-диверсионной школы СГОН, полковник Константин Константинович Квашнин:

«Прекрасный был человек. Красивый, большой. Он относился к той группе честнейших людей, талантливых чекистов первых лет Советской власти, которые фанатично были преданы своей стране и любили свою профессию.

Лучшую характеристику как человеку, мне кажется, он дал себе сам. Однажды его после освобождения из заключения в коридоре дома № 2 на Лубянке встретил молодой сотрудник, бывший его воспитанник Павел. Вероятно от неожиданности, поздоровавшись, он сказал: «А вы — умный человек, Яков Исаакович», на что Серебрянский ответил: «Паша, мало быть умным, главное — надо быть честным».

Бывшая сотрудница 4-го Управления НКВД СССР, дочь выдающегося советского разведчика-нелегала генерал-майора Василия Зарубина, Зоя Васильевна Зарубина:

«Многие коллеги Серебрянского по 4-му управлению называли себя его учениками. Они видели Якова Исаако-

вича в работе и перенимали его опыт, учились у него. Он был терпелив с молодыми сотрудниками, учил их, передавал им свои знания и все то, что имел возможность или право передать».

С большим уважением и теплотой относился к Серебрянскому Вильям Генрихович Фишер, считавший его своим учителем. Связывали их многие годы совместной работы.

Анатолий Яковлевич Серебрянский:

«Примерно через месяц-другой после возвращения в СССР меня разыскал Вильям Фишер (обмен Абеля — Фишера на осужденного в СССР американского летчика Фрэнсиса Гэри Пауэрса состоялся 10 февраля 1962 года. — В. А.).

Телефонный звонок:

— Здравствуй, Толя, это Фишер. Помнишь?

Забуть я не мог, тем более что газеты уже рассказали о полковнике Абеле, а я уже знал, кто на самом деле скрывается под этой фамилией.

— Можешь приехать ко мне в Челюскинскую? — называет адрес.

— Конечно!

Вот и дача. Очень волнуюсь. Конечно, я его узнаю, но с некоторым трудом.

«Я узнал про отца, — говорит он. — Ужасная несправедливость. На днях меня принимал Конотоп (в 1962–1964 годах Василий Иванович Конотоп — председатель исполкома Московского областного совета. — В. А.), и я ему рассказал об отце. Может быть, поможет».

Разговаривали долго. Фишер спрашивал о том, как я живу, есть ли какие-нибудь проблемы».

Завершая наше повествование, необходимо еще раз подчеркнуть, что приведенные в этой книге сведения касаются лишь малой толики профессионального пути, прошедшего наиболее ярким, талантливым разведчиком, чье имя золотыми буквами вписано в историю внешней разведки Советского Союза и Российской Федерации.

Как уже отмечалось, Яков Исаакович Серебрянский скончался на 64-м году жизни от сердечного приступа 30 марта 1956 года в Бутырской тюрьме во время очередного допроса у следователя Военной прокуратуры.

Тело родственникам не выдали, его кремировали. Места захоронения праха не сообщили, и оно до сих пор официально не установлено. В то же время по некоторым сведениям, которые стали известны его сыну, прах Серебрянского упокоился в одной из братских безымянных могил на Донском кладбище в Москве.

Полина Натановна скончалась 6 мая 1983 года. Вместе с ее прахом в нишу закрытого колумбария на Донском кладбище Анатолий Яковлевич поместил коробку с горстью земли с братской безымянной могилы и орденские планки отца. На плите две фотографии разведчиков Серебрянских — Якова Исааковича и Полины Натановны.

Символично, что захоронение Серебрянских на Донском кладбище в Москве окружено могилами их соратников и коллег. Здесь упокоились Иосиф Григулевич, Вильям Фишер, Наум Эйтингон, Павел Судоплатов, Сергей Шпигельглаз, а также Павел Громушкин, готовивший документы для разведчиков-нелегалов, а впоследствии возглавлявший документальный отдел нелегальной разведки, и разведчики-нелегалы Абрам и Леонора Эйгорн и Конон Молодой.

Все они, как и Яков Серебрянский, были подлинными рыцарями внешней разведки, служившими ей и своей стране без страха и упрека. После ухода из жизни они вновь оказались вместе.

Вечная им память!

ПОСТСКРИПТУМ

В 60-е годы XX столетия у многих на слуху было имя знаменитого советского разведчика-нелегала Рудольфа Ивановича Абеля (Вильяма Генриховича Фишера), который с честью вышел из всех испытаний, выпавших на его долю в США, где он оказался жертвой предательства.

Появившийся на экранах в начале 1970-х годов герой телесериала «Семнадцать мгновений весны» разведчик-нелегал полковник Исаев, он же штандартенфюрер СС Макс Отто фон Штирлиц, на долгие годы стал кумиром молодежи не только бывшего Советского Союза, но и других стран, где демонстрировался этот телефильм. В дни показа сериала по советскому Центральному телевидению московские улицы становились пустынными, а милиция с удивлением фиксировала резкое снижение правонарушений не только в столице, но и в других городах нашей необъятной страны. Мальчишки на улицах играли в «Штирлица» и «Мюллера», что свидетельствовало об огромной популярности героев полюбившегося фильма, о неподдельном интересе широких масс к подвигам разведчиков-нелегалов.

В одной из своих книг известный российский писатель Теодор Гладков писал: «Примечательно, что, если спросить десять случайных прохожих на улице, каким они представляют разведчика, девять назовут в качестве примера именно нелегала. Из реально существовавших — Конона Молодого (Лонсдейла), Вильяма Фишера (Абеля), Николая Кузнецова (обер-лейтенанта Зиберта). Назовут и вымышленных персонажей, героев популярных кинофильмов: майора Федотова («Подвиг разведчика»), полковника Ладейникова («Мертвый сезон»), полковника Исаева («Семнадцать мгновений весны»).

И это не случайно, а закономерно. Поскольку именно в нелегале в наибольшей степени концентрируются все общие и специфические черты, свойственные профессии разведчика».

А один из асов советской нелегальной разведки Вильям Фишер, более известный широкой общественности как «полковник Рудольф Абель», в одном из интервью подчеркивал:

«Преданность своей Родине, честность и дисциплинированность, самоотверженность, находчивость, умение преодолевать трудности и лишения, скромность в быту — таков далеко не полный перечень требований к деловым и личным качествам разведчика.

Разведка — это не приключенчество, не какое-либо трюкачество, не увеселительные поездки за границу, а прежде всего кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряжения, упорства и выдержки, воли, серьезных знаний и большого мастерства».

Асу разведки вторил выдающийся советский разведчик-нелегал Герой Советского Союза Геворк Вартамян:

«В разведку меня привлекла возможность приложить свои силы и способности на одном из жизненно важных для страны направлений. Я очень люблю свою работу, и пусть меня простят представители других профессий, но я считаю, что Разведка (именно с большой буквы) — это не только романтика, но и, прежде всего, один из самых эффективных путей защиты Отечества. Это работа для подлинных патриотов, людей убежденных и самоотверженных. В такую работу нельзя не влюбиться».

Другой видный советский разведчик генерал-майор Юрий Дроздов, в течение двенадцати лет руководивший нелегальной разведкой и принимавший непосредственное участие в разработке и осуществлении операции по обмену Вильяма Фишера (Рудольфа Абея), свидетельствует:

«Нелегал — это особый разведчик, отличающийся от обычного тем, что обладает более высокими личными качествами, специальной подготовкой, которые позволяют ему выступать и действовать как местному жителю той страны, где он находится.

Разведчиком-нелегалом может стать далеко не каждый. Профессия требует от кандидата высокого уровня развития интеллекта (мышления, памяти, интуиции), развитой воли, способности к овладению иностранными языками, эмоциональной устойчивости, позволяющей сохранять интеллектуальный потенциал в стрессовых ситуациях и переносить без ущерба для здоровья постоянное психическое напряжение».

Здесь хотелось бы привести слова еще одного выдающегося советского разведчика-нелегала Иосифа Григулевича:

«Наша далеко не легкая, но еще настолько жизненно нужная и важная профессия требует отдачи всех сил, упорства, целеустремленности, собранности и глубоких знаний во многих областях человеческой деятельности. Разведчик должен любить своих товарищей, свой народ, дело, которому он служит, больше, чем самого себя, свою собственную персону, иными словами, чтобы свое личное счастье он видел в служении людям».

28 июня 2017 года одно из самых секретных подразделений Службы внешней разведки Российской Федерации — ее нелегальное управление — отмечало свое 95-летие.

Именно в этот день в далеком 1922 году Коллегией Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР было утверждено Положение о Закордонном отделении Иностранного отдела ГПУ, в котором определялись задачи разведывательной работы за рубежом. Наряду с широким спектром задач политического, военного и контрразведывательного характера в документе предусматривалось целенаправленное использование нелегальных возможностей разведки. С тех пор 28 июня отмечается в Службе как день создания нелегальной разведки.

Выступая на торжественном мероприятии по этому поводу в штаб-квартире СВР России, президент Российской Федерации Владимир Путин подчеркнул: «Вот уже почти век это легендарное подразделение вносит особый, свой, неоценимый подчас, вклад в обеспечение государственной безопасности, в защиту интересов Отечества.

Нашей стране пришлось пройти через многие испытания, и всегда разведчики-нелегалы были, что называется, «на передовой». Не раз именно их решительные действия, добытая информация, тонко проведенные операции буквально меняли ход истории, позволяли защитить наш народ от угроз, сохранить мир.

Мы всегда будем помнить о героях-разведчиках, которые сражались с нацизмом. Их борьба с этим злом началась еще в предвоенные годы. Так же мужественно они вели свою битву и в годы Великой Отечественной войны.

Напряженной и опасной была их работа и во времена холодной войны. Достаточно вспомнить вклад наших разведчиков в обеспечение стратегического паритета. Конец монополии на атомное оружие сделал невозможной новую мировую войну, прямую агрессию против нашей страны.

Историю нелегальной разведки создавали люди-легенды. Такими были Яков Серебрянский, Дмитрий Быстролётов, Николай Кузнецов, Иосиф Григулевич, Вильям Фишер (Рудольф Абель), Конон Молодой, Геворк Вартамян, Алексей Козлов, Юрий Дроздов — всех, конечно, не перечислить...

Но хочу подчеркнуть: наша страна, наши граждане должны знать, что в рядах российской разведки служили и служат настоящие бойцы, мужественные и честные профессионалы. Мы гордимся ими».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Я. И. СЕРЕБРЯНСКОГО

1891, 9 декабря — родился в Минске третьим ребенком в бедной еврейской семье. Отец Исаак (Ицка) трудился подмастерьем у часовых дел мастера. Мать Геня являлась домохозяйкой. Положение семьи несколько улучшилось в 1898 году, когда отцу удалось получить место приказчика на местном сахарном заводе.

1907 — окончил 1-е минское городское училище.

1908 — вступил в партию социалистов-революционеров, став членом ее наиболее радикального крыла — эсеров-максималистов.

1909, май — арестован полицией «за хранение литературы преступного содержания». Приговорен к двум годам высылки под гласный надзор полиции в Витебск. Работал электромонтером в городском театре.

1911, октябрь — возвратился в Минск. Находился под негласным надзором полиции.

1912, август — призван в царскую армию. Служил рядовым 122-го Тамбовского пехотного полка, дислоцировавшегося в Харькове.

1914, июль — в связи с началом Первой мировой войны направлен в действующую армию на Западный фронт в составе 105-го Оренбургского пехотного полка.

7 августа — тяжело ранен в ногу в бою в Восточной Пруссии.

1915, февраль — демобилизовался из армии по ранению и приехал на жительство в Баку. Работал электриком на Бакинских нефтепромыслах.

1917, февраль — восстановил членство в партии эсеров.

Март — начал работать в Бакинском продовольственном комитете.

1918 — начальник отряда Бакинского совета по охране продовольственных грузов на Владикавказской железной дороге.

1919, май — переехал на жительство в персидский город Решт.

1920, июль — назначен начальником Общего отделения Особого отдела Гилянской Красной армии.

Август — после поражения Гилянской Советской Республики переехал в Москву, где продолжил службу в центральном аппарате ВЧК в качестве оперативного сотрудника Особого отдела. Женится на Полине Натановне Беленькой.

1921, 3 мая — переведен на работу в Административно-организационное управление (АОУ) ВЧК.

Август — уволился из ВЧК по демобилизации и поступил на учебу в Московский электротехнический институт народной связи им. В. Н. Подбельского.

2 декабря — арестован чекистами на квартире приятеля — правого эсера. Четыре месяца провел в тюрьме.

1922, 29 марта — постановлением Президиума ГПУ освобожден из-под стражи. Устроился на работу заведующим канцелярией нефтетранспортного отдела треста Москвотоп.

1923, февраль — арестован вместе с руководителями треста по подозрению во взяточничестве, но вскоре освобожден.

Апрель — перешел на работу в редакцию газеты «Известия». Май — стал кандидатом в члены ВКП(б).

Октябрь — вновь принят на работу в ОГПУ, на этот раз — в Иностранный отдел.

Декабрь — выехал на нелегальную работу в Палестину.

1924, июнь — назначен руководителем нелегальной резидентуры.

Октябрь — к Серебрянскому в Палестине присоединилась его жена Полина Натановна, ставшая в дальнейшем его надежной помощницей практически во всех командировках.

1925, декабрь — отозван в Москву и направлен нелегальным резидентом ИНО ОГПУ в Бельгию.

1927, февраль — возвратился в Москву, был принят в члены ВКП(б).

Апрель — направлен нелегальным резидентом в Париж.

1929, март — возвратился в Москву, награжден высшей ведомственной наградой — нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (V)». В период командировки дважды (в 1927 и 1928 годах) награждался почетным революционным оружием.

1 апреля — назначен начальником 1-го отделения ИНО ОГПУ (нелегальная разведка) и руководителем Особой группы при председателе ОГПУ.

1930, 1 января — выехал в нелегальную командировку в Париж.

26 января — реализована операция по генералу Кутепову.

30 марта — возвратился из командировки в Москву, награжден орденом Красного Знамени.

Июль — направлен на нелегальную работу в ряд европейских стран.

1932, февраль — направлен в нелегальную командировку в США. Декабрь — награжден почетным нагрудным знаком «15 лет ВЧК — ГПУ».

1933, 21 августа — у Серебрянских родился сын Анатолий.

1934 — нелегальная командировка в Париж.

13 июня — возглавил Специальную группу особого назначения (СГОН) при наркомате внутренних дел.

1935 — нелегальная командировка в Китай.

29 ноября — присвоено специальное звание старшего майора государственной безопасности.

1936 — нелегальная командировка в Японию.

Июнь — заочно окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова.

Сентябрь — реализована операция по поставке самолетов в республиканскую Испанию.

7 ноября — реализована операция по «архивам Троцкого».

31 декабря — награжден орденом Ленина «за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией».

1937 — активная подготовка операции «Сынок».

Июль — создал и возглавил при СГОН специальную разведывательно-диверсионную школу.

1938, 10 ноября — арестован; до 21 января 1939 года содержался во внутренней тюрьме на Лубянке, затем переведен в Лефортовскую тюрьму. В этот же день была арестована жена — Полина Натановна.

1940, 4 октября — завершилось следствие по делам Серебрянских.

1941, 7 июля — приговорен к высшей мере наказания как участник «существовавшей в органах НКВД антисоветской заговорщической организации и как агент английской и французской разведок». Полина Натановна приговорена к десяти годам лишения свободы. Отбывала наказание на лесоповале в Карелии.

9 августа — постановлением Президиума Верховного Совета СССР Серебрянский и его жена амнистированы и восстановлены в партии.

3 октября — назначен начальником группы во 2-й отдел НКВД СССР.

1942, 18 января — назначен начальником 3-го отделения в составе 4-го Управления НКВД СССР.

1942, февраль — 1945, май — принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении оперативных радиоигр с противником «Монастырь» и «Березино». Повторно награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

1946, 29 мая — вышел на пенсию «по состоянию здоровья».

1953, март — возвращен на службу в 9-й отдел МВД, ставший преемником 4-го Управления НКВД — НКГБ — МГБ.

8 октября — арестован по «делу Берии». В тот же день арестована Полина Натановна. Через некоторое время в отношении Серебрянских возобновили дело 1938 года.

1956, 30 марта — Яков Исаакович скончался в помещении Бутырской тюрьмы от сердечного приступа на допросе у следователя Военной прокуратуры СССР.

Полина Натановна Серебрянская освобождена из заключения.

1966, 4 августа — Полина Натановна Серебрянская полностью реабилитирована.

1971, 13 мая — решением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор от 7 июля 1941 года Я. И. Серебрянскому отменен, дело прекращено по вновь открывшимся обстоятельствам. Полностью реабилитирован.

1989, 30 ноября — посмертно восстановлен в партии.

1996, 22 апреля — указом президента Российской Федерации восстановлен в правах на изъятые при аресте государственные награды, которые переданы сыну.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Боевые друзья и соратники Я. И. Серебрянского

Соратники моего отца — представители славной когорты нелегалов 1920—1930-х годов: разведчики, диверсанты, настоящие интеллектуалы. По происхождению, образованию, по возрасту и темпераменту это были очень разные люди. Разными путями пришли они и в профессию, которой впоследствии посвятили и подчинили всю свою жизнь. Общими у этих людей были безграничный, искренний патриотизм, глубокое чувство долга и преданность жизненным идеалам.

Анатолий Яковлевич Серебрянский

АБЕЛЬ Рудольф Иванович. Родился 23 сентября 1900 года в Риге. Отец был трубочистом, мать — домохозяйкой. У Рудольфа было два брата: старший — Вольдемар и младший — Готфрид. До пятнадцати лет Рудольф жил вместе с родителями. Окончил четыре класса элементарного училища, работал рассыльным в Риге. В 1915 году переехал в Петроград. Учился на общеобразовательных курсах и сдал экстерном экзамен за четыре класса реального училища.

Адольф, как и его братья, всем сердцем принял Октябрьскую революцию, добровольно пошел служить рядовым-кочегаром на эскадренный миноносец «Ретивый» Красного Балтийского флота. В 1918 году стал членом партии большевиков. Затем в составе Волжской флотилии принимал участие в боях с белыми в долинах рек Волги и Камы. Являлся непосредственным участником дерзкой операции красных в тылу противника, в ходе которой у белых была отбита баржа смертников — заключенных красноармейцев. Принимал активное участие в боях под Царицыном, в низовьях Волги и на Каспийском море.

В январе 1920 года зачислен курсантом в класс морских радиотелеграфистов учебно-минного отряда Балтийского флота в Кронштадте. После окончания учебы в 1921 году молодой военно-морской специалист Абель в составе команды балтийских моряков был направлен в

формирующиеся военно-морские силы Дальневосточной республики. Служил на кораблях Амурской и Сибирской флотилий. В 1923–1924 годах возглавлял радиотелеграфную станцию на острове Беринга, затем командовал морскими радистами на Командорских островах.

В 1925 году Рудольф женится на Анне Антоновне, урожденной Стокалич, из дворян, получившей прекрасное образование и ставшей его надежной помощницей. Здесь следует отметить, что сам Рудольф свободно владел немецким, английским и французским языками.

В том же году Абеля по линии Народного комиссариата иностранных дел направили на работу в советское консульство в Шанхае.

В июле 1926 года Рудольфа Абеля перевели в Пекин, где он работал радистом советского дипломатического представительства вплоть до разрыва дипломатических отношений с Китаем в 1929 году. Находясь за границей, в 1927 году он стал сотрудником Иностранного отдела ОГПУ (внешняя разведка), выполнял обязанности шифровальщика резидентуры.

По возвращении из Пекина Абель в том же году направляется на нелегальную работу за кордон. В документах того периода, находящихся в его личном деле, сказано кратко: «Назначен на должность уполномоченного ИНО ОГПУ и находится в долгосрочной командировке в разных странах». Возвратился он в Москву осенью 1936 года.

Могли ли пересечься за кордоном пути нелегалов Абеля и Фишера, взявшего в дальнейшем его имя и фамилию? Об этом официальные документы умалчивают. Но, как бы то ни было, оказавшись почти одновременно в Москве и работая в Центре, они стали большими друзьями. Даже в столовую и то всегда ходили вместе. «Дядя Рудольф появлялся у нас часто. Всегда был спокоен, жизнерадостен, — вспоминала Эвелина Фишер, дочь Вильяма Генриховича. — И с отцом они общались прекрасно». В военные годы оба жили в одной небольшой коммунальной квартире в центре Москвы.

Знакомясь с биографиями этих разведчиков, невольно приходишь к выводу, что в их судьбах было много общего, способствовавшего сближению. Оба были зачислены в ИНО ОГПУ в 1927 году, практически в одно и то же время находились на нелегальной работе за границей, вместе трудились в центральном аппарате разведки, а в период Великой Отечественной войны — в 4-м Управлении НКВД. Оба не походили на баловней судьбы, жизнь порой обходилась с ними жестко.

В последний день уходящего 1938 года Вильям Фишер без объяснения причин был уволен из органов госбезопасности. И лишь в сентябре 1941 года ему предложили вернуться в НКВД.

С Рудольфом Абелем все было гораздо сложнее.

Здесь уместно вспомнить его старшего брата Вольдемара. С четырнадцати лет он плавал юнгой на судне «Петербург», затем работал слесарем на заводе в Риге. В декабре 1917 года стал членом РКП(б). Красноармеец, латышский стрелок, охранявший Смольный, он храбро воевал в составе Красной гвардии, сражавшейся на Пулковских высотах с наступающими на Петроград частями генерала Краснова. Позже служил мотористом на линкоре «Гангут».

Со временем Вольдемар вырос в крупного партработника: комиссар Всероссийской чрезвычайной комиссии Кронштадтской крепости, комиссар службы связи морских сил Дальневосточной республики, делегат XVII съезда партии. В 1934 году назначен начальником политотдела Балтийского государственного морского пароходства. А в конце 1937 года арестован «за участие в латвийском контрреволюционном националистическом заговоре и за шпионско-диверсионную деятельность в пользу Германии и Латвии».

События развивались стремительно. В октябре 1937 года Вольдемар был исключен из партии с формулировкой «за политическую близорукость и притупление бдительности». 10 ноября арестован и постановлением «двойки» (Ежов и Вышинский) от 11 января 1938 года приговорен к высшей мере наказания. А уже 18 января Вольдемар Абель и еще 216 человек, «членов контрреволюционной латвийской националистической организации», были расстреляны. 9 мая 1957 года все они были реабилитированы.

Третий из братьев Абелей, младший Готфрид, всю жизнь провел в родном городе. Окончил университет, работал на различных рижских предприятиях, воспитывал дочерей. Сложности большой политики обошли его стороной.

Но вернемся к Рудольфу Абелю. Позднее в автобиографии он напишет: «В марте 1938 года уволен из органов НКВД в связи с арестом моего брата Вольдемара».

Настали тяжелые времена: в 38 лет — стрелок военизированной охраны, снова увольнение, затем мизерная пенсия. А дальше, как и у Вильяма Фишера, последовало предложение вернуться в НКВД. 15 декабря 1941 года майор госбезопасности Рудольф Абель вновь встал в строй, и опять — в невидимый. По инициативе Якова Серебрянского его направили на работу в 4-е Управление НКВД и назначили заместителем начальника одного из его подразделений. Основной задачей этого подразделения органов государственной безопасности была организация

разведывательно-диверсионных операций в тылу немецких войск.

В аттестации на Рудольфа Абеля, подписанной 16 марта 1945 года, много недосказанного, понятного лишь специалистам:

«Обладает одной из специальных отраслей агентурной оперативной работы. <...> Тов. Абель на практической работе успешно выполнял порученные ему ответственные задания. <...> С августа 1942 года по январь 1943 года находился на Кавказском фронте в составе опергруппы по обороне Главного Кавказского хребта. В период Отечественной войны неоднократно выезжал на выполнение специальных заданий. <...> Выполнял спецзадания по подготовке и заброске нашей агентуры в тыл противника».

За успешное выполнение оперативных заданий подполковник Рудольф Иванович Абель был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими боевыми медалями, нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД». 27 сентября 1946 года Рудольф Иванович Абель был вновь уволен из органов госбезопасности, на этот раз — по возрасту.

Дружба с семейством Фишер оставалась неизменной. В ноябре 1948 года Фишер выехал в командировку, которой суждено было продлиться 14 лет. Рудольф Иванович не дождался возвращения своего товарища: скончался внезапно в декабре 1955 года. Похоронили его на Немецком кладбище в Москве.

Ему так и не суждено было узнать, что арестованный Вильям Фишер выдал себя за Рудольфа Абеля, что под его фамилией Вильям Генрихович морально выиграл процесс «Соединенные Штаты против Рудольфа Ивановича Абеля». Даже уйдя из жизни, сотрудник внешней разведки Рудольф Иванович Абель помогал и своему другу, и тому делу, которому отдал всего себя без остатка.

БЕЛКИН Наум Маркович. Родился в 1893 году в городе Жлобине Могилевской губернии в мещанской еврейской семье. Окончил три класса частной гимназии в Гомеле.

Участник Первой мировой войны. Рядовой русской армии. В 1914–1918 годах находился в германском плену. По возвращении из плена в Россию в октябре 1918 года вступил в РКП(б).

Находился на хозяйственной работе в Саратове и Ташкенте. В 1919–1920 годах являлся заведующим отделом Наркомата труда и социального обеспечения Туркестанской АССР (Ташкент). В 1920–1921 годах — политический комиссар на Западном фронте. После окончания

Гражданской войны до 1924 года являлся главным инспектором Рабоче-крестьянской инспекции на железнодорожном транспорте.

С 1924 по 1931 год Белкин, владевший арабским, французским, испанским, английским и немецким языками, работал по линии НКВД и Наркомата торговли СССР в Саудовской Аравии, а также в Йемене и Персии. Активно помогал находившимся в этих странах резидентурам.

В июне 1931 года зачислен в штаты ИНО ОГПУ. До 1935 года находился на нелегальной работе в Болгарии, Югославии и Уругвае. В 1935–1936 годах работал в берлинской резидентуре ИНО. Являлся оператором Арвида Харнака («Корсиканца») — одного из организаторов подпольной антифашистской группы, ставшей впоследствии известной как «Красная капелла». Старший лейтенант госбезопасности.

В сентябре 1936 года переведен в Испанию в качестве заместителя резидента и заместителя официального представителя НКВД СССР при республиканской службе безопасности Александра Орлова. Отвечал за координацию совместной деятельности с представителями испанских контрразведывательных служб всех уровней, успешно консультировал по различным вопросам руководство испанского МВД, осуществлял контроль над интербригадами с целью подбора из их состава объектов разработки и вербовки на советскую разведку, руководил особыми отделами республиканской армии.

10 января 1937 года награжден орденом Красного Знамени.

После бегства Орлова Белкин в августе 1938 года был отозван в Москву и в начале 1939 года уволен из НКВД «за невозможностью использования». Работал начальником Бюро информации Всесоюзного радиокомитета.

Весной 1941 года на прежней службе Белкина был подготовлен материал на его арест как «врага народа». К счастью, этот документ утвержден не был. На нем имеется резолюция начальника внешней разведки: «Нарком нашел, что данных недостаточно».

В первые дни Великой Отечественной войны Белкин был призван в армию и в должности старшего политрука направлен на политработу в Центральный военный госпиталь РККА.

В ноябре 1941 года по инициативе старшего майора госбезопасности Судоплатова Белкин был восстановлен в кадрах госбезопасности и направлен в распоряжение 2-го отдела НКВД СССР.

В декабре 1941 года по специальному поручению наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии и по документам на имя Наума Марковича Маркова был направлен в Иран для изучения «курдского вопроса», однако в марте

1942 года скончался в Тавризе от сыпного тифа.

ВАСИЛЕВСКИЙ Лев Петрович. Родился в 1904 году в Курске. С четырнадцати лет работал слесарем, электромонтером.

С 1927 года — сотрудник постоянного представительства ОГПУ в Закавказской Федерации, служил в пограничных войсках, окончил авиашколу, курсы усовершенствования комсостава при Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. В 1936 году — командир-комиссар отдельной авиачасти Управления пограничной и внутренней охраны УНКВД Казахской АССР (на границе с Китаем, в районе Синьцзяна).

С 1937 по 1938 год — руководитель разведывательно-диверсионных операций резидентуры НКВД СССР в Испании, старший советник Особого отдела Мадридского фронта, начальник опергруппы НКВД. Владел французским и испанским языками.

В 1939–1941 годах — резидент внешней разведки в Париже (под прикрытием должности генерального консула). В этот период участвовал в подготовке и проведении операции по ликвидации Троцкого.

В период Великой Отечественной войны являлся заместителем резидента НКВД в Анкаре, резидентом НКВД — НКГБ в Мексике, заместителем начальника 4-го Управления НКВД СССР.

С 1945 года руководил отделом научно-технической разведки в центральном аппарате внешней разведки.

В 1947 году уволен из разведки. В 1948–1951 годах — пенсионер МГБ, заместитель директора Главкинопроката Министерства кинематографии СССР.

В апреле 1953 года восстановлен в органах государственной безопасности и назначен помощником начальника 9-го отдела МВД СССР (Служба диверсий за границей).

В июле 1953 года вновь уволен из МВД СССР с лишением звания полковника, в 1954 году исключен из партии по «делу Берии» и допущенные «политические ошибки» в период загранработы.

В 1959 году Василевский добился восстановления в КПСС, полной реабилитации и восстановления в воинском звании.

Награжден орденом Красного Знамени и многими медалями.

Автор ряда книг по истории гражданской войны в Испании. В соавторстве с Анатолием Горским (в годы войны — резидент в Англии) перевел и издал на русском языке знаменитую книгу Рафаэля Саббатини «Одиссея капитана Блада».

Скончался в Москве в 1979 году.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ-РЫБКИНА Зоя Ивановна. Родилась 28 апреля 1907 года на станции Узловая Бочаровского уезда Тульской губернии в семье железнодорожного служащего, помощника начальника станции. Детство провела в городе Алексине. В октябре 1920 года отец Зои скончался, она была вынуждена зарабатывать, чтобы помочь матери содержать многочисленную семью.

В 1921 году, в 14 лет, стала работать библиотекарем в 42-м батальоне войск ВЧК Смоленской губернии. Затем служила в штабе Частей особого назначения (ЧОН) Смоленской губернии, была политруком-воспитателем в колонии малолетних преступников в селе Старожище под Смоленском, находилась на комсомольской работе. В конце 1928 года переехала из Смоленска в Москву, в августе 1929 года направлена комсомолом на работу в Иностранный отдел ОГПУ.

В начале 1930 года командирована на разведывательную работу в Харбин. Занимая скромную должность секретаря советского нефтяного синдиката «Союзнефть» в Харбине, в течение двух лет успешно выполняла ответственные задания Центра во время острейшей борьбы на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

Позже в облике знатной баронессы, роскошно одетая, появлялась на улицах Риги, в городах и поместьях старой Латвии. Затем судьба разведчицы перебросила ее в Центральную Европу — в Германию и Австрию, а через некоторое время на север — в Финляндию и Швецию. В последних двух странах она провела большую часть своей закордонной разведывательной жизни.

На работу в Финляндию выехала в 1935 году в качестве заместителя резидента. К этому времени уже имела значительный опыт разведывательной работы, быстро познакомилась со страной и вошла в дела резидентуры.

В начале 1936 года на должность резидента внешней разведки в Финляндии прибыл Борис Аркадьевич Рыбкин — уже весьма именитый разведчик. Поначалу у нового резидента и его заместителя взаимоотношения не сложились. Но уже через полгода они запросили Центр разрешить им пожениться. Москва дала «добро». Так Зоя Воскресенская стала Рыбкиной. В Финляндии она осуществляла связь с нелегальными сотрудниками советской внешней разведки, в частности — с Судоплатовым, а также с агентурой, собирала информацию, в том числе о планах Германии в отношении этой страны. Для решения разведывательных задач неоднократно выезжала в Швецию и Норвегию,

где координировала работу нелегальной разведывательной группы. Ее муж Борис Аркадьевич по личному указанию Сталина установил секретные контакты и вел весьма деликатные переговоры с высшим руководством Финляндии. Военный конфликт с Финляндией вынудил супругов Рыбкиных покинуть Хельсинки.

После возвращения в Москву в 1939 году Воскресенская-Рыбкина занялась аналитической работой, став одним из основных аналитиков в разведке (специальное аналитическое подразделение в разведке было создано лишь в 1943 году). К ней стекались разведданные от знаменитой «Красной капеллы» — группы антифашистов, действовавшей в гитлеровской Германии. Именно Зоя Ивановна подготовила известную аналитическую записку для Сталина, в которой утверждалось, что нападения Гитлера на Советский Союз можно ожидать в любой момент.

С первых дней Великой Отечественной войны являлась сотрудницей Особой группы, возглавляемой заместителем начальника внешней разведки генералом Судоплатовым. Она, в частности, стала одним из создателей первого партизанского отряда, была причастна к созданию и заброске в тыл противника одной из первых разведывательных групп, которая, кстати, работала под необычным, церковным прикрытием. Результаты работы разведгруппы были более чем убедительными.

Борис Рыбкин проходил в это время подготовку для разведывательной работы в Швеции. Он должен был туда выехать советником посольства и резидентом. Руководством разведки было принято решение направить вместе с ним и Зою Ивановну. Так в конце 1941 года супруги оказались в Стокгольме.

Официально Воскресенская-Рыбкина значилась пресс-атташе советского посольства, которое возглавляла знаменитая Александра Коллонтай, по линии разведки являлась заместителем резидента. Не будет преувеличением сказать, что во многом благодаря усилиям разведчиков Рыбкиных Швеция до конца войны так и осталась нейтральной, а Финляндия до срока вышла из гитлеровской коалиции.

В марте 1944 года супруги Рыбкины возвратились в Москву. Борис Аркадьевич курировал заброску нелегальной агентуры и разведывательно-диверсионных групп в оккупированные немцами страны Восточной Европы, Зоя Ивановна занималась аналитической работой.

После окончания войны Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина работала начальником немецкого отдела внешней разведки.

27 ноября 1947 года начальник одного из ведущих оперативных отделов внешней разведки полковник Борис Аркадьевич Рыбкин погиб под

Прагой при исполнении служебных обязанностей.

В 1953 году полковник Воскресенская-Рыбкина выступила на партийном собрании в защиту арестованного генерал-лейтенанта Судоплатова. На следующий день ей объявили, что она увольняется «по сокращению штатов». До пенсии Зое Ивановне оставалось проработать около года. Ее направили в распоряжение ГУЛАГа. Полковнику Воскресенской-Рыбкиной предложили поехать в Воркутинский лагерь для особо опасных преступников на должность начальника спецотдела — ния, которую занимал старший лейтенант, ожидавший замены. Она дала согласие.

В 1955 году вышла в отставку и занялась литературной деятельностью. Ее книги были изданы огромным тиражом — 21 миллион 642 тысячи экземпляров.

Ратный и писательский труд Зои Ивановны Воскресенской-Рыбкиной был отмечен высокими наградами родины: орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. В апреле 1940 года она была награждена нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Скончалась 8 января 1992 года.

ГРИГОРЬЕВ Михаил Васильевич. Родился в 1896 году. Член партии большевиков с 1917 года.

Участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Во внешней разведке с 1927 года. С 1933 по 1937 год являлся помощником руководителя нелегальной резидентуры Особой группы и СГОН во Франции. Поддерживал связь с ценной агентурой, участвовал в ответственных операциях против РОВС (Кутепов, Миллер, «Информация наших дней»). За проявленные смелость и находчивость награжден вторым орденом Красного Знамени.

В 1938 году арестован. В 1940 году приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Полностью реабилитирован в 1956 году.

ДЕЙЧ Арнольд Генрихович. Более полувека секретные архивы КГБ хранили тайну замечательного советского разведчика-нелегала Арнольда Дейча — человека, имеющего неоценимые заслуги перед нашим Отечеством, гордости советской внешней разведки. Впервые о Дейче было упомянуто лишь в 1990 году в связи с рассказом о деятельности созданной

им группы наиболее ценных источников, получившей название «Кембриджская пятерка», члены которой в 1940—1950-е годы работали в самых секретных ведомствах Великобритании.

Арнольд Дейч (известен также как Стефан Григорьевич Ланг) родился 21 мая 1904 года в Вене в семье мелкого коммерсанта, бывшего сельского учителя из Словакии. В 1928 году окончил философский факультет Венского университета. Одновременно увлекался естественными науками, особенно физикой, химией, а также психологией.

С юношеских лет принимал участие в революционном молодежном движении. В 1920 году стал членом Союза социалистических студентов, в 1924 году вступил в Коммунистическую партию Австрии (КПА). С 1928 года начал работать в разведывательном подразделении Коминтерна. Выполняя поручения руководства, выезжал в качестве курьера и связника в Румынию, Грецию, Сирию, Палестину, Германию, Чехословакию.

В январе 1932 года Дейч вместе с женой приехал в Москву, перевелся из КПА в компартию нашей страны, а спустя несколько месяцев по рекомендации Коминтерна начал работать в Иностранном отделе ОГПУ. Помимо родного немецкого и «рабочего» русского Дейч свободно владел английским, французским и итальянским языками. В Иностранном отделе прошел ускоренный курс подготовки разведчика-нелегала, его жена освоила работу радистки.

В начале января 1933 года супругов направляют на нелегальную работу во Францию. Дейч становится помощником, а через некоторое время — заместителем резидента советской нелегальной разведки в этой стране. С позиций Франции успешно выполнял специальные задания Особой группы Центра в Бельгии, Австрии, Голландии, Германии и Палестине.

Для советской разведки того времени большой интерес представляла Великобритания. Однако после восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом в 1929 году британские спецслужбы установили в отношении официальных советских представителей жесткий контрразведывательный режим. Поэтому Москва приняла решение активизировать разведывательную работу в Великобритании с нелегальных позиций.

Дейч получил задание обосноваться в Лондоне. В феврале 1934 года он переводится туда на нелегальную работу и для прикрытия становится студентом Лондонского университета. Учеба в университете дала возможность заводить широкие связи в среде студенческой молодежи. Будучи одаренным от природы, эрудированным человеком, натурой

притягательной, тонко чувствующей сущность и внутренний мир людей, Дейч пользовался этим даром так, как ему подсказывали его наблюдения и интуиция. Он сосредоточил свои разведывательные интересы преимущественно на Кембриджском и Оксфордском университетах. Его как разведчика в первую очередь интересовали студенты, которые в перспективе могли стать надежными помощниками в разведывательной работе.

Следует подчеркнуть, что Дейч был первым советским разведчиком, который сделал твердую ставку на приобретение перспективной агентуры. Его неоценимая заслуга состоит в том, что он сумел создать и воспитать знаменитую «Кембриджскую пятерку» разведчиков, в которую входили Ким Филби, Дональд Маклин, Гай Бёрджесс, Энтони Блант и Джон Кернкросс.

В середине 1970-х годов Ким Филби говорил по поводу использования перспективной агентуры и о работе Дейча в данном направлении следующее:

«На момент вербовки у меня не было доступа ни к какой секретной информации, да и вообще ни к какой информации, кроме радио и газет. У меня не было работы. Я даже не знал, куда мне удастся устроиться, считал только, что мои надежды скорее всего могут быть связаны с журналистикой. И тем не менее меня завербовали. Единственное, что было известно обо мне сотруднику нелегальной разведки, это мое желание работать на дело коммунизма (даже в нелегальных условиях, если потребуется), да еще то, что я происходил из безукоризненной буржуазной семьи, получил буржуазное воспитание и образование. По сути, он вытянул из пачки чистый лист бумаги в надежде на то, что в один прекрасный день сам или кто-то другой сможет написать на нем что-нибудь полезное».

В одном из писем в Центр сам Дейч писал о своих помощниках:

«Все они пришли к нам по окончании университетов в Оксфорде и Кембридже. Они разделяли коммунистические убеждения. Это произошло под влиянием широкого революционного движения, которое за последние годы захватило некоторые слои английской интеллигенции и в особенности две крепости английской интеллектуальной жизни — Кембридж и Оксфорд.

Восемьдесят процентов высших государственных постов заполняется в Англии выходцами из Кембриджского и Оксфордского университетов, поскольку обучение в этих высших школах связано с расходами, доступными только богатым людям. Отдельные бедные студенты — исключение. Диплом такого университета открывает двери в высшие

сферы государственной и политической жизни страны».

Все привлеченные Дейчем к сотрудничеству с советской разведкой члены «Кембриджской пятерки» успешно работали на Москву в течение длительного времени. Филби стал высокопоставленным сотрудником английской разведки, ее представителем при Центральном разведывательном управлении США. Блант всю Вторую мировую войну работал в контрразведке Великобритании. Кернкросс служил в британской дешифровальной службе, затем координировал деятельность английской разведки в Югославии. Маклин и Бёрджесс занимали высокие посты в английском дипломатическом ведомстве. От «пятерки» поступала ценнейшая разведывательная информация. В первую очередь она касалась состояния вооруженных сил Германии и отношения к СССР союзников по антигитлеровской коалиции. В частности, с помощью данных, полученных от «пятерки», советская внешняя разведка выявила попытки немцев вести сепаратные переговоры о мире с союзниками СССР (1942 год — Анкара, 1943 год — Стокгольм и Ватикан и, наконец, 1944–1945 годы — Швейцария). В Центр были переданы ценнейшие сведения о планах операции фашистских войск в районе Курска и о намерениях гитлеровцев применить на Восточном фронте новые виды боевой техники, телеграфная переписка МИДа Англии со своими загранпредставительствами, протоколы заседаний кабинета министров, комитета обороны и комитета начальников штабов. Особую ценность представили сведения о позиции западных стран по вопросам послевоенного урегулирования, а также доклад «Уранового комитета», подготовленный для Черчилля. В этом документе говорилось о начале работ по созданию в Великобритании и США атомной бомбы, ее конструкции и переносе на территорию США центра исследований и производства нового смертоносного оружия.

Помимо работы с перспективными источниками Дейч успешно решал и другие оперативные задачи. Так, в конце 1934 года им совместно с другим выдающимся советским разведчиком Дмитрием Быстролётовым был привлечен к сотрудничеству шифровальщик Управления связи британского МИДа, в результате чего советская разведка получила доступ к секретам британской дипломатии.

В сентябре 1937 года Арнольд Дейч возвратился из Лондона в Москву. Его деятельность была высоко оценена руководством Центра. За достигнутые успехи Дейч был представлен к награждению именным оружием. В одном из документов того времени говорилось: «За период нелегальной работы за границей Дейч проявил себя на различных участках подполья как исключительно инициативный и преданный работник».

В другой характеристике указывалось: «Во время работы в Англии Дейч зарекомендовал себя как особо ценный работник лондонской нелегальной резидентуры. Им лично приобретено более 20 источников, в том числе известная «пятерка». Большинство из них поставляли особо ценные материалы».

В 1938 году разведчик, его жена и родившаяся в Лондоне дочь получают советское гражданство. Дейч становится научным сотрудником Института мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР, где с его знаниями и опытом он принес немало пользы.

Сразу же после нападения гитлеровской Германии на СССР руководство разведки принимает решение направить Дейча на нелегальную работу в Латинскую Америку. Постоянным местом резидентуры была определена Аргентина, поддерживавшая в те годы политические и экономические отношения с фашистской Германией.

В ноябре 1941 года нелегальная группа во главе с Дейчем отправилась в путь через Иран, Индию, страны Юго-Восточной Азии. Уже были пройдены Персидский залив, Тегеран, Карачи. Однако в связи с началом войны между Японией и США дальнейшее продвижение стало опасным, и разведчики возвратились в Москву. Был разработан новый вариант маршрута переброски нелегальной группы в Латинскую Америку, на этот раз Северным морским путем, а затем — через Исландию и США. В начале ноября 1942 года разведчики отбыли к новому месту работы.

4 ноября 1942 года из становища Белужья Губа, что на Новой Земле, вышел в самостоятельное плавание танкер «Донбасс», имея на борту 49 человек. В их числе была и группа Дейча. 7 ноября «Донбасс» подвергся атаке немецкого крейсера и был потоплен. Почти вся команда и пассажиры судна, в том числе и выдающийся разведчик-нелегал Арнольд Дейч, погибли.

ЗУБОВ Петр Яковлевич. Родился 7 февраля 1898 года в Тифлисе в рабочей семье. В 1908 году окончил Чугуретское начальное училище, в 1915 году — тифлисское Михайловское техническое железнодорожное училище Министерства путей сообщения. Работал техником-десятиником на Закавказской железной дороге, одновременно посещал лекции Тифлисского народного университета. В 1918 году, когда в стране полыхала Гражданская война, сделал свой политический выбор и вступил в партию большевиков. Вел нелегальную работу: распространял большевистскую литературу, расклеивал прокламации. Участвовал в подготовке восстания в Тифлисе в ноябре 1919 года, являясь членом большевистской боевой дружины.

После высадки британского экспедиционного корпуса в Закавказье и захвата власти в Грузии меньшевиками 22-летний Зубов в марте 1920 года был арестован особым отрядом меньшевистского правительства за революционную деятельность и помещен в Кутаисскую тюрьму. В заключении он пробыл недолго: в соответствии с договором между РСФСР и Грузией уже в мае того же года вместе с другими узниками грузинских националистов был освобожден и выслан в Россию. Выехал во Владикавказ и поступил на работу в ЧК Горской республики.

После освобождения Закавказья от английских и турецких интервентов возвратился в Тифлис. Работал на оперативных должностях в Грузинской ЧК. До 1927 года руководил мероприятиями по разгрому подпольных антисоветских центров, участвовал в ликвидации повстанческого штаба меньшевиков и нескольких подпольных типографий. Являлся заместителем начальника секретного отдела Грузинского ГПУ.

За конкретные результаты в работе в 1924 году награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (V)», а немного позже — именованным оружием.

Как грамотный чекист, приобретший опыт разведывательной работы, в том числе за границей, в 1928 году направлен в резидентуру ОГПУ в Стамбуле. В Турции работал под прикрытием должности сотрудника консульского отдела полпредства СССР.

В июле 1930 года в связи с предательством руководителя нелегальной резидентуры ОГПУ Георгия Агабекова, хорошо знавшего его, вынужден был возвратиться в Москву. За период служебной командировки характеризовался как «один из лучших и ответственных оперативных работников резидентуры, добившийся высоких результатов».

Прибыв в центральный аппарат ОГПУ, сразу получил новое ответственное задание: вновь отправиться на работу в Закавказское ГПУ. В Закавказье занимался борьбой с бандитизмом и организованной преступностью. Лично принимал участие в ликвидации бандформирований в Грузии и Абхазии. За мужество и героизм, проявленные в боях с бандитами, в 1930 году был повторно награжден почетным именованным оружием, в 1931 году — почетной грамотой коллегии ОГПУ «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Однако в Грузии Зубов долго не задержался. Уже в июле 1931 года он был направлен во Францию в качестве оперативного сотрудника парижской резидентуры ОГПУ. В Париже занимался в основном разработкой антисоветской грузинской эмиграции, мечтавшей о свержении советской власти в Закавказье. Хорошо зная обстановку в эмигрантских кругах,

психологию и менталитет грузинских меньшевиков, свободно владея грузинским языком, вскоре приобрел ряд ценных источников в кругах белой антисоветской эмиграции, в том числе в ближайшем окружении лидера грузинских меньшевиков Ноя Жордания, поддерживавшего тесные связи с британской и французской разведками. От этих источников резидентура регулярно получала материалы загранбюро меньшевистской партии Грузии, сведения о готовившихся террористических акциях. Основываясь на этих сведениях, советским чекистам удалось предотвратить ряд терактов на территории СССР.

Разведчиком по агентурным каналам была вскрыта и нейтрализована террористическая группа, созданная грузинскими меньшевиками для совершения покушения на И. В. Сталина. Им разрабатывались и другие антисоветские эмигрантские группы, направлявшиеся в Грузию для организации повстанческого движения.

Благодаря целеустремленной работе Зубова парижская резидентура вскрыла и контролировала подготовку английской разведки к проведению крупной террористической операции на Кавказе под кодовым наименованием «Диверсия». В результате планы англичан по дестабилизации обстановки в этом регионе были сорваны.

За период работы в Париже разведчик также приобрел ценного источника информации, от которого на регулярной основе поступали разведывательные сведения по Ирану и Турции. За успешную работу в парижской резидентуре Зубов был награжден орденом Красного Знамени.

В мае 1933 года Петр Яковлевич возвратился в Москву и стал работать в центральном аппарате разведки. В апреле 1937 года был назначен резидентом НКВД в Праге.

В 1935 году Советский Союз и Чехословакия подписали секретное соглашение о сотрудничестве по линии разведслужб. Для решения практических вопросов взаимодействия Москву посетил руководитель чехословацкой разведки полковник Франтишек Моравец. Первоначально это сотрудничество курировалось по линии Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. В 1937 году Сталиным было принято решение поручить поддержание контактов по линии разведслужб обеих стран внешней разведке органов государственной безопасности. Реализацией практических вопросов взаимодействия в Праге было поручено заниматься Петру Зубову.

Он прибыл в столицу Чехословакии в период, когда гитлеровская Германия, резко нарастившая свои вооруженные силы и оккупировавшая Рейнскую область и Саарский бассейн, откровенно высказывала претензии

на Судетскую область Чехословакии, где проживали немцы. Агрессивная политика Берлина, естественно, беспокоила и Прагу, и Москву, где понимали, что Запад пока не готов к войне с Германией и пожертвует Чехословакией. В то же время ради обеспечения собственной национальной безопасности Чехословакия стремилась к союзу с СССР.

В 1938 году президент Чехословакии Бенеш обратился к Сталину с просьбой поддержать его действия по свержению правительства Стоядиновича в Белграде, которое проводило враждебную Праге политику. По специальному указанию Сталина на НКВД была возложена задача по организации финансирования сербских офицеров-боевиков, затеявших подготовку антиправительственного переворота в Белграде.

Передать деньги заговорщикам было поручено резиденту НКВД в Праге Петру Зубову. Он выехал в Белград и встретился с руководителями антиправительственного заговора. В ходе беседы с ними убедился в том, что подобранные чешской разведкой на роль руководителей переворота люди являются авантюристами, не имеющими серьезной опоры ни в армии, ни в обществе. Он отказался выдать им 200 тысяч долларов, выделенных Сталиным, и возвратился в Прагу. В Москву ушла соответствующая шифровка. Ознакомившись с телеграммой, Сталин пришел в ярость, приказал отозвать в Москву и арестовать разведчика, который осмелился не выполнить его конфиденциального поручения. Никакие доводы руководства разведки на Сталина, разумеется, не подействовали.

Петр Зубов оказался в тюрьме, где его сразу начали с пристрастием допрашивать. Разведчик полностью отрицал свою вину, объясняя, что задание вождя он выполнил, однако не стал передавать «деньги рабочих и крестьян» шайке авантюристов.

Осенью 1939 года, когда Польша оказалась захваченной гитлеровским вермахтом, а к Советскому Союзу отошла Западная Украина, чекисты обнаружили во львовской тюрьме резидента польской разведки в Берлине полковника Сосновского. Он был арестован в Берлине гестапо, а затем обменен на двух крупных агентов абвера, арестованных в Варшаве. Польские власти отдали его под суд, обвинив в растрате казенных денег и провале агентурного аппарата. Тюремный срок Сосновский отбывал во львовской тюрьме.

Чекистами был также задержан богатый польский аристократ Януш Радзивилл, поддерживавший в предвоенное время контакты с Герингом и представителями английской аристократии.

Оба поляка были доставлены в Москву на Лубянку, где их поместили

во внутреннюю тюрьму НКВД и начали активно разрабатывать на предмет вербовки. В качестве разработчика поляков выступил находившийся в тюрьме Петр Зубов.

Позже Павел Судоплатов в своих мемуарах писал:

«После своего назначения заместителем начальника разведслужбы в марте 1939 года я напомнил Берии о судьбе Зубова, все еще находившегося в тюрьме за невыполнение приказа о финансировании переворота в Югославии. Этот человек, сказал я Берии, — преданный и опытный офицер разведки.

Ради спасения Зубова я предложил Берии поместить его в одну камеру с полковником Сосновским. Зубов бегло говорил на французском, немецком и грузинском языках. Берия согласился, и Зубова перевели из Лефортова на Лубянку.

Находясь с Сосновским в одной камере, Зубов содействовал его вербовке. Он убедил его, что сотрудничество с немецкой или польской спецслужбами не сулит ему никакой перспективы на будущее, поэтому имеет прямой смысл сотрудничать с советской разведкой».

После того как Зубов помог завербовать Сосновского, Судоплатов предложил Берии использовать разведчика для разработки князя Радзивилла. Это предложение было одобрено наркомом. Зубова перевели в камеру Радзивилла, где он находился в течение месяца. Впоследствии, как свидетельствовал Павел Судоплатов, князь Радзивилл был завербован Зубовым и использовался в качестве агента влияния.

После начала Великой Отечественной войны Зубов по ходатайству Судоплатова был освобожден и назначен начальником германского отделения Особой группы, преобразованной в феврале 1942 года в 4-е Управление НКВД СССР. В годы войны руководил подготовкой и заброской в тыл врага специальных разведывательных групп, участвовал в ряде оперативных мероприятий, в том числе в операциях «Монастырь» и «Березино». Его личный вклад в Победу был отмечен орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и многими медалями.

В 1946 году министром госбезопасности стал 38-летний генерал-лейтенант Виктор Абакумов. Петру Яковлевичу Зубову пришлось срочно выйти в отставку по состоянию здоровья, поскольку в предвоенные годы именно Абакумов был причастен к его аресту и приказывал следователям жестоко избивать его. Однако в 1948 году о Зубове вновь вспомнили. В январе того года он по заданию Сталина и Молотова вместе с Судоплатовым выезжал в Прагу. Учитывая имевшиеся в предвоенные годы тесные связи Зубова с Бенешем, на него была возложена задача убедить

чехословацкого президента поручить лидеру компартии Чехословакии Клементу Готвальду сформировать правительство, иными словами, обеспечить бескровную передачу власти в стране коммунистам. Эта задача была разведчиком успешно решена.

Скончался Петр Яковлевич Зубов в 1952 году. Его имя занесено на мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

КАМИНСКИЙ Иван Николаевич. Родился 26 января 1896 года в селе Корнин Сквирского уезда Киевской губернии в семье крестьянина. Украинец. С десятилетнего возраста работал у помещика в поле, посещал сельскую школу. С 1910 года жил в Москве. Работал рассыльным в издательстве «Агроном», одновременно окончил гимназию.

В 1915 году призван на военную службу. Окончил Иркутскую школу прапорщиков. Воевал на Румынском фронте, подпоручик 40-го Сибирского стрелкового полка царской армии.

После Октябрьской революции — один из руководителей партизанского движения на Украине в тылу у гетманских, а затем — петлюровских войск. Один из организаторов 1-й Волынской повстанческой революционной дивизии, командир полка Таращанской бригады (44-я дивизия Н. А. Щорса). Был тяжело ранен, находился на излечении в Москве.

В 1920 году вступил в РКП(б). В том же году направлен на работу в Особый отдел МЧК. В 1921–1922 годах — начальник отделения Особого отдела Харьковского военного округа.

В 1922 году переведен на работу в Иностраннный отдел ОГПУ. До 1930 года являлся помощником легального резидента в Польше, помощником резидента в Чехословакии, резидентом в Латвии, резидентом в Италии (второй секретарь полпредства), резидентом в Финляндии.

В 1930 году направлен в Германию в качестве руководителя нелегальной резидентуры ИНО ОГПУ. В сферу его интересов входил весь Польско-Прибалтийский регион. Из резидентуры на постоянной основе в Центр поступала документальная информация о замыслах и практических действиях польских властей против СССР, а также о готовящихся провокациях на советской границе русских и украинских террористических формирований, действовавших под покровительством польских спецслужб.

С весны 1934 года — нелегальный резидент в Париже. Работал по эмигрантским террористическим организациям на территории Франции, Бельгии и Швейцарии. Именно Каминский начал оперативную разработку находившегося тогда в Швейцарии лидера ОУН Е. Коновальца.

После возвращения в Москву в конце 1936 года назначен начальником 1-го отделения (Германия, Польша, Венгрия, Чехословакия) ИНО.

В конце 1938 года арестован и приговорен к длительному сроку тюремного заключения. В 1941 году по ходатайству Судоплатова освобожден из тюрьмы, откомандирован в распоряжение 4-го Управления НКВД СССР и направлен на подпольную работу на Украину. По свидетельству Судоплатова, покончил жизнь самоубийством в 1943 году во время ареста органами абвера в Житомире.

Майор государственной безопасности Каминский награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (V)», почетным боевым оружием и медалью «XX лет РККА».

КАРИН Федор Яковлевич. В 1896 году в семье бедного еврейского местечкового ремесленника Янкеля Крутянского, проживавшего с многочисленной семьей в селе Суслено в Бессарабской губернии, родился очередной ребенок, которого родители назвали Тодресом, или, на молдавский манер, Тудором. Впрочем, русские сверстники Тодреса, с которыми он играл в уличные игры в этом захудалом местечке, называли его более привычным русским именем Федор. Отец мечтал, чтобы его отпрыск «вышел в люди» и, когда сыну исполнилось десять лет, отдал его в реальное училище. Здесь Федор помимо основных дисциплин упорно овладевал немецким и английским языками, которые должны были пригодиться будущему коммерсанту.

Во время учебы сблизился с революционно настроенными учащимися, вступил в подпольный кружок Российской социал-демократической рабочей партии, вел активную революционную агитацию.

С началом Первой мировой войны восемнадцатилетний Крутянский мобилизован в армию и по заданию военной ячейки РСДРП (б) вел среди солдат революционную пропаганду, за что был отправлен в штрафную роту. Ему удалось бежать и эмигрировать в соседнюю Румынию, где он продолжил революционную деятельность. В 1915 году после вступления Румынии в войну на стороне Антанты приговорен Королевским судом к тюремному заключению. В 1917 году вследствие Февральской революции освобожден из тюрьмы по амнистии для политических заключенных, возвратился в Россию и включился в активную революционную работу.

После Октябрьской революции служил в бессарабской бригаде Красной гвардии. В одном из боев с войсками боярской Румынии был ранен. В начале 1919 года командовал эскадронам конных разведчиков, одновременно являлся секретарем Центрального бюро компартии

Бессарабии.

Вскоре 23-летний Тодрес Крутянский был назначен политическим комиссаром Всеукраинского уголовного розыска, членом коллегии Всеукраинской чрезвычайной комиссии (ВУЧК). Здесь он сменил имя и фамилию и стал именоваться Федором Яковлевичем Кариным.

В 1919 году переведен в Москву, в оперативную часть Особого отдела ВЧК, где под руководством Артура Артузова борется с врагами советской власти.

В сентябре 1919 года московские чекисты ликвидировали разветвленный контрреволюционный заговор белогвардейского «Национального центра». В общей сложности чекисты при поддержке красноармейцев и рабочих московских заводов арестовали около семисот членов контрреволюционных террористических организаций, в основном бывших кадровых офицеров, которые планировали захватить Кремль и арестовать советское правительство во главе с В. И. Лениным.

В мае 1921 года чекисты вышли на след контрреволюционной организации «Народный союз защиты Родины и свободы», возглавляемой известным террористом эсером Борисом Савинковым. Для борьбы с савинковцами Артузов разработал операцию «Синдикат-2», в реализации которой принимали участие Карин и другие сотрудники ВЧК, среди которых, в частности, был ставший впоследствии знаменитым разведчиком Наум Эйтингон.

В феврале 1922 года Федор Карин стал сотрудником Иностранного отдела (ИНО) ГПУ.

Федор Карин, которому исполнилось всего 26 лет, идеально подходил для работы в Иностранном отделе. Помимо молдавского он свободно владел румынским, немецким и английским языками. Молодого, но уже опытного чекиста сразу же назначили руководителем нелегальной резидентуры в Румынию, с которой у молодого Советского государства в ту пору не было дипломатических отношений. Резидент Карин передавал в Центр важную информацию о работе румынской разведки против нашей страны, о взаимоотношениях Бухареста с малой и большой Антантой, о военно-политических договорах Румынии с соседними странами. Видное место в работе возглавляемой им нелегальной резидентуры ГПУ занимали вопросы деятельности на территории боярской Румынии русских и украинских антибольшевистских группировок и отрядов, в том числе сторонников батьки Махно, укрывшегося на ее территории, выявление их связей с Россией, а также использование этих организаций румынскими спецслужбами.

Однако в Румынии Карин пробыл всего около полугода: ему пришлось покинуть Бухарест из-за угрозы, что его могли узнать по работе в Бессарабии.

Из Бухареста переведен заместителем руководителя нелегальной резидентуры в Вену, где продолжает работать по Румынии. В декабре 1922 года отозван в Москву. Работа Карина в командировке была признана успешной. В том же месяце командирован в Болгарию под прикрытием уполномоченного Всероссийского общества Красного Креста (ВОКК).

Находясь в Болгарии и занимаясь репатриацией русских беженцев, Карин вел также активную разведывательную работу по русской военной эмиграции. Одновременно возглавляемая им резидентура проводила большую оперативную работу по проверке репатриантов и вербовке среди них перспективных лиц.

Разумеется, эта деятельность Карина не осталась незамеченной для болгарских спецслужб, которые систематически устраивали провокации против разведчика.

9 июня 1923 года в Болгарии был совершен военно-фашистский переворот. Новые власти страны в октябре того же года закрыли представительство ВОКК в Софии. Вскоре Карин возвратился в Москву.

В марте 1924 года направлен в служебную командировку в Китай, в город Харбин под официальным прикрытием уполномоченного по репатриации. В Китае работал до 1927 года сначала заместителем, а затем руководителем «легальной» резидентуры. Одним из основных объектов внешней разведки органов госбезопасности в этом регионе являлась белогвардейская эмиграция, осевшая там после окончания Гражданской войны в России.

Руководимая Кариним резидентура завербовала русского эмигранта Ивана Трофимовича Иванова-Перекреста. Он имел обширные связи среди японских военнослужащих, сотрудников жандармерии, китайцев, служивших в японских учреждениях.

В 1927 году через Перекреста резидентура добыла совершенно секретный документ — «меморандум Танаки», в котором излагались планы завоевания Японией Маньчжурии, Китая, советского Приморья и Дальнего Востока. Как отмечается в «Очерках истории российской внешней разведки», «получение «меморандума Танаки» явилось крупнейшим достижением в работе советской внешней разведки против милитаристских устремлений Японии в период 1920-х — начала 1930-х годов».

Работа Карина в качестве резидента ОГПУ в Харбине была настолько успешной, что в начале 1930-х годов харбинская резидентура стала главной

«легальной» резидентурой внешней разведки в Китае. Особое внимание Карин уделял террористическим планам японской военщины в Маньчжурии, каналам засылки японских разведчиков в СССР, деятельности антисоветских эмигрантских центров.

В 1927 году завершилась служебная командировка Федора Карина в Китай. За успешную работу в качестве резидента он был награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)».

В ноябре того же года разведчик по линии Особой группы ОГПУ в качестве резидента-нелегала был направлен в США для организации работы с нелегальных позиций. Здесь он находился до середины 1928 года. Карину удалось обосноваться в Нью-Йорке, приобрести надежные документы, легализоваться и создать прикрытие для ведения работы с нелегальных позиций. Созданной им нелегальной резидентуре на связь была передана ценная агентура, которая добывала документы Госдепартамента США, в том числе копии докладов послов США в Европе и на Дальнем Востоке, а также некоторые материалы по экономической и научно-технической разведке.

В июне 1928 года по указанию Центра Карин из США переехал в Германию, где также возглавил нелегальную резидентуру. Интересно, что для въезда в эту страну он воспользовался подлинными швейцарскими документами своего друга и начальника Артура Артузова, настоящая фамилия которого была Фраучи.

Нелегальная резидентура Карина в Германии состояла из шести человек, включая курьера и содержателя конспиративной квартиры. Несмотря на это она располагала обширной агентурной сетью, имевшей выходы на белогвардейскую вооруженную организацию Русский общевоинский союз (РОВС) во Франции, правительственные учреждения Германии, Франции и США. В марте 1931 года Карин был переведен на нелегальную работу во Францию.

В Париже он проработал до августа 1933 года и добился впечатляющих результатов в вербовочной работе. Руководимая им нелегальная резидентура имела «своих людей» в спецслужбах, важных правительственных учреждениях, выходы на главарей РОВС Кутепова и Миллера. За успешную работу во Франции Карин награжден вторым нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (XV)».

Из служебной аттестации за 1933 год, подписанной начальником Иностранного отдела ОГПУ А. Х. Артузовым: «Тов. Карин Федор Яковлевич, член ВКП(б) с 1919 года, работник ВЧК — ОГПУ с 1919 года <...> один из наиболее опытных и квалифицированных руководителей

разведки в условиях подполья. <...> Считаю тов. Карина в первом десятке лучших организаторов-разведчиков СССР».

По возвращении в Москву в сентябре 1933 года Карин назначен начальником 1-го отделения ИНО ОГПУ, занимавшегося ведением разведки в США и Европе. Ему было присвоено звание старшего майора госбезопасности.

В связи с возросшей нацистской угрозой в мае 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о координации деятельности Разведывательного управления РККА, Иностранного и Особого отделов ОГПУ. Решением ЦК партии начальник ИНО ОГПУ А. Х. Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведывательного управления Красной армии. Ему было предложено в месячный срок проанализировать работу военной разведки и разработать меры по устранению недостатков, прежде всего многочисленных провалов военных разведчиков. При назначении на этот пост Артузов в качестве единственного условия оговорил право взять с собой в Разведывательное управление РККА около двадцати сотрудников ИНО ОГПУ. Просьба была удовлетворена. Федор Яковлевич Карин был переведен в военную разведку и назначен на должность начальника ее 2-го отдела, занимавшегося ведением военной разведки в странах Востока. Ему было присвоено звание комкора (корпусного комиссара), что соответствовало воинскому званию генерал-лейтенанта.

В июне 1934 года Артузов подготовил подробный доклад на имя Сталина, в котором были проанализированы причины провалов военной разведки в Европе. Они вызывались низкой дисциплинированностью сотрудников Разведупра, пренебрежением правилами конспирации, использованием коммунистов европейских стран в работе «легальных» и нелегальных резидентур. Выводы Артузова были одобрены Сталиным, который распорядился «навести должный порядок» в работе резидентур военной разведки.

Однако в феврале 1935 года по вине видного военного разведчика Улановского произошел очередной, весьма серьезный, провал резидентуры Разведупра в Копенгагене. Нарком обороны К. Е. Ворошилов, с недоверием относившийся к представителям ОГПУ в его ведомстве, использовал данное обстоятельство для дискредитации Артузова и пришедших вместе с ним в военную разведку чекистов. А назначенный на должность начальника Разведупра С. Урицкий начал проводить линию на постепенное отстранение пришедших из ОГПУ Артузова, Штейнбрюка и Карина от всех дел по руководству военной разведкой.

11 января 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) по предложению наркома обороны Ворошилова приняло решение освободить Артузова, Штейнбрюка и Карина от работы в Разведывательном управлении РККА и направить их в распоряжение НКВД.

29 марта 1937 года был арестован нарком НКВД Ягода. Новый нарком Ежов начал чистку органов госбезопасности от лиц, работавших вместе с Ягодой. 15 апреля был арестован комкор Артур Артузов. Вскоре вслед за ним были арестованы комкоры Отто Штейнбрюк и Федор Карин.

Дело «об участии комкора Ф. Карина в военно-фашистском заговоре», более известное как сфабрикованный Н. Ежовым «заговор генералов», было рассмотрено на заседании Специальной комиссии 21 августа 1937 года. Комиссия приговорила его к смертной казни.

В тот же день выдающийся разведчик Федор Яковлевич Карин был расстрелян. Вместе с ним были расстреляны А. Артузов, О. Штейнбрюк и другие чекисты. Их тела были тайно погребены в районе подмосковного совхоза «Коммунарка» в безымянной братской могиле.

5 мая 1956 года Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела дело по обвинению Федора Яковлевича Карина в измене родине. Дополнительной проверкой было установлено, что он был осужден необоснованно. Военная коллегия отменила решение Специальной комиссии от 21 августа 1937 года «за отсутствием состава преступления».

Честное имя выдающегося разведчика-нелегала комкора Федора Карина, погибшего в возрасте сорока одного года, было восстановлено.

КОЛЕСНИКОВ Юрий Антонович. Родился 17 марта 1922 года в городе Болград Измаильского уезда, королевство Румыния, в семье портного. Настоящие имя и фамилия — Иойна Товневич Гольдштейн. Окончил начальную школу и румынский лицей «Короля Кароля II». Работал в автомобильном гараже немецкой фирмы «Шенкер».

В 1940 году после воссоединения Бессарабии с СССР работал в НКВД в Одессе.

В начале Великой Отечественной войны добровольцем пошел на фронт. Вскоре был переведен в ОМСБОН Особой группы НКВД. Находился в составе спецгруппы НКВД при штабе Южного фронта. Был заброшен со спецзаданием в Румынию. С августа 1941 года в составе спецгруппы НКВД участвовал в диверсионных рейдах по тылам противника. В ноябре переведен на работу в 4-е Управление НКВД, в марте 1942 года после окончания специальных курсов немецкого языка заброшен в глубокий тыл противника.

С ноября 1943 года находился в 1-й Украинской партизанской дивизии Ковпака. Вел активную агентурную работу в тылу противника. Участвовал в партизанском рейде на Западную Украину и в Польшу. С небольшим отрядом захватил станцию на линии Минск — Барановичи с тремя эшелонами немецких танков, орудий и автомашин и удерживал ее до подхода передовых частей Красной армии.

С 1946 года — на нелегальной работе в Румынии. Оттуда перебрался в Палестину. Создал первую постоянную советскую агентурную сеть на Ближнем Востоке.

В 1980 году вышел в отставку. Полковник. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, многими медалями. 7 декабря 1995 года Указом Президента Российской Федерации № 1226 Юрию Антоновичу Колесникову присвоено звание Героя России.

Писатель, автор многих книг художественной прозы, член Союзов писателей СССР и России. Являлся заместителем председателя Антисионистского комитета советской общественности.

Скончался 14 августа 2013 года в Москве.

КОСЕНКО Георгий Николаевич. Родился 12 мая 1901 года в Ставрополе в семье служащего. Незадолго до начала Гражданской войны получил среднее образование, окончив в родном городе мужскую гимназию.

Здесь следует напомнить, что белые царские генералы во главе с Калединым, выпущенные советской властью из тюрьмы под честное слово не воевать против нее, бежали на Дон и Северный Кавказ, чтобы развязать в стране гражданскую войну. В 1918 году отец Георгия Косенко, принимавший участие в революционных событиях в Ставрополе, был расстрелян белогвардейцами, захватившими город. Вскоре и его сестра, являвшаяся членом партии большевиков с 1914 года и работавшая в большевистском подполье, была повешена.

Георгий Косенко, которому едва исполнилось 17 лет, без колебаний принял советскую власть. В 1920 году он стал секретным сотрудником ВЧК в Ставрополе, активно боролся с белогвардейцами и иностранными интервентами. В 1921 году записался красноармейцем в Ставропольский дивизион войск ВЧК. В том же году двадцатилетний чекист вступил в ряды РКП(б). До 1924 года принимал активное участие в уничтожении остатков белогвардейских банд на Северном Кавказе.

В 1924 году стал кадровым сотрудником органов ОГПУ. Работал на

различных должностях в родном Ставрополе, а также в Новороссийске, Владикавказе, Ростове, Свердловске и Москве.

Еще в гимназии неплохо овладел французским языком. В начале 1933 года на молодого, но успевшего приобрести оперативный опыт чекиста обратили внимание сотрудники Иностранного отдела ОГПУ. По их рекомендации Косенко перевели в кадры внешней разведки. А уже 30 апреля того же года он назначается на ответственную должность заместителя резидента ОГПУ в Харбине.

В середине мая 1933 года Георгий Косенко прибыл в Харбин. Разведчику был выдан дипломатический паспорт на имя Георгия Николаевича Кислова. В столице Маньчжурии, оккупированной японскими военными в 1931 году, он работал под дипломатическим прикрытием секретаря советского генконсульства. В июне 1935 года был назначен резидентом ИНО НКВД и одновременно по линии учреждения прикрытия повышен до должности вице-консула СССР.

Политическая обстановка в Китае в тот период была весьма сложной. Наиболее сильные позиции в экономике страны занимала Англия. Против английского влияния в Китае активно выступала Япония, в 1931 году захватившая территорию Северо-Восточного Китая и в марте 1932 года создавшая там марионеточное государство Маньчжоу-Го под управлением малолетнего императора Пу И. Япония рассматривала Китай как исключительно собственную сферу влияния, крупнейший рынок сбыта товаров и богатейший источник сырья для японской промышленности. Свои корыстные интересы в этой крупнейшей азиатской стране преследовали и США, стремившиеся потеснить Англию и Японию на китайских рынках. Военное столкновение между этими империалистическими державами было неизбежным. Советский Союз, имевший общую границу с Китаем протяженностью около пяти тысяч километров, не был заинтересован в превращении Китая в арену военного противоборства империалистических государств, которые могли в конечном итоге сговориться и попытаться решить свои проблемы за счет СССР.

Кроме того, в Маньчжурии, в дореволюционный период входившей в зону влияния России, имелась многочисленная, в несколько десятков тысяч человек, русская колония. Здесь же осели остатки контрреволюционных белогвардейских банд, потерпевших поражение в Гражданской войне и перешедших на содержание разведывательных служб Англии, Японии и США. Поэтому одним из основных объектов внешней разведки в Китае являлись эмигрантские формирования. При этом разведчики вербовали

агентуру в первую очередь из числа эмигрантов, решивших возвратиться в СССР.

К моменту приезда Косенко в Харбин в «легальной» резидентуре работали шесть оперативных и четыре технических сотрудника. Начальник ИНО ОГПУ Артузов дал Косенко четкое указание переключить разведывательную работу резидентуры в Харбине на выявление планов вооруженной эмиграции и иностранных спецслужб по диверсиям, вредительству и шпионажу.

Георгий Николаевич в течение десяти лет принимал активное участие в борьбе с белогвардейской эмиграцией, выявляя ее связи с подпольем в нашей стране, накопил значительный опыт оперативной работы. Поэтому неудивительно, что в Харбине он с первых дней активно включился в работу резидентуры. В представлении Косенко на должность резидента, подписанном в начале июня 1935 года, отмечалось, что «являясь в течение двух лет заместителем резидента ИНО ОГПУ — НКВД в Харбине, он самым активным образом помогал резиденту и добился значительных результатов в оперативной деятельности».

В документе, в частности, подчеркивалось, что Косенко через свои агентурные возможности выявил десять белогвардейских банд, сформированных японцами для переброски на советскую территорию. Им было установлено свыше 180 активных участников бандформирований, поставленных на учет в Центре. Благодаря полученной им оперативной информации три банды (Карася, Якимова и Комиссаренко), направленные на нашу территорию, при переходе советско-маньчжурской границы были ликвидированы.

Георгию Косенко удалось также выявить 25 активных японских разведчиков, засылавшихся штабом Квантунской армии на территорию СССР. К отдельным из них были подведены агенты резидентуры, что позволило Центру быть в курсе вопросов, интересовавших японскую разведку. Одновременно Косенко через агентурные каналы установил ряд японских разведчиков, работавших под прикрытием в различных учреждениях марионеточного государства Маньчжоу-Го.

В результате оперативных мероприятий харбинской резидентуры, разработанных непосредственно оперработником, пять японских разведчиков были выведены на советскую территорию и арестованы органами госбезопасности. Одновременно им была вскрыта и своевременно предотвращена провокация японской жандармерии (так называемое «дело ИНО ОГПУ»). Она заключалась в том, что японцы через завербованного ими белого эмигранта Воронина вербовали советских

граждан в учреждениях СССР в Маньчжурии и на КВЖД от имени ОГПУ для освещения положения в советской колонии. Своевременными мерами, предпринятыми резидентурой, все завербованные японцами лица были выведены в СССР, дали письменные показания, на основании которых советский Наркомат иностранных дел заявил официальный протест японской стороне.

Большое место в работе Косенко в Маньчжурии занимали вопросы выявления и нейтрализации диверсионно-террористических планов японской разведки и связанной с ней белогвардейской эмиграции.

Георгий Николаевич работал, как говорится, на износ, что сказалось на состоянии его здоровья. В конце 1935 года он серьезно заболел и в январе 1936 года был вынужден возвратиться в Москву. Врачи подлечили разведчика, и уже в мае того же года руководством разведки было принято решение направить его руководителем «легальной» резидентуры в Париж.

Руководимая Косенко парижская резидентура получала значительное количество информации, в том числе документальной, по вопросам внешней и внутренней политики французского правительства, имела источники информации в канцелярии президента, в правительстве, в местных спецслужбах. Резидентуре удалось также получить доступ к документам английского посольства и дипломатических представительств некоторых других иностранных государств. Весьма эффективной, по оценке Центра, была работа парижской резидентуры по линии научно-технической разведки.

Активно работала резидентура и по многочисленным организациям выходцев из России и их руководителям. В первую очередь это относилось к Русскому общевойсковому союзу, Народно-трудовому союзу (НТС), Организации украинских националистов (ОУН), грузинским меньшевикам.

Совместно с сотрудниками центрального аппарата разведки, специально командированными в Париж, Георгий Косенко принимал непосредственное участие в операции по похищению и вывозу в Советский Союз генерала Миллера. За реализацию этой операции он был награжден орденом Красного Знамени. В служебной характеристике, составленной на него в том же году в Центре, отмечалось: «За время работы в органах НКВД капитан госбезопасности Г. Н. Косенко характеризовался как хороший, способный, усидчивый и энергичный чекист. Руководимая им резидентура в Париже нанесла серьезный удар по белогвардейским эмигрантским организациям».

Борьба с вооруженной эмиграцией была лишь одним из направлений работы «легальной» резидентуры внешней разведки во Франции. Перед

ней стояли весьма широкие задачи. Особенно активно работала резидентура в период гражданской войны в Испании. Косенко поддерживал тесный контакт с руководителем «легальной» резидентуры в Мадриде Орловым.

Большую работу Косенко и его сотрудники проводили с добровольцами интернациональных бригад, направлявшимися в Испанию транзитом через Францию. Лиц, представлявших вербовочный интерес, они привлекали к сотрудничеству с советской разведкой.

Парижская и мадридская резидентуры создали специальную школу по подготовке агентурных групп для совершения диверсий в тылу фашистов. В Испании этими разведывательно-диверсионными группами руководил легендарный советский чекист Григорий Сыроежкин. Их опыт оказался весьма полезным в годы Великой Отечественной войны, когда руководимое П. А. Судоплатовым 4-е Управление НКВД — НКГБ развернуло подобную работу в тылу немецких войск.

Активно работал Косенко в Париже и по троцкистам, принимая участие практически во всех операциях, проводимых по линии СГОН. В частности, он обеспечивал проведение Серебрянским операции по вывозу так называемого «архива Троцкого» в Москву.

В июле 1938 года резидент НКВД в Испании Александр Орлов, которого руководитель НКВД Ежов отозвал в Москву, отказался выполнить распоряжение наркома и через свои родственные связи в США вместе с женой и дочерью тайно эмигрировал за океан. Бегство Орлова имело негативные последствия для ряда сотрудников внешней разведки.

В ноябре 1938 года капитан госбезопасности Косенко был отозван в Москву и выведен в резерв разведки. 27 декабря того же года по указанию Берии Георгий Косенко был арестован как «участник контрреволюционной террористической организации». Разведчику вменялось в вину знакомство и тесное взаимодействие с Орловым, которому он якобы выдал секреты подготовки операции по ликвидации Троцкого.

Вместе с Георгием Косенко в Москву были отозваны, а затем арестованы Сергей Шпигельглаз, а также резидент НКВД в Нью-Йорке Петр Гутцайт.

Косенко был помещен в одну из камер внутренней тюрьмы НКВД. Следователи пытались добиться от него признания в связях с троцкистами и белогвардейской вооруженной эмиграцией. Несмотря на побои и издевательства, он отказался оговорить себя и своих товарищей.

Выдающийся разведчик Георгий Николаевич Косенко был расстрелян 20 февраля 1939 года. Его доброе имя было восстановлено лишь во второй

половине 1950-х годов. Верховный суд СССР решением от 15 декабря 1956 года отменил приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 февраля 1939 года и дело производством прекратил за отсутствием состава преступления.

КУКИН Константин Михайлович. Родился 23 ноября 1897 года в городе Курске в рабочей семье. В 1916 году окончил реальное училище и поступил вольноопределяющимся в 12-й Калишский полк. Участвовал в Первой мировой войне, дослужился до офицерского звания.

После демобилизации возвратился в родной Курск. Там его застало известие о победе Октябрьской революции, которую он встретил с радостью и сразу же записался добровольцем в Красную армию. В 1918 году он был принят в ряды ВКП(б).

В начале 1918 года, после отказа Троцкого подписать мирный договор с Германией в Брест-Литовске, кайзеровская армия оккупировала Украину и Белоруссию. Кукин был направлен с отрядом бойцов в белорусский город Речицу для организации отпора германским интервентам. Вплоть до декабря 1918 года, когда началась эвакуация германской армии с территории Белоруссии, он участвовал в создании вооруженных отрядов сопротивления и партизанских отрядов, которые нападали на отдельные подразделения оккупантов, совершали диверсии на железной дороге Брянск — Гомель, уничтожали обозы неприятеля.

В 1920 году Кукин стал председателем Бахчисарайского ревкома Крыма и командиром отряда частей особого назначения (ЧОН), вел активную борьбу с бандитизмом. За мужество и героизм был награжден орденом Красного Знамени. В 1923 году назначен военкомом Курска и избран членом бюро райкома партии 1-го городского района. Но и здесь он проработал только до 1925 года, когда был назначен военным комиссаром Зарайского уезда Московской губернии. В этой должности Константин проработал полтора года.

20 марта 1926 года приказом Реввоенсовета СССР Кукин демобилизуется из РККА и целиком посвящает себя партийной работе. Избирается секретарем парткома завода «Красный богатырь» в Москве и членом бюро Сокольнического райкома партии. В 1929 году избирается делегатом 16-й партийной конференции РКП(б) и членом Московского горкома партии. Для завершения высшего образования был направлен на учебу в Институт красной профессуры, где успешно овладел английским языком.

Во время учебы зарекомендовал себя с положительной стороны и

после окончания института в 1931 году был распределен в Наркомат иностранных дел. После непродолжительной стажировки в центральном аппарате наркомата командирован в Англию в качестве управляющего одного из отделений при акционерном обществе «Аркос».

В конце 1931 года зачислен в кадры внешней разведки и включен в состав «легальной» резидентуры ИНО в Лондоне. Столь быстрое назначение было вызвано реорганизацией внешней разведки, проводимой по решению Политбюро от 30 января 1930 года.

В 1932 году возвратился в Москву и сразу же был направлен на работу в одну из наиболее боевых точек внешней разведки — в харбинскую резидентуру. Работая под прикрытием должности генерального представителя Госстраха, активно включился в деятельность резидентуры. Добился значительных результатов в вербовочной работе. Однако в 1934 году в связи с серьезным заболеванием вернулся в Москву.

В 1935 году перешел в возглавляемую Яковом Серебрянским Специальную группу особого назначения (СГОН). Прошел большую школу в боевом аппарате специальной группы. Руководил специальными мероприятиями против японской разведки в Забайкалье. В задачу его группы входила борьба с засылаемыми японскими спецслужбами на территорию СССР разведывательно-диверсионными группами из числа русской белогвардейской эмиграции.

В ноябре 1937 года направлен в командировку в США под прикрытием должности второго секретаря полпредства СССР в Вашингтоне. Вскоре Центр принял решение перевести его на работу в нью-йоркскую резидентуру.

Прибыв в Нью-Йорк, Кукин быстро освоился с обстановкой и привлек к работе двух источников важной политической информации. Одновременно восстановил связь с рядом ранее законсервированных агентов, от которых стала поступать ценная информация по политическим и экономическим вопросам. Работа с этими источниками продолжалась другими оперативными работниками все годы Великой Отечественной войны и была весьма результативной.

По свидетельству генерала Судоплатова, «именно Кукин («Игорь») совместно с Пастельняком («Лука») и Овакимяном («Геннадий»), а также их нелегальные коллеги Эйтингон и Григулевич в 1939–1941 годах заложили прочный фундамент для успешной деятельности нашей разведки на американском континенте».

После успешного завершения командировки в 1941 году назначен заместителем руководителя одного из ведущих подразделений

центрального аппарата разведки. В июле 1942 года сопровождал наркома иностранных дел В. М. Молотова в поездке по США.

В апреле 1943 года назначен резидентом НКГБ в Англии. В Лондон выехал в качестве советника советского посольства. Принял на связь членов «Кембриджской пятерки». Резидент и руководимые им разведчики работали в британской столице в условиях, приближенных к фронтовым: под обстрелами снарядами и ракетами с немецких самолетов. Частые бомбардировки порой серьезно усложняли поддержание связи с агентурой. В то же время только в 1944 году резидентурой были завербованы 20 агентов, восстановлена связь с шестью источниками. Высокая отдача была достигнута от «Кембриджской пятерки». Резидентура постоянно обеспечивала Центр военной, политической, экономической и научно-технической информацией, особенно по урановой проблеме.

Работа лондонской резидентуры в годы войны получила самую высокую оценку Центра, ее руководитель и все сотрудники были отмечены высокими правительственными наградами.

Константин Михайлович успешно проработал в Лондоне до мая 1949 года. 30 мая 1947 года был назначен главным резидентом и одновременно Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Великобритании.

После завершения командировки возглавил англо-американский отдел Комитета информации при МИД СССР, как тогда называлась внешняя разведка. К сожалению, в 1952 году у него обострились старые болезни, и он был вынужден выйти в отставку по состоянию здоровья.

За успешную работу по обеспечению государственной безопасности полковник Кукин награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)».

Скончался 25 ноября 1979 года. Его имя как одного из видных разведчиков нашей страны занесено на мемориальную доску Службы внешней разведки России.

МАКЛЯРСКИЙ Михаил Борисович. Родился 16 ноября 1909 года в Одессе Херсонской губернии Российской империи в семье портного.

После окончания семи классов гимназии в 1924 году сменил имя Исидор на Михаил. В 1926 году в Одессе окончил профтехшколу № 2 «Металл» и отправился на борьбу с басмачеством. Служил в пограничных войсках.

С 1927 года — в органах государственной безопасности. Окончил

совпартшколу. В 1932 году заочно окончил юридический факультет Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. В том же году принят в члены ВКП(б). Как один из молодых, но уже достаточно опытных работников в 1934 году переведен в Москву. До 1941 года являлся сотрудником Секретно-политического и Контрразведывательного отделов ГУГБ НКВД СССР.

С 1941 года — начальник отделения Особой группы при наркоме внутренних дел. С 1942 года — начальник 3-го отдела 4-го Управления НКВД. Руководил работой разведывательно-диверсионных групп, которые действовали на территории оккупированной немецкими войсками Белоруссии.

Совместно со своим непосредственным начальником Эйтингоном являлся организатором операции по физическому уничтожению гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе. В тесном сотрудничестве с коллегой по 4-му Управлению Серебрянским принимал непосредственное участие в организации и проведении дезинформационных операций «Монастырь» и «Березино». В 1947 году в звании полковника вышел в отставку.

В 1947–1951 годах являлся председателем объединения «Экспортфильм», директором Госфильмофонда СССР. В ноябре 1951 года арестован по обвинению в сионистском заговоре в МГБ СССР и евреев-драматургов. Освобожден и полностью оправдан в ноябре 1953 года.

В 1956 году окончил Высшие курсы при Литературном институте им. А. М. Горького.

В 1960–1972 годах являлся организатором и первым директором Высших сценарных и режиссерских курсов при Комитете по кинематографии СССР. Автор ряда произведений (пьесы, сценарии, фильмы, повести) детективно-приключенческого жанра.

Лауреат Сталинской премии второй степени (1948) за сценарий фильма «Подвиг разведчика» и Сталинской премии первой степени (1951) за сценарий фильма «Секретная миссия». Заслуженный работник культуры РСФСР (1970).

Скончался 2 июня 1978 года.

МАЛЛИ Теодор Степанович. В январе 1936 года в лондонскую нелегальную резидентуру прибыл один из лучших нелегалов Центра Теодор Малли (оперативный псевдоним — «Манн»), который был направлен в Лондон с единственной задачей — поддерживать связь с шифровальщиком МИД Великобритании «Магом», завербованным ранее в другой стране разведчиками-нелегалами Дмитрием Быстролётовым и

Арнольдом Дейчем. Вскоре Теодор Малли возглавил нелегальную резидентуру НКВД в Великобритании.

Как резидент, Малли стал руководить работой разведчика-нелегала Арнольда Дейча, являвшегося куратором одного из членов знаменитой «Кембриджской пятерки» Кима Филби, и, следовательно, совместно с Дейчем разрабатывать и планировать операции по наиболее эффективному использованию возможностей Филби и его продвижению в британские спецслужбы. Малли лично провел несколько встреч с Филби в Лондоне и Берлине, куда для этого специально выезжал.

Теодор Степанович Малли родился в 1894 году в городе Темешваре, входившем в то время в состав Австро-Венгерской империи (ныне город Тимишоара в Румынии), в семье чиновника министерства финансов. Венгр по национальности. Окончив гимназию, вступил в католический монашеский орден. Учился на философском и богословском факультетах духовной семинарии, был рукоположен в сан диакона, однако впоследствии порвал с религией.

С началом Первой мировой войны поступил на службу в австро-венгерскую армию вольноопределяющимся. В декабре 1915 года окончил военное училище. В июле 1916 года подпоручик Малли попал в русский плен. До мая 1918 года содержался в лагерях для военнопленных в Полтаве, Харькове, Ростове, Пензе, Астрахани, Оренбурге, Челябинске. Являлся активным участником движения военнопленных-интернационалистов.

В 1918 году вступил добровольцем в Красную армию, участвовал в боях с белочехами под Челябинском. В ноябре 1918 года был арестован колчаковской контрразведкой. Содержался в тюрьме в Красноярске, затем в лагере, откуда в декабре 1919 года освобожден Красной армией. В составе 1-й бригады дивизии имени 3-го Интернационала участвовал в боях с войсками Колчака, Врангеля, Махно. В 1920 году вступил в РКП(б).

В 1921 году направлен на работу в органы ВЧК. До 1926 года служил в органах ЧК — ГПУ Крыма в должностях помощника уполномоченного по борьбе с бандитизмом, следователя по особо важным делам, секретаря секретно-оперативной части, начальника Восточного отдела.

С 1926 года работал в отделе политэмигрантов ЦК МОПР в Москве, а затем — в центральном аппарате ОГПУ. В 1930 году являлся оперуполномоченным Особого отдела.

В конце 1932 года переведен на работу во внешнюю разведку и назначен помощником начальника 3-го отделения ИНО ОГПУ (разведка в США и основных странах Европы). В совершенстве владел несколькими

иностранными языками. Неоднократно выезжал в спецкомандировки в Германию, Австрию и Францию. Участвовал в Венском восстании 1934 года, где познакомился с молодым английским антифашистом Кимом Филби и привлекал его к выполнению ряда заданий по линии Коминтерна.

С июня 1934 года — нелегальный резидент НКВД в Париже. В январе — марте 1935 года находился в Москве. В мае нелегально выезжал в Лондон для завершения разработки завербованного советской разведкой шифровальщика МИД Великобритании.

С января 1936 года — на нелегальной работе в Лондоне. В апреле сменил Александра Орлова на посту руководителя лондонской нелегальной резидентуры НКВД. Курировал работу «Кембриджской пятерки».

В июле 1937 года отозван в Москву в связи с предательством Игнатия Порецкого-Рейса и его напарника Вальтера Кривицкого, которые лично знали его и могли выдать противнику. Продолжил работу в центральном аппарате внешней разведки. Имел специальное звание майора государственной безопасности.

За период работы в советских органах государственной безопасности награжден нагрудным знаком ЦИК Крыма (в 1924 году к семилетней годовщине органов ВЧК — ГПУ решением ЦИК Крымской ССР был выпущен нагрудный знак «1917–1924. От ЦИК Крымской ССР», который стал почетной наградой для чекистов Крымской ССР. Вручался вместе с грамотой-удостоверением «За успешную борьбу с врагами пролетариата»), почетной грамотой и серебряным портсигаром от Коллегии ОГПУ (1927), а также нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ. 1917–1932. (XV)» (1932).

7 марта 1938 года арестован по ложному навету. Замечательному разведчику-нелегалу предъявили целый букет вздорных обвинений: «злостное нарушение конспирации, разглашение государственной тайны, отказ от выполнения приказа в боевой обстановке».

20 сентября 1938 года осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В апреле 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор в отношении Теодора Малли отменен, он был полностью реабилитирован.

ПЕРЕВОЗНИКОВ Самуил Маркович (известен также как Перов Семен Маркович). Родился 12 января 1904 года на станции Жагоры Ковенской губернии «в полуинтеллигентной мещанской семье».

В 1905–1916 годах жил с родителями в местечке Росицо Полоцкого

уезда Витебской губернии. В 1916 году переехал в Витебск, где поступил в среднее учебное заведение, подрабатывал репетиторством. В январе 1919 года уехал в Двинск на заработки, учился там в единой трудовой школе 2-й ступени. В 1920 году после захвата Двинска польскими войсками оказался за границей. В том же году окончил школу.

В 1922 году выехал в Германию для получения высшего образования. Учился в Коммерческом институте Берлина, который окончил в 1926 году по специальности «Кооперация и банковское дело».

В июле 1924 года вступил в Коммунистическую партию Германии, активно участвовал в молодежном коммунистическом и профсоюзном движении. С 1924 года — ответственный секретарь исполкома Союза советских студентов в Германии. До осени 1925 года — член бюро Берлинской студенческой коммунистической фракции. В 1925–1926 годах — член ЦК Союза коммунистических студентов Германии.

В октябре 1926 года вернулся в СССР для прохождения службы в РККА. В том же году стал членом В КП (б), находился на руководящей работе в Профинтерне^[20].

С 1933 года в ИНО ОГПУ. В течение пяти лет был нелегальным резидентом Особой группы и СГОН Серебрянского в Шанхае.

В 1939 году отозван в СССР. Некоторое время работал в центральном аппарате внешней разведки.

2 сентября 1939 года арестован. 7 июля 1941 года по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. 28 июля 1941 года расстрелян.

29 декабря 1967 года приговор отменен Военной коллегией Верховного суда СССР и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Жена — Инна Натановна Беленькая, родная сестра Полины Натановны Серебрянской, сотрудница Особой группы и СГОН. Активно работала в Испании в период гражданской войны. Покончила жизнь самоубийством в 1938 году, чтобы избежать ареста.

РЫБКИН Борис Аркадьевич. Родился 19 июня 1899 года в Екатеринославской губернии в семье мелкого ремесленника. Настоящие имя и фамилия — Рывкин Борух Аронович.

В 1909 году окончил четыре класса сельской школы, переехал в Екатеринослав (в 1926–2016 годах — Днепропетровск, с 3 июня 2016 года — Днепр), работал в типографии наборщиком и типографом. Окончил

коммерческое училище. После революции, сдав экстерном экзамены за курс средней школы, поступил в Петроградскую горную академию. В 1920–1921 годах служил в РККА.

В середине 1921 года по путевке губкома партии мобилизован на работу в Екатеринославскую ЧК. В 1923 году направлен на учебу в Центральную школу ОГПУ. В 1924–1931 годах — помощник начальника отделения КРО ОГПУ, помощник начальника Сталинградского окружного отдела ОГПУ.

С 1931 года — представитель ИНО в постоянном представительстве ОГПУ по Средней Азии в Ташкенте. В декабре 1931 года направлен в Персию под прикрытием вице-консула СССР в городе Мешхеде. Приобрел несколько надежных источников информации. Затем находился в командировках во Франции, Болгарии и Австрии. С 1934 года работал в центральном аппарате внешней разведки.

В сентябре 1935 года Рыбкин в качестве легального резидента ИНО прибыл в Хельсинки. Заместителем резидента там работала Зоя Воскресенская, ставшая позже его женой и надежным помощником.

В связи с начавшейся советско-финляндской войной в 1939 году Рыбкины вернулись в Москву, где Борис Аркадьевич вскоре стал начальником одного из отделов внешней разведки. В сентябре 1941 года направлен резидентом в Стокгольм под прикрытием советника посольства СССР в Швеции.

В конце 1943 года возвратился в Москву, был назначен начальником отдела 4-го Управления НКГБ СССР. Курировал заброску нелегальной агентуры и разведывательно-диверсионных групп в оккупированные Германией страны Восточной Европы.

С февраля 1947 года работал в Отделе «ДР» МГБ СССР под руководством Судоплатова. Выезжал в ряд стран для восстановления связи с нелегальной агентурой на Ближнем Востоке и в Восточной Европе. Во время спецкомандировки в Чехословакию 27 ноября 1947 года погиб в автомобильной катастрофе под Прагой.

Полковник Рыбкин награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК — ГПУ (XV)» и «Заслуженный работник НКВД».

Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

СУДОПЛАТОВ Павел Анатольевич. Родился 7 июля 1907 года в Мелитополе в семье мельника. Украинец. Окончил начальную городскую

школу. В 1919 году, оставшись без родителей, уехал в Одессу, беспризорничал, подрабатывал в порту и на базаре.

После освобождения города от белых в начале 1920 года как воспитанник полка РККА был определен помощником телеграфиста роты связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й армии. С бригадой участвовал в боях на Украине и Польском фронте. В мае 1921 года юный красноармеец назначен письмоводителем Особого отдела дивизии. После окончания курсов подготовки политработников служил в Житомирско-Волынском и Харьковском губернских отделах ГПУ. С сентября 1923 года на комсомольской работе в Мелитополе.

В феврале 1925 года окружной комитет Л КСМУ направил Судоплатова на работу в Мелитопольский окружной отдел ГПУ. Являясь младшим оперработником учетно-статистического отделения, поддерживал связь с агентурой, действовавшей в греческом, болгарском и немецком поселениях. В августе 1928 года переведен на должность уполномоченного секретно-политического отдела ГПУ УССР в Харькове. Одновременно учился на рабфаке ГПУ. В 1928 году принят в члены ВКП(б).

В феврале 1932 года переведен в Москву, в центральный аппарат ОГПУ. Работал инспектором, затем — старшим инспектором отдела кадров ОГПУ, курировал Иностранный отдел. С учетом большого чекистского опыта в апреле 1933 года переведен на работу в Иностранный отдел. С нелегальных позиций выезжал в спецкомандировки в Германию и Финляндию.

В 1935 году под прикрытием представителя украинского антисоветского подполья внедрен в руководство ОУН в Берлине. Завоевав расположение лидера ОУН полковника Евгения Коновальца, вошел в его ближайшее окружение и сопровождал в инспекционных поездках. 23 августа 1938 года в Роттердаме ликвидировал лидера украинских националистов.

В ноябре — декабре 1938 года исполнял обязанности начальника внешней разведки. Затем возглавлял испанское отделение ее центрального аппарата. 10 мая 1939 года назначен заместителем начальника внешней разведки. В этой должности руководил операцией «Утка», связанной с физическим устранением Льва Троцкого, которая была успешно завершена 20 августа 1940 года в Мексике. «Нам удалось не просто обезглавить троцкистское движение, — подчеркивал в своих воспоминаниях генерал Судоплатов, — но и предопределить его полный крах».

После очередных преобразований, последовавших в разведке в феврале 1941 года, генерал Судоплатов стал заместителем начальника 1-го

(разведывательного) Управления НКГБ СССР. В годы Великой Отечественной войны одновременно являлся начальником 4-го Управления НКВД — НКГБ СССР. Это управление было создано в январе 1942 года для руководства зафронтной работой органов госбезопасности и Отдельной мотострелковой бригадой особого назначения (ОМСБОН). Большинство руководящих должностей в управлении занимали откомандированные в него сотрудники внешней разведки.

На управление возлагались задачи по организации в крупных городах на оккупированных территориях нелегальных резидентур, внедрению агентуры в оккупационные военные и административные органы, подготовке и заброске в тыл врага разведывательно-диверсионных отрядов и групп, организации резидентур в районах, находящихся под угрозой захвата, обеспечению групп специального назначения и агентов оружием, средствами связи и документами. Помимо решения этих задач сотрудники управления сыграли ведущую роль в проведении многих оперативных игр с противником, в частности — операций «Монастырь» и «Березино».

Всего в годы войны в тылу противника действовали 2200 оперативных отрядов и групп. Диверсионно-разведывательные подразделения НКВД уничтожили 230 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, подорвали 2800 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, добывали важную военную, стратегическую и политическую информацию, которая имела большое значение для советского военного командования.

После ареста Берии Судоплатов был переведен во 2-е Главное управление МВД СССР на должность начальника отдела. Однако уже 20 августа 1953 года был уволен «за невозможностью дальнейшего использования», а на другой день — 21 августа — арестован. Судоплатову предъявили обвинение в участии в бериевском заговоре, имевшем целью «уничтожение членов советского правительства и реставрацию капитализма».

До 1958 года Судоплатов находился под следствием. Виновным себя не признал. 12 сентября 1958 года в ходе закрытого заседания Военной коллегии Верховного суда СССР был приговорен к тюремному заключению сроком на 15 лет с последующим поражением в политических правах на три года. 17 октября 1958 года лишен воинского звания и наград как осужденный Верховным судом СССР. С сентября 1958 года отбывал наказание во Владимирской тюрьме, где перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы.

В августе 1968 года вышел на свободу. После освобождения занялся литературной деятельностью. Опубликовал ряд книг воспоминаний о своей

жизни и работе, имевших огромную популярность. Активно участвовал в ветеранском движении.

Более двадцати лет боролся за свою реабилитацию. 10 февраля 1992 года реабилитирован Главной военной прокуратурой РФ.

Генерал-лейтенант Судоплатов награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени и Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Скончался 24 сентября 1996 года.

В октябре 1998 года Указом Президента Российской Федерации генерал-лейтенант Судоплатов посмертно восстановлен в правах на изъятые при аресте государственные награды, которые возвращены его родственникам.

«Если бы в разведке могли жить легенды, Павел Анатольевич Судоплатов непременно был бы героем одной из них», — заявил в одном из интервью Леонид Шебаршин, бывший в 1988–1991 годах начальником внешней разведки КГБ СССР.

СЫРКИН Альберт Иоахимович. Родился в 1895 году в городе Вильно в семье владельца крупного книгоиздательства. Окончил гимназию.

В 1917 году вступил в партию социал-демократов интернационалистов. В том же году назначен секретарем совета фабрично-заводского комитета Петроградской стороны. Одновременно учился на юридическом факультете Петроградского университета.

В начале 1918 года вступил в РКП(б). В том же году назначен секретарем Иностранного отдела Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области.

С 1919 года находился в Вильно. Был членом коллегии, секретарем Наркомата просвещения и главным редактором газеты «Звезда», исполняющим обязанности начальника политотдела комиссариата просвещения и начальником отдела печати. Несколько месяцев находился в плену у поляков.

С 1920 года — заведующий секцией политотдела Балтийского флота в Петрограде, секретарь Военной миссии РККА в Анатолии (Турция).

В 1921 году назначен заместителем заведующего личным архивом наркома иностранных дел. Затем работал дипкурьером НКИДа.

С 1922 года — заместитель начальника политотдела 5-й дивизии в Витебске, затем — секретарь Чрезвычайной миссии в Хиве. С 1923 года —

заместитель заведующего иностранным отделом Главлита в Москве. С 1924 года — заместитель заведующего отделом печати полпредства СССР в Италии.

В мае 1926 года принят на работу в органы госбезопасности. В июне зачислен в резерв назначения Иностранного отдела на должность уполномоченного. В июле принял фамилию «Бернарди» и в ноябре выехал в заграничную командировку.

До середины 1937 года старший уполномоченный Закордонной части ИНО НКВД капитан госбезопасности Бернарди находился в спецкомандировках в Италии, Китае и Франции по линии Особой группы ОГПУ и СГОН.

С 11 сентября 1937 года — помощник начальника СГОН ГУГБ НКВД СССР Я. И. Серебрянского.

Награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (XV)» и именован оружием.

10 ноября 1938 года арестован без санкции прокурора по ордеру, подписанному Берией. 8 марта 1940 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян.

В августе 1969 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Жена Альберта Иоахимовича Сыркина-Бернарди, Вера Яковлевна Сыркина, родилась в 1900 году в городе Друя Дисненского уезда Виленской губернии в купеческой семье. Являлась сотрудницей Особой группы ОГПУ, секретарем спецшколы СГОН НКВД СССР. Лейтенант госбезопасности.

Арестована 10 ноября 1938 года. 7 июля 1941 года по обвинению в шпионаже осуждена к высшей мере наказания. Расстреляна 30 июля 1941 года.

Реабилитирована Военной коллегией Верховного суда СССР 23 августа 1969 года.

ТРЕТЬЯКОВ Сергей Николаевич. Как рассказывалось в четвертой главе этой книги, в начале 1930-х годов советская внешняя разведка успешно провела крупную операцию по внедрению техники подслушивания в находившуюся в Париже штаб-квартиру боевой террористической организации белой эмиграции — Русского общевоинского союза. В этой операции, ставшей позже известной под

кодовым названием «ИНД» («Информация наших дней»), особая роль отводилась активному помощнику Особой группы ОГПУ «Иванову». Лишь в конце 1980-х годов советская внешняя разведка открыла некоторые архивные материалы того периода и широкой общественности стало известно, что оперативный псевдоним «Иванов» принадлежал одному из видных представителей русской эмиграции во Франции Сергею Николаевичу Третьякову — замечательному русскому человеку, вынужденному покинуть родину, но преданно служившему ей до конца своих дней.

Сергей Николаевич Третьяков родился 26 августа 1882 года в богатой и именитой московской семье. Его дед Сергей Михайлович, родной брат основателя всемирно известной Третьяковской галереи, в 1877–1881 годах был городским головой.

В 1901–1905 годах Сергей Николаевич учился на физико-математическом факультете Московского университета. После окончания учебы, продолжая дело своей семьи, возглавил правление товарищества Костромской льняной мануфактуры. Очень скоро стал одним из наиболее влиятельных предпринимателей льняной отрасли, владельцем ведущих текстильных предприятий, основателем и первым председателем Всероссийского объединения льняных фабрикантов. Избирался председателем Московского биржевого комитета, входил в Группу молодых российских капиталистов, являлся членом ЦК созданной в 1912 году партии прогрессистов.

Политическая карьера Сергея Третьякова начала стремительно развиваться в 1917 году: в феврале его избрали товарищем (заместителем) председателя Всероссийского союза торговли и промышленности, в июне по списку кадетской партии — гласным Московской городской думы. В сентябре он вошел в состав третьего коалиционного российского правительства Керенского, заняв пост председателя Высшего экономического совета.

26 октября 1917 года, на следующий день после революции, вместе с другими министрами Временного правительства был арестован в Зимнем дворце и заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения в конце февраля 1918 года выехал в Париж. Однако в ноябре 1918 года, когда адмирал Колчак предложил Третьякову занять пост министра торговли и промышленности во Временном сибирском правительстве, он немедленно отправился в Омск. Впрочем, в Сибири он пробыл недолго, всего десять месяцев, и после поражения Белого движения вернулся во Францию.

В Париже Третьякову, владевшему несколькими европейскими

языками и к тому же обладавшему солидным капиталом в России, было доверено кресло председателя Русской торговой палаты, а также — заместителя главы Российского торгово-промышленного и финансового союза (Торгпрома).

В 1929 году Сергей Третьяков был привлечен парижской резидентурой ОГПУ к сотрудничеству и получил оперативный псевдоним «Иванов». Вопреки ожиданию резидентуры он легко дал согласие работать на Москву. Причины, побудившие его пойти на сотрудничество с советской разведкой, кроются, скорее всего, в его разочаровании белой эмиграцией. Вместе с тем, будучи человеком трезвого аналитического ума, Третьяков раньше других из своего окружения понял, что в России возврата к старому уже не будет.

В 1931 году руководитель парижской резидентуры докладывал в Центр: «Иванов» является весьма ценным источником, с большими перспективами на будущее. Мы рассчитываем добиться через него ряда серьезных разработок». Одновременно было принято решение сосредоточить его усилия на работе по РОВС.

Третьяков успешно сотрудничал с советской разведкой вплоть до оккупации гитлеровцами Франции. Он действительно работал честно, и его материалы представляли большой оперативный интерес.

В конце 1939 года штаб-квартира РОВС была переведена в Брюссель. Буквально накануне оккупации Франции войсками гитлеровской Германии связь с Третьяковым была временно законсервирована. Однако это не спасло его от разоблачения. 14 июня 1942 года Третьяков был схвачен немцами. Во время обыска в его квартире гестаповцы обнаружили приемное устройство и провода, протянутые в штаб-квартиру РОВС, а в помещении штаба — микрофоны.

В августе 1942 года фашистская газета «Локаль-анцайгер» и эмигрантская газета «Новое слово» опубликовали корреспонденции, в которых говорилось об аресте в Париже бывшего министра Временного правительства России Сергея Третьякова как советского агента, участвовавшего в похищении чекистами генералов Кутепова и Миллера и укрывании одного из организаторов захвата последнего — генерала Скоблина. Газеты утверждали, что Третьяков являлся одним из резидентов НКВД во Франции и что с его помощью большевикам удалось обезвредить более тридцати диверсантов-белогвардейцев, переброшенных в СССР.

Третьякова перевезли в Германию. Там 16 июня 1944 года он был расстрелян в концлагере в Ораниенбурге. Немецкая пресса опубликовала официальное сообщение о его казни.

Так закончил свою жизнь Сергей Николаевич Третьяков — один из активных помощников советской внешней разведки, внесший неоценимый вклад в пресечение террористической деятельности РОВС и дезорганизацию его работы.

В относящихся к тому периоду документах Службы внешней разведки России отмечается, что «накануне Великой Отечественной войны РОВС практически сошел со сцены». А спецслужбы Третьего рейха отказались его использовать в своей подрывной работе против СССР, заподозрив в нем, как тогда говорили, «мистификацию чекистов». Немалая заслуга в этом принадлежала и разведчику «Иванову» — русскому патриоту Сергею Николаевичу Третьякову.

ФИШЕР Вильям Генрихович. 14 октября 1957 года в здании Федерального суда Восточного округа Нью-Йорка начался шумный судебный процесс по обвинению в шпионаже Рудольфа Ивановича Абеля. Ему грозила смертная казнь или пожизненное тюремное заключение. В ходе следствия Абель категорически отрицал свою принадлежность к советской внешней разведке, отказался от дачи каких-либо показаний на суде и отклонил все попытки работников американских спецслужб склонить его к сотрудничеству. Через месяц судья зачитал приговор: 30 лет каторжной тюрьмы.

Лишь в начале 1990-х годов Служба внешней разведки России официально сообщила, что настоящее имя советского разведчика-нелегала, назвавшегося при аресте Рудольфом Абелем, — Вильям Генрихович Фишер.

Вильям Генрихович (или Вилли, как его называли в семье и в коллективе разведчиков) родился 1 июля 1903 года в городе Ньюкасле-на-Тайне в Англии, в семье русских политэмигрантов Генриха Матвеевича и Любови Васильевны Фишер. Его отец — уроженец Ярославской губернии, из семьи обрусевших немцев. В 16 лет он приехал в Петербург в поисках работы и сразу же активно включился в революционную деятельность, за что неоднократно подвергался репрессиям со стороны жандармерии. Со своей женой, уроженкой Саратова, русской, он познакомился, находясь в ссылке в Саратовской губернии. Помимо чувств их объединяла общность политических взглядов. В 1901 году супруги Фишер за революционную деятельность были выдворены из России за границу.

В детстве Вилли был настойчивым и упорным в достижении поставленной цели, исключительно правдивым и честным. Учеба в средней школе давалась ему легко. Незаурядные способности позволили ему в 16

лет сдать вступительный экзамен в Лондонский университет.

В 1920 году Фишеры, не прекращавшие заниматься революционной деятельностью и в Англии, возвратились в Москву. Все члены семьи стали советскими гражданами. Вилли привлекается в качестве переводчика к работе в отделе международных связей Исполкома Коминтерна.

В 1924 году поступил на индостанское отделение Института востоковедения в Москве, успешно закончил первый курс. Но дальше учиться не пришлось. Его призвали на военную службу и зачислили в 1-й радиотелеграфный полк Московского военного округа. В армии он получил профессию радиста, сыгравшую в его дальнейшей судьбе важную роль.

После демобилизации поступил на работу в Научно-исследовательский институт военно-воздушных сил РККА. Женился на студентке Московской консерватории по классу арфы Елене Лебедевой. Через два года у них родилась дочь, которую назвали Эвелиной.

В органы госбезопасности пришел в 1927 году по рекомендации Московского комитета ВЛКСМ и был направлен вместе с семьей на работу за границу. Выполнял задания Центра по линии нелегальной разведки в двух европейских странах.

Работа Фишера в загранкомандировках была признана положительной. Он получил повышение по службе, ему было присвоено звание лейтенанта государственной безопасности. Будущее казалось безоблачным. И вдруг в последний день уходящего 1938 года в отделе кадров ему сообщили, что руководством НКВД СССР без объяснения причин принято решение об увольнении его из органов. Это был тяжелейший удар.

Коллеги пытались успокоить его, объясняя, что дело не в нем, не в его недостатках и промахах, а в особенностях времени, высказывали надежду, что времена переменятся и его опыт еще пригодится.

Вилли ничего не оставалось делать, как вернуться к гражданской профессии. Его приняли на работу во Всесоюзную торговую палату. Позже он перешел на авиапромышленный завод, где проработал до начала Великой Отечественной войны.

В сентябре 1941 года по инициативе Якова Серебрянского было принято решение предложить Фишеру вернуться на службу и возглавить подразделение по радиотехническому обеспечению радиоигр с противником.

С Фишером встретился сотрудник органов госбезопасности и предложил вернуться в НКВД. Фишер был зачислен во вновь созданное подразделение, занимавшееся организацией боевых разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов в тылу врага.

Именно в этот период он сблизился с товарищем по работе Рудольфом Ивановичем Абелем, которому впоследствии суждено было стать его «двойником». Начались дни упорной, напряженной работы, требовавшей отдачи всех сил, опыта, знаний.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны Вильям Генрихович вновь становится сотрудником внешней разведки органов госбезопасности.

Резкое обострение международной обстановки и усилившаяся активность разведывательных органов противника потребовали от всех подразделений органов безопасности, в том числе и внешней разведки, безотлагательных мер противодействия, чтобы своевременно выявить замыслы противника, парализовать его действия и обеспечить безопасность страны.

В этот сложный период ряд работников внешней разведки подали рапорт о зачислении в штат разведчиков-нелегалов для работы за кордоном. Среди них был и Фишер.

Рапорт был принят, и сразу же началась интенсивная работа по программе подготовки разведчика-нелегала. Учитывая личные и деловые качества, оперативный опыт и степень подготовки, руководство внешней разведки приняло решение направить «Марка» (оперативный псевдоним Фишера) на самый ответственный участок работы — в США, страну, именовавшуюся тогда главным противником.

В октябре 1948 года «Марк» выехал в командировку, которой суждено было продлиться 14 лет. Позже он рассказывал:

«Утром 16 октября 1948 года я сошел с поезда на Центральном вокзале Нью-Йорка. Было семь часов утра. С этого момента я обретал новое обличье гражданина Соединенных Штатов Америки. Я снял номер в маленькой гостинице — старенькой, плохо поддерживаемой и населенной третьеразрядными актрисами и коммивояжерами. Прожил я там недолго и вскоре переехал на частную квартиру».

Так в Нью-Йорке появился свободный художник Эмиль Роберт Голдфус, гражданин США, родившийся в Нью-Йорке 2 августа 1902 года в семье немца-маляра и прибывший с запада Америки в поисках лучшей жизни.

Как хозяин художественной мастерской, отличный специалист своего дела, «Марк» зарекомендовал себя среди клиентуры только с положительной стороны. Никому и в голову не могла прийти мысль, что он не тот, за кого себя выдает. Все неизменно отмечали его добропорядочность, обязательность, надежность и честность.

«Марк» очень быстро и уверенно вошел в местную среду. К концу мая 1949 года все организационные вопросы были решены, и он доложил о готовности приступить к выполнению разведывательных задач. Началась кропотливая работа по сбору интересующей Центр политической информации, созданию устойчивых нелегальных каналов связи с Москвой. Получал «Марк» и очень важную информацию стратегического характера, хотя перед ним непосредственно эта задача не стояла. Так, например, он некоторое время поддерживал контакт с руководителем группы «Волонтеры» «Луисом» и связником «Лесли». Сейчас уже не является секретом, что под этими оперативными псевдонимами скрывались сотрудники советской внешней разведки, граждане США, а затем СССР Моррис и Леонтина Коэн, ставшие впоследствии Героями России. Они сумели обеспечить передачу нашей разведке сверхсекретной информации о разработках американской атомной бомбы.

Условия конспирации до сих пор не позволяют раскрыть многие операции, в которых участвовал «Марк». Однако о качестве его работы свидетельствует такой факт: уже в августе 1949 года за конкретные результаты он был награжден орденом Красного Знамени.

Для того чтобы разгрузить «Марка», занятого выполнением большого объема текущей работы и многих специальных заданий, Центр в 1952 году направил ему в помощь Хейхане-на (оперативный псевдоним «Вик»), кадрового сотрудника внешней разведки, прошедшего подготовку в качестве радиста нелегальной резидентуры. Он должен был организовать двустороннюю радиосвязь между Нью-Йорком и Москвой для быстрой передачи разведывательной информации в Центр.

К сожалению, «Вик» оказался слабым человеком. Четыре года, проведенные в Америке, оказали на него пагубное влияние. Падение «Вика» началось с обыкновенной рюмки спиртного и как следствие — нехватка денег, отчего он стал тратить на личные нужды государственные средства, выделенные на оперативную работу. Пьянство повлекло за собой и моральную распущенность. Втайне от Центра «Вик» женился и по существу самоустранился от выполнения задания. Особенно пагубными для него были девять месяцев 1955 года, когда «Марк» по вызову Центра находился в Москве на отдыхе и переподготовке. Почувствовав отсутствие контроля, «Вик» окончательно спился. Возвратившись в январе 1956 года в США, «Марк» убедился в бесполезности дальнейшего пребывания своего помощника в стране и поставил перед Центром вопрос о его отзыве.

Приказ о возвращении в СССР «Вик» воспринял болезненно и выехал в Европу лишь после настойчивых требований Центра.

В связи с таким поведением «Вика» Центр рекомендовал «Марку» прекратить контакты с ним, законсервировать связь с источниками информации, перейти на другие документы и переехать из Нью-Йорка на юг страны, а в случае опасности — покинуть страну по известному ему маршруту. «Марк» четко выполнил указание Центра.

Через месяц «Марк» решил вернуться в Нью-Йорк, но до установления связи с Центром и получения дальнейших инструкций на своей квартире не появляться.

По почтовому каналу он информировал Центр о своем возвращении в Нью-Йорк и намерении взять из квартиры радиоприемник и находившиеся там в тайнике оперативные материалы. Из-за помех он не смог получить ответ из Центра. Соблюдая необходимые меры предосторожности, он пришел в свою квартиру и изъясил из тайника все необходимое. Но случайно уронил контейнер с мягкой пленкой на пол. Пошарив безуспешно в темноте по полу, он подошел к окну и взглянул вниз на улицу. Не заметив ничего подозрительного, зажег свет и спустя две-три минуты нашел контейнер, покинул квартиру и отправился в гостиницу.

А утром 21 июня 1957 года последовал его арест...

Причиной ареста послужило прямое предательство «Вика», который добровольно явился в посольство США в Париже, сообщил о своей принадлежности к советской нелегальной разведке и попросил политического убежища, пообещав сотрудничать со спецслужбами. На военном самолете он был тайно доставлен в США, где поступил в распоряжение ФБР. На поиски «Марка» были брошены значительные силы этого ведомства. Девятилетнее пребывание разведчика на территории США, под боком ФБР, рассматривалось как крупный провал в деятельности американской контрразведки. С помощью «Вика» сотрудники ФБР сумели обнаружить квартиру «Марка».

Наружное наблюдение довело «Марка» до отеля «Лэнтэм», его секретно фотографировали, установили личность.

Хотя нелегалы, как правило, готовы к экстремальным ситуациям, арест всегда является тяжелейшим испытанием. Однако провал не сломил «Марка».

Стремясь показать свою осведомленность, сотрудник ФБР невольно выдал источник поступившей к ним информации, назвав «Марка» полковником. «Марку» сразу же стало ясно, что «Вик» предатель, ибо только он знал о присвоении ему звания полковника. Для предотвращения провокаций со стороны ФБР надо было как можно скорее уведомить Центр о своем аресте. Обдумав сложившуюся ситуацию, «Марк» и решил выдать

себя за своего покойного друга Рудольфа Ивановича Абея, советского гражданина, которому якобы удалось во время войны в разрушенном блиндаже найти 50 тысяч долларов и уйти на Запад. Он рассчитывал, что, как только в печати появится сообщение об аресте Рудольфа Абея, его коллеги сразу поймут: речь идет о «Марке».

Суд приговорил «Марка» к тридцати годам каторжной тюрьмы, что для него в 54 года было равносильно пожизненному заключению.

После объявления приговора «Марк» сначала находился в одиночной камере следственной тюрьмы в Нью-Йорке, а затем был переведен в федеральную исправительную тюрьму в Атланте.

Для человека в высшей степени образованного, интеллигентного пребывание в камере с восемью уголовниками было настоящей моральной пыткой. К счастью, «Марк» обладал удивительной способностью находить себе занятие в любой обстановке.

В тюрьме он занимался решением математических задач, теорией искусства, разрабатывал подробные предложения по лучшему использованию тюремного здания и даже подготовил рабочие чертежи. Одно время он обучал сокамерника — уголовного преступника — французскому языку, разработал свой технологический процесс шелкографического производства. Он писал картины маслом, занимался графикой. Сокамерники относились к нему с большим уважением, он пользовался у них непререкаемым авторитетом. Проведя в заключении более четырех лет, он никогда не жаловался на условия, не критиковал тюремное руководство.

Родина не оставила своего разведчика в беде. 10 февраля 1962 года на мосту Глинике, через который проходила граница между Западным Берлином и ГДР, был произведен обмен Рудольфа Ивановича Абея на осужденного в Советском Союзе американского летчика Фрэнсиса Гэрри Пауэрса, совершившего 1 мая 1960 года разведывательный полет над советской территорией.

После лечения и отдыха «Марк» вернулся к работе в центральном аппарате внешней разведки и находился на боевом посту до конца своей жизни.

Заслуги «Марка», кадрового разведчика, полковника, почетного сотрудника госбезопасности были отмечены орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и многими медалями.

15 ноября 1971 года Вильяма Генриховича Фишера (Рудольфа

Ивановича Абея) не стало. Он скончался в клинике онкологии после непродолжительной тяжелой болезни. Похоронен на Донском кладбище в Москве.

ШПИГЕЛЬГЛАЗ Сергей Михайлович. В феврале 1938 года временно исполняющим обязанности начальника 7-го отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР (внешней разведки) был назначен майор государственной безопасности Сергей Михайлович Шпигельглаз. Опытный разведчик, он проработал на руководящих должностях во внешней разведке, в том числе в ее нелегальном подразделении, более двенадцати лет. К сожалению, руководить разведкой Шпигельглазу довелось менее четырех месяцев.

Сергей Шпигельглаз родился 29 апреля 1897 года в местечке Мосты Гродненской губернии в семье местного бухгалтера-еврея. Окончив 1-е Варшавское реальное училище, поступил на юридический факультет Московского университета. Свободно владел польским, немецким и французским языками.

Еще учась в Варшаве, а затем и в Москве, проникся духом ниспровержения существовавшего царского режима. Примкнул к российскому революционному движению, принимал активное участие в работе революционных кружков. Несколько раз арестовывался царской полицией.

В мае 1917 года с третьего курса университета призван на военную службу в царскую армию. Окончив школу прапорщиков в Петрограде, служил в чине прапорщика в 42-м запасном полку. После Октябрьской революции 1917 года работал в Московском военном комиссариате.

С апреля 1918 года являлся заведующим финансовой частью Мосгубвоенкомата. После его упразднения в январе 1919 года перешел на работу в органы Военного контроля. В результате слияния Военного контроля с Военным отделом ВЧК и образования Особого отдела (00) ВЧК автоматически оказался в рядах чекистов, заняв должность начальника сметного (финансового) отделения и казначея по использованию секретных сумм 00 ВЧК.

В начале 1919 года Шпигельглаз писал родителям: «Политически я всецело являюсь сторонником Советской власти в духе коммунистических идей и мировоззрений. Надеюсь, что в скором времени партия не откажется принять меня в свои ряды». Уже в том же году начинающий чекист был принят в члены РКП(б).

В 1919 году Шпигельглаз направлен на работу в комиссию Кедрова,

фактически выполнявшую задачи военной контрразведки. После реорганизации комиссия была включена в состав Особого отдела ВЧК. Шпигельглаз с головой окунулся в нелегкий и рискованный труд чекиста. По заданию Кедрова неоднократно выезжал с оперативными группами в различные города и районы юга, запада и центра России, где зрели контрреволюционные заговоры и мятежи, готовились к выступлению против советской власти подпольные враждебные силы. Активно участвовал в оперативных разработках лиц, подозреваемых в принадлежности к контрреволюции.

В характеристике, выданной Особым отделом ВЧК в феврале 1920 года, отмечалось: «Тов. Шпигельглаз состоял сотрудником Особого отдела и членом фракции РКП(б), проявив себя честным и заслуживающим доверия работником». По тем временам это была высокая и исчерпывающая аттестация.

В 1921 году 24-летний чекист был переведен на руководящую работу в ЧК Белоруссии. Но уже через год его отзывают в Москву, назначают на должность уполномоченного в Иностраный отдел ОГПУ и вскоре направляют по линии внешней разведки в спецкомандировку в Монголию.

Сергей Михайлович проработал в Монголии до 1926 года, проводя с ее территории активную агентурную работу по Китаю и Японии, в частности по линии Особой группы ОГПУ. Одновременно оказывал содействие монгольским коллегам в работе по разоблачению и пресечению деятельности на территории Монголии белоэмигрантских бандформирований. Используя агентурные возможности, активно информировал Центр об обстановке в этой стране, а также о стратегических планах Японии и империалистических кругов Китая на Дальнем Востоке.

Деятельность Шпигельглаза в Монголии была высоко оценена Центром. По возвращении в Москву в сентябре 1926 года он был назначен помощником начальника внешней разведки. При этом учитывалось его свободное владение несколькими иностранными языками. Проработав в этой должности десять лет, в сентябре 1936 года Шпигельглаз был выдвинут на пост заместителя начальника внешней разведки.

За период работы на руководящих должностях во внешней разведке Шпигельглаз неоднократно выполнял ответственные спецзадания за рубежом: в Китае, Германии и во Франции. В частности, являясь нелегальным резидентом в Париже, он руководил похищением председателя Русского общевойскового союза (РОВС) генерала Миллера.

Активно работал Шпигельглаз и против других белогвардейских

организаций, главной целью которых было свержение советской власти в России. Под непосредственным руководством Шпигельглаза советская разведка добыла совершенно секретные материалы германского Генерального штаба, касающиеся военной доктрины Германии в отношении СССР.

В период гражданской войны в Испании Шпигельглаз неоднократно выезжал в эту страну для оказания на месте конкретной оперативной помощи резидентуре НКВД, а также для проведения в тылу германо-итальянских союзников генерала Франко специальных разведывательно-диверсионных операций. «Летучие бригады» Шпигельглаза, как их называли сами разведчики, наносили по врагу чувствительные удары.

С февраля по июнь 1938 года Сергей Михайлович Шпигельглаз исполнял обязанности руководителя советской внешней разведки. Одновременно преподавал в Школе особого назначения (ШОН) ГУГБ НКВД СССР.

Полноправным начальником внешней разведки Шпигельглаз так и не стал. Еще в 1937 году нарком внутренних дел Ежов решил устранить этого перспективного руководителя, проявлявшего излишнюю самостоятельность и имевшего право направлять напрямую Сталину разведывательные донесения разведки. После вынужденного назначения Шпигельглаза исполняющим обязанности начальника внешней разведки и открывавшихся перед ним перспектив занять этот пост Ежов активизировал свои действия, чтобы в будущем поставить на это место своего человека. Он инициировал проверочную комиссию, которая начала собирать компрометирующие материалы на Шпигельглаза. 9 июня 1938 года последний был освобожден от занимаемой должности, а 2 ноября арестован.

29 января 1940 года за «измену Родине, участие в заговорщической деятельности, шпионаж и связь с врагами народа» Сергей Михайлович Шпигельглаз был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В ноябре 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Погибнув в расцвете сил, С. М. Шпигельглаз не успел до конца раскрыть свои недюжинные способности руководящего сотрудника внешней разведки. Однако за сравнительно короткий срок, отпущенный ему судьбой, он немало сделал для сохранения работоспособного аппарата

внешней разведки в период необоснованных репрессий, которые были направлены в том числе и против чекистов-разведчиков.

ЭЙТИНГОН Наум Исаакович. 6 декабря 1899 года в белорусском городе Могилеве в семье Исаака Эйтингона родился первенец, которого родители назвали распространенным еврейским именем Наум. Детство мальчика прошло в небольшом уездном городке Могилевской губернии Шклове, где его отец работал конторщиком на местной бумажной фабрике.

В 1912 году глава семьи умер и вдова с четырьмя детьми перебралась в Могилев. Наум учился в Могилевском коммерческом училище, подрабатывал частными уроками и репетиторством. В училище он впервые познакомился с революционной литературой и впоследствии с восторгом встретил Октябрьскую революцию.

В 1918 году работал в Могилевском городском совете, где занимался реализацией продразверстки. В 1919 году окончил в Москве курсы при Всероссийском совете рабочей кооперации, переехал в Гомель. В октябре того же года вступил в партию большевиков.

В мае 1920 года по путевке Гомельского губкома партии направлен на работу в Особый отдел Гомельского укрепрайона. Как сотрудник Гомельской губернской ЧК принимал активное участие в реализации ряда чекистских операций. В ходе одной из них в октябре 1921 года был тяжело ранен в левую ногу. В марте 1922 года вышел из госпиталя и был назначен членом коллегии Башкирского отдела ГПУ и вскоре выехал в Стерлитамак, являвшийся в то время столицей автономной республики.

В Башкирии служил до мая 1923 года. Затем был отозван в Москву и направлен на учебу на Восточный факультет Военной академии РККА. После окончания академии принят на работу в Иностраннный отдел ОГПУ и вскоре назначен заместителем руководителя резидентуры в Шанхае. В начале 1927 года, незадолго до захвата города войсками Чан Кайши, возглавил резидентуру ОГПУ в Пекине.

В апреле 1927 года по указанию Чан Кайши китайская полиция совершила налет на советское генеральное консульство в Пекине и разгромила его. После этих событий возглавил резидентуру ОГПУ в Харбине. Для молодого разведчика это, безусловно, было повышением по службе. В Маньчжурии, столицей которой был Харбин, в то время постоянно проживали более ста тысяч выходцев из России. Здесь нашли убежище многочисленные представители царской армии и белогвардейских банд, в том числе отряды атамана Семенова.

В то же время харбинская резидентура активно действовала не только

по белогвардейской эмиграции. Весьма эффективной была ее работа против японских спецслужб, готовивших оккупацию Маньчжурии императорскими войсками.

Между тем активность резидентуры ОГПУ в Харбине не осталась незамеченной местными властями. 27 мая 1929 года был произведен налет на советское генеральное консульство, 17 июля советское правительство заявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем. Все «легальные» резидентуры ОГПУ в этой стране, а их было около десяти, временно прекратили свою работу. Разведка на территории и с территории Китая стала вестись с нелегальных позиций. Эйтингон возвратился в Москву.

Молодой разведчик, уже накопивший серьезный оперативный опыт, не задержался в Центре, а практически сразу возглавил резидентуру в Стамбуле, где советские разведчики успешно занимались разработкой дипломатических представительств Японии, Франции и Австрии, а также активно добывали информацию о деятельности в стране различных групп антисоветской эмиграции — украинской, азербайджанской, северокавказской.

В июне 1930 года бежал на Запад работавший в Турции нелегал Агабеков, с которым Эйтингон поддерживал оперативную связь. Это обстоятельство вынудило Центр отозвать резидента в Москву, чтобы избежать различного рода провокаций.

В Москве Эйтингон был назначен заместителем Серебрянского, возглавлявшего Специальную группу при председателе ОГПУ. С позиций группы он выезжал в США и другие страны, где осуществил ряд ценных вербовок.

Однако, несмотря на существенные положительные результаты в работе, в конце 1931 года Эйтингон поставил перед руководством ОГПУ вопрос о своем переводе обратно в ИНО и в начале 1932 года был командирован во Францию, а затем в Бельгию. В середине 1933 года возвратился в Центр и был назначен руководителем подразделения нелегальной разведки. Но уже в конце того же года надолго выезжал на работу в США, Китай, Иран и Германию. Основные задачи, которые были поставлены перед ним руководством разведки, заключались в совершенствовании деятельности нелегальных резидентур. С поставленными задачами Эйтингон справился успешно, о чем свидетельствует присвоение ему в начале 1936 года звания майора госбезопасности, что соответствовало армейскому званию полковника.

В период гражданской войны в Испании Эйтингон являлся заместителем резидента НКВД в этой стране. В качестве основной перед

ним была поставлена задача по организации партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу франкистов. В 1938 году Эйтингон возглавил резидентуру НКВД в Испании. Работать ему пришлось в исключительно сложных условиях. В феврале 1939 года он осуществил отправку республиканского руководства и лидеров испанской компартии во Францию, а также сотрудников советских учреждений в Испании на родину. Весной 1939 года разведчик возвратился в Москву. За работу в Испании он был награжден орденом Красного Знамени.

В первые дни Великой Отечественной войны Эйтингон был назначен заместителем начальника Особой группы при наркомате внутренних дел, которую возглавлял легендарный чекист генерал Судоплатов. 18 января 1942 года, в связи с расширением партизанской борьбы на оккупированной германским вермахтом советской территории, было образовано 4-е Управление НКВД во главе с Судоплатовым. 20 августа того же года Эйтингон стал его заместителем. На это управление возлагались задачи по организации в крупных городах на оккупированных территориях нелегальных резидентур, внедрению агентуры в оккупационные военные и административные органы.

Помимо решения этих задач Эйтингон сыграл ведущую роль в проведении ставших легендарными оперативных радиоигр против немецкой разведки «Монастырь» и «Березино». Участие Эйтингона в этих операциях было отмечено полководческим орденом Суворова 2-й степени.

5 ноября 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Науму Исааковичу Эйтингону за успешно проведенную операцию «Березино» было присвоено звание генерал-майора.

В конце 1946 года Эйтингон получил новое задание руководства разведки. Он был направлен в китайскую провинцию Синьцзян (Восточный Туркестан) для оказания помощи китайскому руководству в установлении полного контроля над этой провинцией.

В 1947 году генерал-майор Эйтингон был вновь назначен заместителем Судоплатова, возглавлявшего отдел по диверсионной работе за границей. В послевоенные годы ему пришлось принимать активное участие в разработке и реализации оперативных мероприятий, в частности, по ликвидации литовских националистических бандформирований.

Однако занимаемое Эйтингоном высокое положение в органах госбезопасности и значительные успехи в оперативной работе не смогли уберечь его от серьезных неприятностей.

В июне 1953 года был арестован Лаврентий Берия. Вслед за ним по «делу Берии» были арестованы Павел Судоплатов и Наум Эйтингон, а

также ряд других ответственных сотрудников Наркомата внутренних дел.

Эйтингон оказался за решеткой. Четыре года он провел в Бутырской тюрьме без суда. В марте 1957 года был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к 12 годам лишения свободы. Срок отбывал во Владимирской тюрьме, как говорится, «от звонка до звонка». На свободу вышел только 20 марта 1964 года. Эйтингону разрешили проживать в Москве вместе с семьей. Поскольку он свободно владел несколькими иностранными языками, то устроился работать переводчиком, а затем — старшим редактором в издательство «Международные отношения».

Наум Исаакович Эйтингон скончался 3 мая 1981 года, так и не дождавшись реабилитации. Никаких официальных некрологов в газетах не было. Во время похорон на Донском кладбище в Москве видный советский чекист, Герой Советского Союза, полковник Евгений Иванович Мирковский сказал: «Сегодня у этой могилы как бы завершается рыцарская эпоха в истории нашей ЧК...»

Честное имя легендарного советского разведчика было восстановлено только в апреле 1992 года, через 11 лет после его кончины. А 9 мая того же года детям Наума Исааковича были возвращены его награды: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова 2-й степени и Отечественной войны 1-й степени, два ордена Красной Звезды, а также медали.

Приложение 2

Организационные формы внешней разведки РСФСР, СССР и Российской Федерации

Иностранный отдел (ИНО) ВЧК при СНК РСФСР
20 декабря 1920 — 6 февраля 1922

Иностранный отдел (ИНО) Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР
6 февраля 1922 — 2 ноября 1923

Иностранный отдел (ИНО) Объединенного Государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР
2 ноября 1923 — 10 июля 1934

Иностранный отдел (ИНО) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР
10 июля 1934 — 25 декабря 1936

7-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР
25 декабря 1936 — 9 июня 1938

5-й (разведывательный) отдел Первого управления НКВД СССР
9 июня 1938 — 29 сентября 1938

5-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР
29 сентября 1938 — 3 февраля 1941

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР
3 февраля 1941 — 20 июля 1941

Первое (разведывательное) управление НКВД СССР
20 июля 1941 — 14 апреля 1943

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР

14 апреля 1943 —15 марта 1946

Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР
15 марта 1946 —30 мая 1947

Комитет информации (КИ) при СМ СССР
30 мая 1947 —29 января 1949

Комитет информации (КИ) при МИДе СССР
29 января 1949 —2 ноября 1951

Первое главное управление(ПГУ) МГБ СССР
2 ноября 1951 —5 января 1953

Первое управление Главного разведывательного управления(ГРУ)
МГБ СССР
5 января 1953 —5 марта 1953

Второе главное управление (ВГУ) МВД СССР
5 марта 1953 — 13 марта 1954

Первое главное управление (ПГУ) КГБ при СМ СССР
13 марта 1954 — 5 июля 1978

Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР
5 июля 1978 —22 октября 1991

Центральная служба разведки (ЦСР) СССР
22 октября 1991 — 18 декабря 1991

Служба внешней разведки (СВР)РСФСР
18—25 декабря 1991

Служба внешней разведки (СВР) Российской Федерации
25 декабря 1991 — по настоящее время

Приложение 4

Перечень спецзваний начальствующего состава органов НКВД — НКГБ СССР и их соответствие воинским званиям начальствующего состава Красной армии в 1935–1943 годах

НКВД-НКГБ СССР
Красная армия

Сержант госбезопасности
лейтенант

Младший лейтенант госбезопасности
старший лейтенант

Лейтенант госбезопасности
капитан

Старший лейтенант госбезопасности
майор

Капитан госбезопасности
подполковник

Майор госбезопасности
полковник

Старший майор госбезопасности (комиссар госбезопасности)
генерал-майор

Комиссар государственной безопасности 3-го ранга
генерал-лейтенант

Комиссар государственной безопасности 2-го ранга

генерал-полковник

Комиссар государственной безопасности 1-го ранга
генерал армии

Генеральный комиссар государственной безопасности
Маршал Советского Союза

ИЛЛЮСТРАЦИИ

С. Г. Серебрянский

Исаак Серебрянский отец Якова. 1938 г.

Дэпартамент па архівах і справаходзешчы Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь
Дзяржаўная ўстанова
"Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі"
вул. Краўчэвіча, 55, 220002, г. Мінск
тэл (017) 286 75 22, тэл/факс 286 75 22
Р/р 363292160006 ГАПЕРУ ААТ "Белінвестбанк",
ака 729, УНП 100074551

Дэпартамент па архівах і дэманістрацыі Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь
Госудаўственнае ўчреждение
"Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі"
вул. Краўчэвіча, 55, 220002, г. Мінск
тэл (017) 286 75 22, тэл/факс 286 75 22
Р/р 363292160006 ГОПЕРУ ОАО "Белінвестбанк",
ака 729, УНП 100074551

26.03.2007 № 04-08/244
на № _____ ад _____

Госнотхонтора №1
Октябрьскага р-на
ул. Рабкоравская, 2
220007, г. Мінск

АРХИВНАЯ СПРАВКА
(о наличии сведений)
№02-06/1631-265/03-17

В ведомостях о родившихся Минской мешанской управы за 1891 г. имеется следующая запись о рождении Серебрянского Якова Ипкова: 26 ноября 1891 г. у Ицки Сролева Серебрянского и его жены Гени родился сын Яков.

Основание: Ф. 330, оп. 1, д. 336, л. 149

Директор архива
Зав. отделом

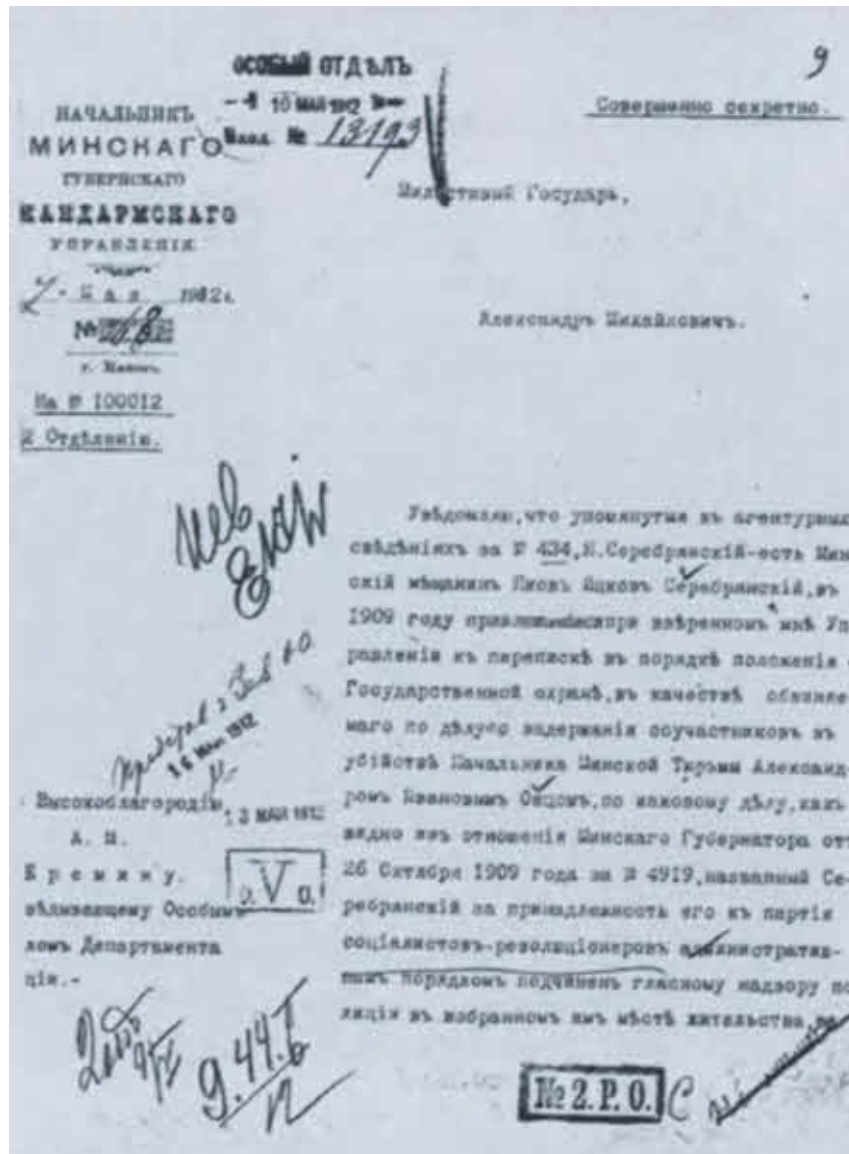
А.К. Голубович
С.А. Рыбчонок

Архивное свидетельство о дате рождения Якова Серебрянского

Минск в 1890-х годах

Первая страница секретного документа Минского губернского жандармского управления от 7 мая 1912 года

Минский железнодорожный вокзал

Вступление русских войск в Восточную Пруссию. Август 1914 г.

Гилянская Советская Республика на карте 1920 года

Яков Григорьевич Блюмкин

Одна из удин Решта

Яков Серебрянский. 1920-е гг.

Тель-Авив, улица Алленби. 1920-е гг.

Полина Натановна, жена Якова Серебрянского

Нагрудный знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ(У)» (высшая ведомственная награда)

Обложка Грамоты к нагрудному знаку, которым Серебрянский был награжден в 1929 году

*Сотрудница Особой группы при председателе О ГПУ Инна Натановна
Беленькая, сестра Полины Серебрянской*

*Руководитель Особой группы при председателе ОГПУ Яков Исаакович
Серебрянский*

Сестры Инна Беленькая и Полина Серебрянская.

Париж, 1929 г.

Париж в начале 1930-х годов

Нагрудный знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)», которым Серебрянский был награжден в 1932 году

Генерал Александр Павлович Кутепов

Старший майор государственной безопасности Павел Анатольевич Судоплатов

Генерал Евгений Карлович Миллер

*Одно из зданий Специальной школы СГОН диверсионного профиля,
которая находилась в Москве до 1939 года*

Руководитель ПОУМ Андреас Нин

Александр Орлов с дочерью.

Испания, 1937 г.

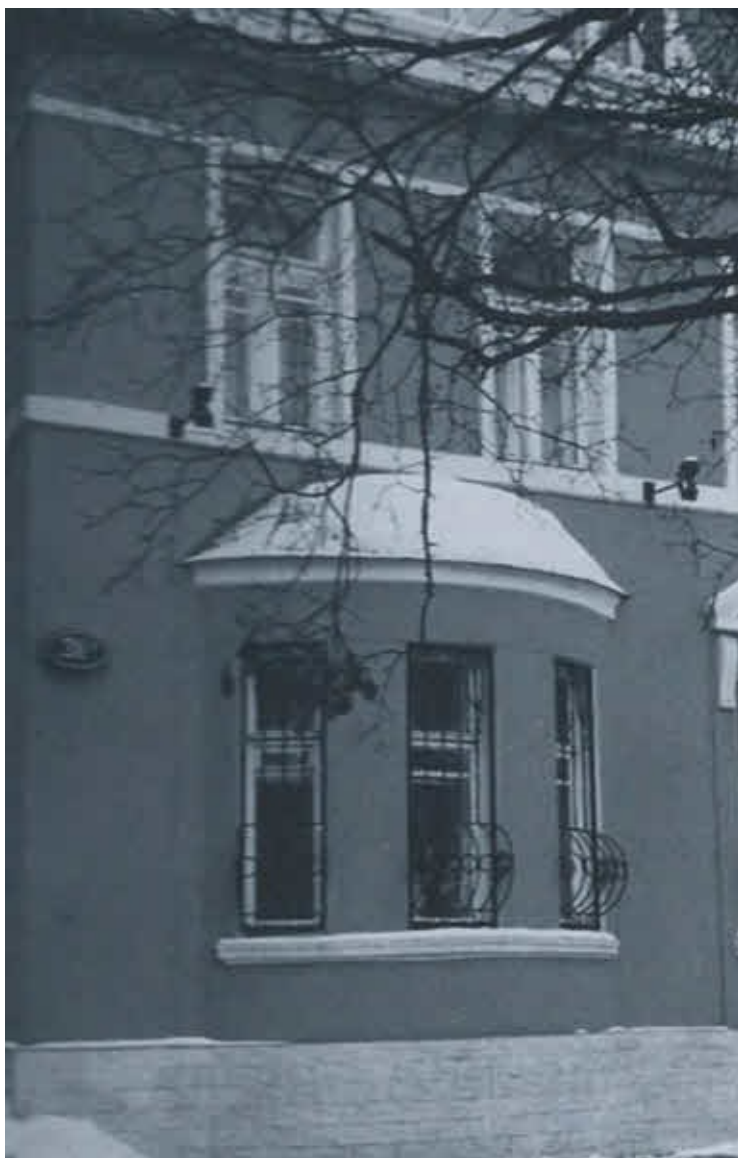
Лев Седов («Сынок»)

Л. Д. Троцкий со старшим сыном Львом Седовым

Я. И. Серебрянский. Москва, январь 1942 г.

Москва, Гоголевский бульвар, 31. В этом особняке семья Серебрянских жила до ареста 10 ноября 1938 года

ПРИГОВОР

411

Именем Союза Советских Социалистических Республик
Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего Дивьянтова Александра
Членов: Брильянтова Михаила и Карпова
При секретаре военном юристе 1 ранга Гушало
В закритом судебном заседании, в гор. Москве
7 июля 1941 года, рассмотрела дело по обвинению:
СЕРЕБРЯНСКОГО Якова Исааковича, 1892 г.р., бив.
начальника специальной группы ГУГБ НКВД СССР, - в
преступлен., предусмотрен. ст. ст. 58-1"а" и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Серебрянский
о 1938 году являлся членом партии проф. Зоро
Коричневской организации, существовавшей
в органах НКВД, куда он зачислен в
качестве Якова.
Одновременно Серебрянский являлся
агентом английской и французской раз
ведок, которые снабжали его документами
и материалами, советскими документами
документами тайны и от 4 лет
применялись, предусмотренные ст. ст.
58-1а и 58-11 УК РСФСР.
На основании упомянутого и рукописей
взятых в 1941 году Яковом Яковичем
Александром Карповым Судом Союз ССР

Приговор Я. И. Серебрянскому. Первая страница

Приговорился
Серебрянского Якова Шааковича под
версией Высшей судебной власти и
защиты - процессу, в конкурсной
кем, лично или иным образом и
лица

Приговор Октябрьский, 4-й
Ваня не прочитал

Председательствующий Давид

Генерал } Учитель
Министр

Согласно постановлению Президиума
Верховного Совета СССР от 27/11-41г.
из надзора освобожден
Сводные 1-й. Выпущена из надзора
от 17/11-41г. и 17/11-13996 в. 393095 от 25/11-41г.

Приговор Я. И. Серебрянскому. Последняя страница

под. М. Горького Л. С.

25

СМОЛЕНСКА

Протокол № 97 _____, 22 августа 1941 г.

ДАННЯ СЕКРЕТАРИАТА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Ходатайство НКВД СССР о возвращении
СЕРЕБРЯНСКОМУ Я.И. орденов Ленина и
Красного Знамени.

Дело № 15902.

1. Возвратить СЕРЕБРЯНСКОМУ Якову Исааковичу ордена Ленина и Красного Знамени с орденскими документами.
2. Ввиду того, что принадлежности Серебрянскому Я.И. орден Ленина за № 3363 и ордена Красного Знамени за № 20171 сданы в переплывку на Монастырь Двор, разрешить Отделу по учету и регистрации награжденных взамен их выдать Серебрянскому Якову ордена из фонда очередного вручения.
3. Выдать Серебрянскому Я.И. орденские доку-менты; книжку денежных купонов - с 1.УВ.1941г.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР - *А. Горький*
(А. Горький)

*Ходатайство НКВД СССР о возвращении Серебрянскому орденов
Ленина и Красного Знамени от 22 августа 1941 года*

Майор госбезопасности

Иван Николаевич Каминский

Полковник Петр Яковлевич Зубов

Рудольф Иванович Абель

Вильям Генрихович Фишер

Старший лейтенант госбезопасности Михаил Маклярский. 1936 г.

Анна Федоровна Камаева-Филоненко.

Москва, 1941 г.

Юрий Колесников (первый слева) в группе партизан

Наум Маркович Белкин

Генрих Шерхорн («Шубин»)

Александр Демьянов («Гейне»)

Генерал-майор Эйтингон.

Москва, 1945 г.

Руководитель диверсионных групп Эрнст Волльвебер

Руководитель разведгруппы Ференц Патаки

Старший майор госбезопасности Яков Серебрянский. 1942 г.

Фото из личного архива Колесникова с его автографом на обороте

Дорогой Яков Исаакович
Серебрянский...
Которому обязан жизнью
Ю. Колесников
1944 25

Оборот фотографии Серебрянского с автографом Ю. Колесникова

Борис Аркадьевич Рыбкин

Константин Михайлович Кукин

Гроссадмирал Эрих Редер

Яков Серебрянский с сыном Анатолием. Москва, 1946 г.

Полина Натановна Серебрянская с сыном Анатолием. Москва, 1946 г.

Герой России Юрий Антонович Колесников.

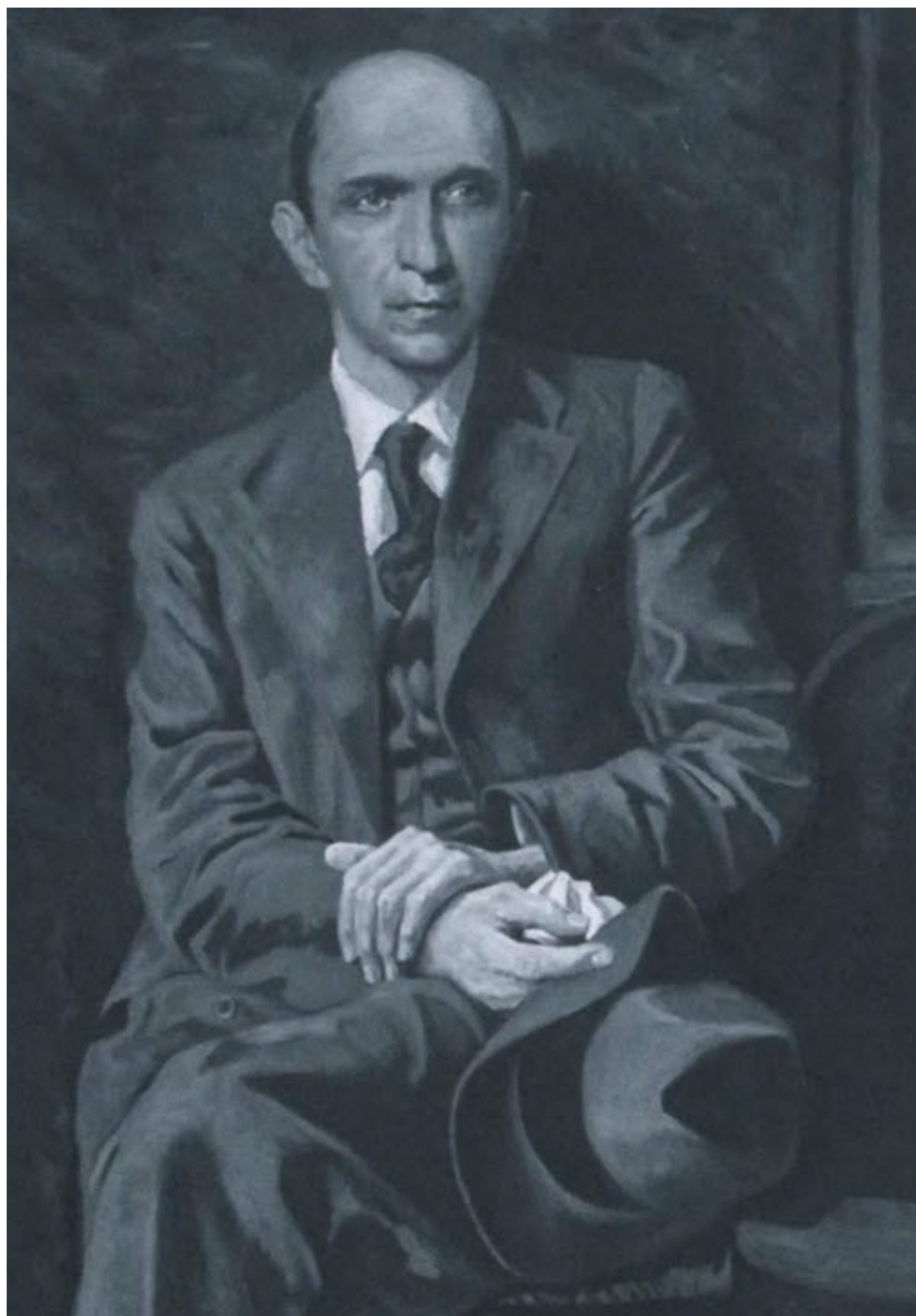
Москва, 2010-е гг.

Анатолий Яковлевич Серебрянский

Анатолий Серебрянский и Юрий Колесников в колумбарии Донского кладбища. Москва, 2010-е гг.

Портрет Якова Исааковича Серебрянского.

Художник Сергей Дороженко

ЛИТЕРАТУРА

- Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985.
- Лубянка-2: Из истории отечественной контрразведки. М., 1999.
- Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из центрального архива ФСБ России. М., 2002.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. II. Кн. 1. М.: Издательство «Русь», 2000.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. III. Кн. 1. М.: Издательство «Русь», 2003.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. IV. Кн. 1, 2. М.: Издательство «Русь», 2007.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. V. Кн. 2. М.: Издательство «Кучково поле», 2008.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3, 4. М., 1997, 1999.
- Абрамов В.* Евреи в КГБ: Палачи и жертвы М.: Яуза; Эксмо, 2005.
- Антонов В. С.* Начальники советской внешней разведки. М.: Вече, 2015.
- Антонов В. С.* Сто великих разведчиков России. М.: Вече, 2017.
- Антонов В. С., Карпов В. Н.* Расстрелянная разведка. М.: Международные отношения, 2017.
- Воскресенская З, И.* Теперь я могу сказать правду. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.
- Гоголь В. А.* Бомба для Сталина: Внешняя разведка России в операциях стратегического масштаба. М.: Воскресенье, 1993.
- Дамаскин И. А.* Сто великих разведчиков. М.: Вече, 2001.
- Дамаскин И, А.* Сто великих операций спецслужб. М.: Вече, 2003.
- Дегтярев К, Колпакиди А.* Внешняя разведка СССР. М.: Яуза; Эксмо, 2009.
- Киселев Е.* Диверсант, ставший министром // Независимое военное обозрение. 2005. № 32. Август.
- Колесников Ю.* Среди богов: Неизвестные страницы советской

разведки. М.: Книжный мир, 2014.

Колпакиди А. Ликвидаторы КГБ. М.: Эксмо; Яуза, 2004.

Колпакиди А. Все о внешней разведке. М.: ООО «Издательство «Олимп»; ООО «Издательство АСТ», 2002.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Колпакиди А., Север А. Разведка в Великой Отечественной войне. М., 2010.

Линдер И. Б., Чуркин С. А. Легенда Лубянки: Яков Серебрянский. М.: РИПОЛ классик, 2011.

Малиновская М., Эйтингон Л. На предельной высоте. Великие Луки, 2009.

Нечипоренко В. Чекисты-писатели // Секретные материалы 20 века. СПб., 2010. № 20 (302).

Репин Л. Битва за Москву // Комсомольская правда. 2017. № 139. 4 декабря.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гея», 1996.

Судоплатов П. А. Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Чуев Ф. Я. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М.: КОВЧЕГ, 1998.

Шарапов Э. Судоплатов против Канариса. М.: Яуза; Эксмо, 2004.

Шварев Н. А. Разведчики-нелегалы СССР и России. М.: Родина, 2006.

Шварев Н. А. Пока живет разведка — не пропадет страна. М.: Кучково поле, 2013.

INFO

Антонов В. С.

А72 Яков Серебрянский / Владимир Антонов. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 295[9] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1795).

ISBN 978-5-235-04309-1

УДК 94(47+57):355.34

ББК 63.3(2)63-36

знак информационной продукции 16+

Антонов Владимир Сергеевич
ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИЙ

Редактор *Е. В. Смирнова*
Художественный редактор *А. С. Козаченко*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 21.03.2019. Подписано в печать 30.04.2019.
Формат 84x108/32.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 15,96+1,68 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ № 1916460.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato

BERTELSMANN

Supply Chain Solutions

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного электронного оригинал-макета в ООО
«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия,
Ярославль, ул. Свободы, 97

СЕРИЯ

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. Ю. Бондаренко **ГЕРОИ «СМЕРШ»**

Эта книга — о войне и о тех людях, которые обеспечивали безопасность сражающейся Красной армии. Автор не отделяет работу сотрудников легендарного Смерша, военных контрразведчиков, от того, что происходило на фронтах, и это помогает читателю самому сделать вывод о нужности и важности их деятельности. Герои книги — сотрудники Смерша различных рангов, от начальника Главного управления контрразведки Наркомата обороны до зафронтового агента. Особое внимание уделено судьбам оперативных работников, находившихся непосредственно в боевых порядках войск, в том числе — павших в сражениях. Здесь помещены биографии сотрудников Смерша, впоследствии занявших высшие должности в органах безопасности, и тех, кто, уйдя в запас, достиг вершин в совершенно иных областях, а также рассказано обо всех «смершевцах» — Героях Советского Союза. Книга «Герои «Смерш» развенчивает многие «легенды» и исправляет заблуждения, зачастую общепризнанные. Она открывает малоизвестные страницы Великой Отечественной войны и помогает понять и осмыслить ту роль, которую сыграла военная контрразведка в деле достижения Великой Победы.

А. Ю. Бондаренко **ВОЕННЫЕ КОНТРРАЗВЕДЧИКИ**

Настоящая книга — это рассказ о столетней истории и славных боевых делах военной контрразведки ВЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ — ФСБ России, а также — о ее людях. Но это не биография одной конкретной личности и не сборник очерков. Говоря об истории службы, автор постарался рассказать о многих ее сотрудниках, что позволит читателю получить достаточно полное представление о людях, в различное время осуществлявших контрразведывательную деятельность в войсках, и о той работе, которую они выполняли.

Н. Г. Петрова
НАХИМОВ

Имя адмирала Павла Степановича Нахимова (1802–1855) вписано в историю воинской славы России. Выпускник Морского корпуса участвовал в трехгодичном кругосветном плавании, получил боевое крещение в Наваринском сражении против турецкого флота, строил и вооружал корабли в Архангельске, Кронштадте и Николаеве, защищал Черноморское побережье Кавказа от турок и горцев, руководил инженерными работами в Новороссийской бухте, одержал блестящую победу над турецкой эскадрой при Синопе. Нахимова называли душой обороны Севастополя — «русской Т|юи» — в Крымскую войну. Его жизнь и гибель являют собой яркий образец исполнения воинского долга. Каким образом уроженец сухопутной Смоленской губернии стал моряком? Как он был связан с русскими колониями в Северной Америке и почему привлечен к следствию по делу декабристов? За что его прозвали морским Суворовым? На эти вопросы отвечает книга историка и писателя Натальи Петровой, на основании опубликованных и архивных документов рассказывающая о жизненном пути флотоводца, ставшего национальным символом стойкости и мужества.

А. Ю. Карпов
ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

Вниманию читателей предлагается биография одного из самых ярких правителей в истории Русского средневековья, великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода Большое Гнездо. Именно в годы его княжения (1176–1212) Владимиро-Суздальская Русь достигла наивысшего расцвета, превратившись в сильнейшее русское государство, и от одного слова владимирского «самодержца» не раз зависели судьбы княжеских столов в Киеве, Новгороде, Галиче, Рязани и других городах. «Сей есть Всеволод всем русским нынешним князьям отец», — писал о нем книжник XVI века, и слова эти можно истолковать и так, что многие черты будущей российской государственности и политической жизни Московского царства были заложены в правление самого могущественного из владимирских князей. Вместе с вышедшими ранее биографиями отца Всеволода князя Юрия Долгорукого и старшего брата Андрея Боголюбского книга образует своего рода трилогию, в центре которой история Владимиро-Суздальского княжества — политического ядра будущей Великороссии.

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Сергеева-Клятис «ЗАЛОЖНИКИ ЛЮБВИ»

В. Цицанкин «ВАЛЕРИЙ ХАЛИЛОВ»

А. Куланов «ЗОРГЕ»

А. Житнухин «ФЕДОР ЛОГИНОВ»

Н. Петрова «НАХИМОВ»

А. Карпов «ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»

Н. Беглова «ИЗАБЕЛЛА ЭБЕРГАРТ»

А. Бондаренко «ВОЕННЫЕ КОНТРАРАЗВЕДЧИКИ»

А. Панцов «ЧАН КАЙШИ»

Н. Бодрихин «НИКОЛАЙ ДОЛЛЕЖАЛЬ»

К. Ковалев-Случевский «НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ»

А. Горбунов «ОЛЕГ БОРИСОВ»

notes

Примечания

Речь Посполитая — традиционное наименование польского государства в конце XV–XVIII веке. С 1569 до 1795 года официальное название польско-литовского государства. — *Здесь и далее примечания автора.*

2

Одна верста равна 1066,8 метра.

Николай Николаевич Юденич (1862–1933) — русский военный деятель, генерал от инфантерии (1915). Один из самых успешных генералов Российской империи во время Первой мировой войны. В Гражданскую войну возглавлял силы, действовавшие против советской власти на северо-западе страны.

Степан Георгиевич Шаумян (1878–1918) — революционер и политический деятель. Один из лидеров революционного движения на Кавказе, журналист, литературный критик. Член РСДРП с 1900 года. Глава кавказских большевиков (1917). Расстрелян в числе двадцати шести бакинских комиссаров.

В 1935 году первый иранский правитель из династии Пехлеви, Реза, обратился с письмом в Лигу Наций с просьбой использовать для названия своей страны слово «Иран» вместо «Персия». Он обосновал это тем, что так испокон веков называют ее жители страны (Иран — «Страна ариев»).

Ярд — британская и американская единица измерения расстояния. С 1101 года равен 0,9144 метра. В настоящее время метрический ярд равен 91,44 сантиметра.

Антанта — империалистический блок Великобритании, Франции и царской России. Оформился в 1904–1907 годах и объединил в ходе Первой мировой войны против германской коалиции более двадцати государств (среди них США, Япония, Италия). Провал организованной империалистическими кругами Антанты антисоветской интервенции (1918–1920) и обострение противоречий между участниками блока привели к его распаду.

Лимитроф (от лат. *limitrophus* — «пограничный») — термин, означающий совокупность государств, образовывавшихся после 1917 года на территории, входившей в состав Российской империи. По окончании Первой мировой войны использовался для обозначения государств, образовавшихся из окраин бывшей царской России, главным образом из западных губерний.

Максим Вейган (1867–1965) — французский военный деятель, в 1920 году возглавил франко-британскую миссию во время советско-польской войны. В 1931–1935 годах являлся начальником Генерального штаба французской армии.

Фердинанд Фош (1851–1929) — военный теоретик, маршал Франции с 1918 года, в 1920–1929 годах — член Высшего военного совета Франции.

Алия (буквально: «подъем», «восхождение») — репатриация евреев в Государство Израиль (Страну Израиля).

До мая 1941 года дипломатические учреждения СССР за границей назывались полномочными представительствами, возглавляли их, соответственно, полпреды. В мае 1941 года полпредства стали называться, как принято во всем мире, посольствами во главе с послами.

Павел Ефимович Дыбенко (1889–1938) — российский революционер, советский политический и военный деятель, первый народный комиссар по морским делам РСФСР, командарм 2-го ранга.

Международный договор, заключенный 25 ноября 1936 года в Берлине между Германией и Японией, создавший двусторонний блок этих государств и направленный против Коммунистического интернационала (Коминтерна) с целью не допустить дальнейшего распространение коммунистической идеологии в мире.

Учредительный съезд так называемого 4-го (троцкистского) Интернационала открылся 3 сентября 1938 года под Парижем. На нем присутствовал 21 делегат из 11 стран, что свидетельствовало об определенном влиянии троцкистов на международное коммунистическое движение.

«Пятая колонна» — наименование агентуры генерала Франко, действовавшей в Испанской республике в период гражданской войны 1936–1939 годов. Этот термин возник в начале октября 1936 года, когда франкистский генерал Э. Мола заявил по радио, что мятежники ведут наступление на Мадрид четырьмя колоннами, а пятая (агентура франкистских спецслужб в рядах республиканцев) в решающий момент ударит с тыла. «Пятая колонна» сеяла панику, занималась саботажем, шпионажем и диверсиями. Этот термин прочно закрепился как нарицательное понятие предательства и стал международным. Так, во время Второй мировой войны 1939–1945 годов «пятой колонной» называли нацистскую агентуру в различных странах, помогавшую захвату этих стран фашистскими войсками.

Приложения не публикуются.

Абвер (оборона, отражение) — орган военной разведки и контрразведки Веймарской республики и Третьего рейха в 1919–1944 годах. Входил в состав Верховного командования вермахта.

Берлинская агентурная группа НКВД Харнака — Шульце-Бойзена, получившая в дальнейшем название «Красная капелла», была разгромлена из-за предательства в августе 1942 года. Но в то же время несколько важных источников информации и агентов влияния в Германии было сохранено. В частности, некоторые агенты гамбургской группы, созданной Серебрянским в концернах «Фарбен индустри» и «Тиссен», а также в гамбургском порту, ушли в подполье и уцелели.

Леонид Федорович Райхман (1908–1990) — сотрудник органов государственной безопасности, генерал-лейтенант. В 1946–1951 годах — заместитель начальника контрразведки МГБ СССР. В 1951 году арестован по обвинению в организации «националистического еврейского заговора». В мае 1953 года освобожден и назначен начальником Контрольной инспекции МВД СССР. В августе вновь арестован. В 1956 году Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к восьми годам лишения свободы. В 1957 году амнистирован.

Красный интернационал профсоюзов — международная организация коммунистических профсоюзов, созданная в Москве в июле 1921 года в ходе конгресса профсоюзов, которые не вошли в Амстердамский интернационал (социал-демократическую Международную федерацию профсоюзов).